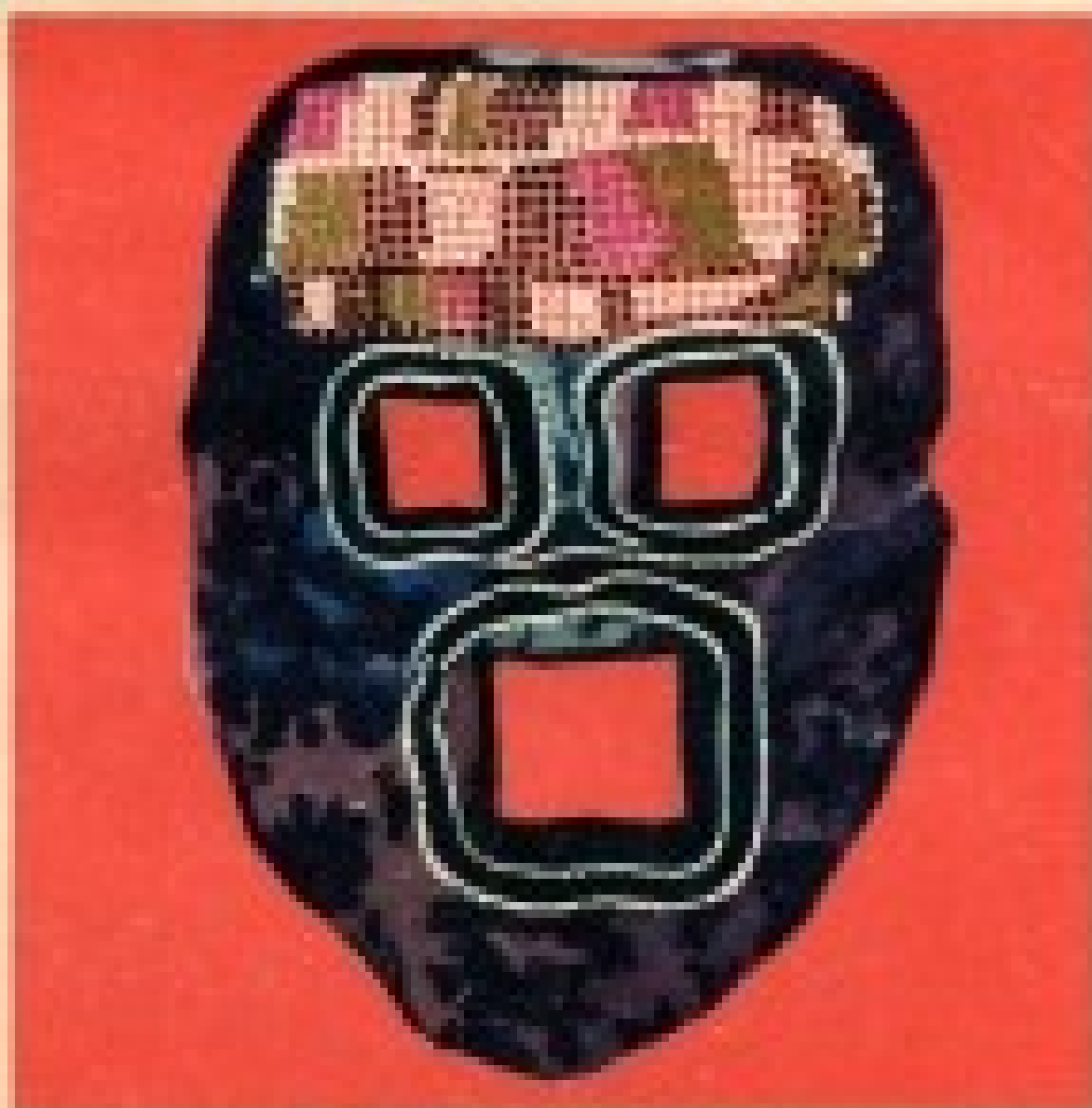

ГАРРИ РАЙТ
**Свидетель
колдовства**

Гарри РАЙТ
СВИДЕТЕЛЬ КОЛДОВСТВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья. Чудеса и трагедии слепой веры
(*Владимир Леви*)

Глава 1. Терапия колдунов

Глава 2. Роды на Амазонке

Глава 3. «Отравление» крови

Глава 4. «Колдун» Чоро

Глава 5. Танец обнаженных

Глава 6. Воля мертвеца

Глава 7. Испытание колдовством

Глава 8. Фетиши и жертвоприношения

Глава 9. «Воскрешение из мертвых»

Глава 10. Посвящение в женщины

Глава 11. Наука и «дурной глаз»

Глава 12. Лечение в джунглях

Глава 13. Любовь и страх

Глава 14. «Танец самоубийства»

Глава 15. Испытание муравьями

Заключение

ЧУДЕСА И ТРАГЕДИИ СЛЕПОЙ ВЕРЫ

(Размышления о книге)

У себя на родине в Америке этот человек — зубной врач. Проработав некоторое время, он отправляется путешествовать. Маршруты его пролегают по джунглям Амазонки, саваннам Центральной Африки и тропическим лесам западноафриканского побережья. Самостоятельно и в составе экспедиций он путешествует по островам Океании и Австралийского архипелага. Бразилия и Перуанские Анды, Малайя и Габон, страна Бзпенде, Ява, Борнео... Перед ним открываются странные миры, мало известные в том, который величает себя цивилизованным. Непривычный климат, странные обычаи, необычайная музыка, магические ритуалы. Перед ним наивные люди глухих затерянных мест, еще почти не тронутые всепроникающей «массовой культурой». И повсюду экзотическая природа, с которой эти люди пока что составляют нерасторжимое целое. Опасности путешествий его не страшат. С собой у него нет никакого оружия, только фотоаппарат и неумное любопытство. Он жадно наблюдает и, возвращаясь домой, записывает впечатления.

Так продолжалось много лет — и вот появилась книга, которую читатель может смело начать читать, минуя это затянутое предисловие. Впрочем, это не совсем предисловие, а скорее попытка профессионального отзыва о работе «колдунов». Ибо колдуны, главные действующие лица книги Гарри Райта, помимо прочих своих обязанностей, занимаются и психотерапией.

Но сначала немного об их пациентах: чтобы понять, что значит для них колдун (он же знахарь, жрец, шаман и т. д.), необходимо представить, как они видят мир и самих себя.

Мир призраков, власть страха

Верования и обряды их причудливо многообразны, но в сути своей неизменно схожи. Их миром «управляют» духи — вездесущие и непостижимые начала добра и зла. Духи могущественны и коварны, несговорчивы и мстительны. В их власти погода и урожай, болезнь и здоровье, счастье и несчастье... Невидимые, но могущие принимать любую форму — зверя, предмета, человека, — они вселяются во все и вся и повсюду вершат свой произвол. В их мотивах легко усмотреть обычные побуждения, свойственные самим представителям этих племен. Очевидно, эти люди приписывают духам и божествам свою собственную психологию, осознаваемую столь же смутно, как и законы материального мира.

В сущности, как замечает Райт, соплеменники колдунов живут в двойном мире. Первый — мир их обыденной деятельности, второй — призрачный. Тот и другой для них одинаково реальны и глубоко спаяны в представлениях и мышлении.

Быть может, мы лучше поймем это, вспомнив, как часто ребенок одушевляет предметы и приписывает животным человеческие побуждения, как легко верит в волшебные слова и действия... Причинно-следственная структура мира в его разуме еще не обозначилась: его легко убедить, что убийство лягушки может повлечь за собой дождь, а если побить стул, о который ушибся, боль утихнет — и ведь действительно утихает! Когда видишь вокруг себя множество необъяснимых совпадений, очень просто прийти к выводу, что связь вещей и событий не имеет ограничений. Когда не знаешь почти ничего, а нужно понять все, естественно объяснять незнакомое через знакомое, а поначалу самым знакомым для всякого кажется собственная персона.

Вот и магия: все может влиять на все, и на меня в том числе. Значит, и я могу влиять на все, совершая определенные действия, сочетая слова, предметы, поступки...

Это стихийное, как бы само собой вытекающее из нашей психической природы предположение о неограниченной связи всего со всем есть, в сущности, первоначаток научного мышления. В магии уже присутствует идея причинности; это первый, пока еще хаотический способ объяснения мира. Да, эти люди все время по-своему ищут причины и связи явлений. С каким упорством они выискивают виновников своих страданий и неудач! Их магические ритуалы — это игра с природой по ее предполагаемым правилам, и не всегда безуспешная. Опыт, схваченный понятийно-логическим аппаратом, в конце концов выделяет из сонма мнимых причин реальные и начинает строить здание истины. Беспорядочное комбинирование рано или поздно приводит к открытиям. Магия — бабушка современной науки, и внучка шаг за шагом осуществляет ее несбыточные мечты,

Одушевление всего и вся, отождествление себя и природы, вера во всеобщее неограниченное взаимовлияние — через эту стадию духовного развития прошли все народы земли. На ней выросло языческое многобожие и лишь позднее — единобожие, последняя стадия религиозного мировоззрения, сменяемая научно-атеистическим. Только высокое развитие экономики и культуры делает научный интеллект единойдержавным духовным

руководителем общества. Только массовая образованность и настойчивое развитие творческого инстинкта постепенно преодолевают преобладающую инерцию мысли. Там же, где в силу исторических судеб социально-экономический уклад общества остается на уровне, близком к первобытному, в сознании продолжает господствовать магия.

Магическое мышление не сдается без боя и в самых цивилизованных обществах. Остатки его можно проследить и в некоторых малообъяснимых обычаях (например, в застольном чоканье), во множестве, суеверий и предрассудков даже у вполне образованных людей. Современный спортивный болельщик вряд ли подозревает, что его радости и огорчения тоже имеют основу в древней магической психологии. Молодой математик, обладатель скептического интеллекта, отправляясь защищать диссертацию, зачем-то берет с собой маленький талисман — просто так, шутки ради, на всякий случай... Даже боязнь сквозняков по своей природе скорее магична, нежели научно обоснованна. Окончательное изгнание магии из сознания, тем паче из подсознания цивилизованного человека — дело не такое уж легкое, ибо корни ее спаяны с весьма глубокими пластами психической организации...

Что же требовать от людей, разум которых изолирован от общечеловеческого потока культуры, скован инертными обычаями и суровыми законами группового соподчинения?

Они вовсе не лишены задатков высокого развития интеллекта. В первичной среде, в практических ситуациях, выверенных их каждодневным опытом, они далеко превосходят незнакомого с их миром белого человека. Только там, где начинается неподвластное, где Непонятное обрушивается на них неожиданными препятствиями, угрозами и несчастьями, их деловая ориентировка уступает место слепому страху.

Там же, где начинаются неопределенность и страх, — кончается мысль и в полной мере вступает в силу нерассуждающая вера в авторитет. Он нужен, этот человек, бесстрашно вступающий в связь с Непонятным. Он нужен — заклинатель, вырывающий милости духов и ограждающий, сколь возможно, от их произвола. Пусть он, тайновидец, ведет и прорицает, исцеляет и вершит правосудие, пусть пользуется почетом и всеми мыслимыми привилегиями. Они выделяют его из своей среды.

Многоликий манипулятор

«...В разных местах его называют по-разному. На западном побережье Африки он нгомбо, в Центральной Африке — нианга, у народностей фанга — мбунга. В Южной Америке он курандейро, фейтесейро — у говорящих по-португальски в Бразилии, а в Перуанских Андах он бруджо. В Малайе он мендунг, на Борнео — маданг, на Яве — дукун. У гренландских эскимосов он ангакок...»

«...Он и астролог, и агроном, и метеоролог своего племени. Он говорит, когда сеять и когда начинать уборку урожая. Он решает личные проблемы соплеменников и предупреждает девушек об опасности свободной любви. В сущности, это хранитель обычаев своего племени, наставник, заботящийся о моральном, физическом и духовном здоровье соплеменников».

Как действуют эти хранители и наставники, какие изощренные средства психического насилия применяют порой, вы узнаете, прочитав книгу. Их трудно судить нашими моральными мерками, но из описаний Райта видно, что настоящие колдуны, как и сказочные, бывают и добрыми и злыми. А чаще всего то и другое одновременно.

Но каким бы ни был колдун по натуре, преобладает ли в нем жестокость или гуманность — он может играть свою роль лишь при одном условии — полной, неограниченной духовной власти над соплеменниками. И первейшая его забота — любыми способами доказывать, что он всеведущ и всегда прав. Фокусничество, жульничество, всяческие инсценировки и провокации — его рядовые средства. Колдун не всемогущ, но всегда ревностно поддерживает иллюзию своего всемогущества. Ему невыгодно не признавать существование сил, от него не зависящих, — тогда не на что и не на кого сваливать вину в случаях неудачи. Но главное — не проиграть психологически, другими словами, делать хорошую мину при плохой игре. Ни в коем случае не показать, что ты беспомощен, уметь представить дело так, что все было тобою предвидено, — вот главные правила игры этих экзотических макиавелли. Если колдун добивается желаемого — его авторитет еще больше возрастает, если не добивается — это вина тех, кто его не понял, ослушался или злобно препятствовал. Значит, надо наказать виновников и еще теснее сплотиться. Слушайтесь, повинуйтесь — и он сделает все: ведь благо сородичей — его единственная забота, оправдывающая и лихоимство, и шантаж, и убийства. Нагнетая страх и вселяя путаницу в мозги, он добивается одного — безраздельной и слепой веры. Если же колдун хоть единожды выказал бессилие, если его

поражение по правилам игры слишком очевидно, — это конец. На его место приходит новый.

Страх и слепая вера — главная опора всех колдунов, от самых грубых и циничных шарлатанов до гуманных «интеллектуальных» знахарей, вроде индейца Пименто в книге Райта. Ведомы ли они им самим? Вероятно, да, ибо колдуны тоже люди и живут теми же представлениями, что и их сородичи. Но страх колдуну противопоказан, и преодоление его — главный момент их психологической подготовки. Что же касается веры, то здесь некая двойственность... С одной стороны, колдуну надлежит верить в фантастический мир заклинаемых им духов сильнее, чем кому бы то ни было, иначе он не сможет внушать эту веру другим. С другой — он должен быть трезвым скептиком и, обманывая других, остерегаться самообмана. И в самом деле, у многих из них можно заметить какую-то странную смесь цинизма и фанатизма,

Но что же побуждает человека туземного племени избирать нелегкую профессию мага? Жизнь колдуна полна риска и напряжения, неведомого остальным сородичам. Ему всегда угрожают неудачи и позорное падение. Испытательный отбор на должность весьма суров. Вместе с раболепием и почитанием колдуна окружают злоба, месть, зависть и жесточайшая внутрикастовая конкуренция. Борьба за власть при всех временных сговорах не знает пощады и не признает никаких правил. Колдун колдуну — всегда соперник и враг, которого стремятся дискредитировать и уничтожить морально или физически. Почему же вакансия эта никогда не пустует?

Сам Райт на этот счет неопределенно замечает, что... «психологическое порабощение одних людей другими старо, как мир. На земле всегда были люди, жаждавшие власти. Но искусная, хорошо продуманная практика овладения человеческим сознанием, контроля над ним, практика превращения этого сознания в глину, из которой можно вылепить все, что угодно, — это вклад которому общество обязано прежде всего знахарям».

Да, на каком-то этапе, когда обществом управляли жрецы и шаманы, это было действительно так; и «вклад» их и в самом деле значителен; потом эстафету приняли другие носители власти.

Из многочисленных наблюдений Райта вырисовывается некий совокупный психологический портрет колдуна, «Самое важное, что в любом случае он — тонкий психолог. К тому же он должен быть и политиком, и артистом. Он понимает свою аудиторию, которая ждет

от него и развлечений, и заботы...» Типичный колдун — человек решительный, находчивый, ловкий и беззастенчивый. Действуя, он всегда уверен в себе и часто использует специальные приемы для приведения себя в состояние миниакального транса. Несомненно, что вдобавок ко всем своим профессиональным знаниям и умениям он должен обладать главнейшим компонентом психологических способностей — повышенным уровнем рефлексии. Не имея колдун ранга рефлексии хотя бы на порядок выше своего окружения — он не сможет манипулировать психологической атмосферой и сознанием соплеменников, не удержится на своем месте. Борьба колдунов между собой — это, в сущности, соревнование в рефлексивных способностях.

Интересно и другое наблюдение Райта. Колдун «часто бывает человеком ущербным — физически или социально. Он может быть слабовольным или калекой, даже эпилептиком... Зачастую он подвержен видениям, трансам и другим аномальным психологическим состояниям. В некоторых племенах знахаря называют тем же словом, что и помешанных...»

На первый взгляд это парадокс: физическая или социальная ущербность должна, казалось бы, мешать колдуну исполнять свою роль. Однако, вдумавшись, мы найдем веские основания для обратного. Недаром в народных сказках колдун обыкновенно горбат и уродлив. Он должен выделяться из своей среды чем-то необычным. Но его «ущербность» с нашей точки зрения может выглядеть достоинством в глазах соплеменников. Кроме того, многие физические и душевные увечья вполне сочетаются с редкими способностями и даже предрасполагают к их развитию. Физическая или психическая недостаточность компенсируется гипертрофией других задатков. Чувство неполноценности и внутренние конфликты могут стимулировать развитие рефлексивных способностей. Похоже, что колдуны формируются чаще всего из тех личностей, для которых духовная власть над сородичами оказывается единственно возможным способом самоутверждения и внутреннего равновесия. Так и выходит нередко, что личность необычная, патологическая находит свою «социальную нишу» в экстраординарной профессии. Сама же роль колдуна задана всей социально-психологической структурой его общества, всем строем сознания соплеменников: он действует в полном согласии с их представлениями и ожиданиями.

Внушение вчера и сегодня

Как же лечат колдуны? Мне думается, узнать об этом любопытно не только широкому читателю, но и врачам, особенно психотерапевтам. Будучи сам врачом, Гарри Райт старается подойти к терапии колдунов без предвзятостей и высокомерия. Ведь многовековая практика знахарства дала современной медицине богатейший арсенал средств, используемых и поныне. От знахарей разных континентов в страны Европы пришло множество разнообразных целебных веществ, изготавливаемых из растений. Часть из них известна широко (хинин, кураре, кокаин и т.д.), другие знакомы только медикам и фармакологам. Не приходится сомневаться в том, что в лечебной практике многих знахарей применяются и сегодня какие-то сильнодействующие средства, еще неизвестные западной медицине. Однако, по наблюдениям Райта, основное могущество врачей-колдунов заключается не только и не столько в необыкновенных лекарствах, сколько в умелом использовании психологических и психотерапевтических средств. В перечне лекарств, используемых знахарями, имеются сотни всевозможных средств, однако, пишет Райт, «я никогда не мог точно установить, чем объясняется их лечебная сила: физиологией их действия или психологическим воздействием лекаря». Отделить одно от другого трудно и современным врачам. Но перевес психологической стороны в практике знахарей несомненен.

* Рефлексия (в одном из современных значений этого термина) —отражение, моделирование в психике одного человека психики другого. Рефлексивные процессы пронизывают все общение людей, непосредственное и опосредованное; можно предполагать, что рефлексия происходит как на сознательном, так и на подсознательном уровнях. (См. на этот предмет книгу «Алгебра конфликта» В. Лефевра и Г. Смоляна. Москва, «Знание», 1967.)

«Элементы психологии и психотерапии пронизывают все существо искусства магии...» «Знахари... широко используют два основных механизма психотерапии: внушение и исповедь. Знахарь... ослабляет тревогу и внушает веру. Все это полностью соответствует принципам психоанализа и психотерапии. Однако знахарь простейшими приемами за несколько минут достигает результатов, для которых нашим высокооплачиваемым психиатрам требуются месяцы и даже годы».

Эти приемы, впрочем, далеко не всегда просты. Не так уж легко в самом деле провести массовый сеанс гипноза с внушенными

коллективными галлюцинациями, как это произошло в «танце леопарда», описываемом Райтом. Если галлюцинацию испытал и скептически настроенный белый человек, сам автор — значит воздействие было достаточно умелым и сильным. Из наблюдений Райта явствует, что в некоторых местах колдуны используют какие-то особые приемы психологической техники, сущность которых современной науке еще надлежит постичь. Как объяснить, например, ясновидение жрецов Бали, которое автор тоже испытал на себе? Я не берусь толковать это явление. Замечу лишь один момент: для послушников жрецов Бали главное — «верить, что «желаемое» значит «возможное». Это наводит на мысль, что ясновидение имеет родство с внушением.

Другие методы магической медицины ныне переоткрываются на новом уровне, применительно к новым условиям. Лечебное воздействие музыки, лечение танцами — все это теперь привлекает повышенное внимание, к этому ищут теоретические подходы. Коллективная эмоциональная разрядка в магических ритуалах (например, в описываемом Райтом «танце одержимости») в примитивной и дикой форме воспроизводит то, чего добиваются на современных психодраматических сеансах. Но вот главное:

«Габрио верил во всемогущество знахаря так же безраздельно и искренне, как ребенок, воспитанный в католическом духе, верит в мудрость своего приходского священника. Он верил в могущество знахаря еще до того, как тот его проявил...»

Все та же вера, слепая вера. Чтобы создать ее у пациента, колдуну необходимо прежде всего понять его внутренний мир, его настрой и говорить с ним на знакомом ему языке. Нет, понятным должно быть вовсе не все: «секреты фирмы» ревностно охраняются. Чем больше непонятных действий и слов, тем внушительнее процедура. Но непонятные действия должны давать понятные результаты. Многообразие колдовских приемов велико, суть их почти всегда одна и та же. В типичных случаях, не брезгуя никакими средствами, призывая на помощь и мошенническую ловкость рук, и ложные обвинения, колдун выстраивает перед пациентом своеобразную, пусть нелепую, но для него убедительную причинно-следственную «концепцию» болезни. Затем он столь же убедительно инсценирует устранение причины, в которую тот поверил. Одной болезнью он вытесняет другую, одним страхом — другой страх.

Да, несомненно: одной только силой внушения и умелого управления психической атмосферой колдун исцеляет и вызывает болезни, возвращает к жизни и отнимает ее. Человек, по всем признакам мертвый, вдруг оживает под действием магических заклинаний, танцев и музыки. Умирают люди, выпившие испытательное зелье. Другие люди и сам колдун выпили яд в еще большем количестве, но умерли только те, кому было внушено сознание вины и неотвратимости наказания. Быстро погибает человек, обвиненный в преступлении. Его не убивали, не наказывали, не отравляли. Его... «убедили умереть».

Читая это, я вспомнил известный опыт, проводившийся в дореволюционное время. Преступнику, приговоренному к смерти убийце, которому так или иначе было суждено умереть насильственной смертью, сообщили, что он будет казнен посредством вскрытия вены. Его привели к месту казни и, показав ее орудия, завязали глаза. Далее был имитирован надрез скальпелем, и на обнаженную руку полилась теплая вода — «кровь». Через несколько минут началась агония, и приговоренный скончался. Вскрытие показало смерть от паралича сердца. Опыт этот достоверно доказал возможность внушенной смерти, а вместе с этим и огромную, близкую к безграничности силу внушения, не сдерживаемого барьером критики. Сознание вины и имитация казни заставили жертву ожидать немедленного наступления смерти с высочайшей, абсолютной внутренней достоверностью. Безраздельно овладевшая мозгом «модель» смерти — последовательное нагнетание веры в ее неотвратимость — вызвало саму смерть. Очевидно, мозг способен превращать свои иллюзии в реальность. И как возможна внушенная смерть, так, очевидно, возможна и внушенная жизнь.

Вспоминается высказывание врача Наполеона: «У победителей раны заживают быстрее...»

Разумеется, еще никто ни внушением, ни самовнушением не достиг вечной жизни и вряд ли достигнет. Но смещения внутренних вероятностей, эмоциональные «броски» мозга в одних случаях приближают, в других оттягивают неотвратимое. И что такое, в конце концов, сама жизнь, если не непрерывная, сколь возможно длительная оттяжка смерти? Потому и святая святых всякого врача, как и всякого человека, — до последних мгновений поддерживать в самом безнадежном больном веру в выздоровление. Жизнь кончается, когда кончается вера в жизнь. Дать эту веру может лишь

тот, кто умеет верить сам. Нельзя верить в чудеса, но верить в возможность чуда необходимо.

Гарри Райт пишет, что знахари «...используют механизмы психологического воздействия, которые не зависят ни от этнических обычаев, ни от языка, ни от географического района... Очевидно, что в их основе лежат единые черты человеческого характера». Видимо, это так. Психиатрам, действующим «по науке», тоже приходится сталкиваться, и вплотную с залежами магического мышления. Более того, они вынуждены использовать их иногда в целях лечения.

Непонятное и неподвластное в достаточной мере присутствует и в жизни современного цивилизованного человека. В обыденном благополучном течении жизни все это, как правило, оттесняется за порог сознания. Но вот внезапная угроза — болезнь, смерть, личная или социальная драма, — и демоны снова всплывают. Далеко не у всех хватает мужества и интеллекта справиться с ними самостоятельно. Пробуждаются пласты примитивной внушаемости, появляется потребность во внушении извне...

Н.Н., женщина средних лет, по характеру склонная к мнительности и опасениям за свое здоровье, случайно поперхнулась куском пищи, а в течение нескольких дней ощущала затруднение при глотании. Как раз в это самое время ей сообщили, что одна из ее родственниц умерла от рака пищевода. На это, как бывает почти всегда, наслоились личные и служебные неприятности. Этих совпадений оказалось достаточно, чтобы Н.Н. завладела мыслью, что раком больна и она: расстройства глотания стали нарастать, появились сильные боли, депрессия и бессонница. Хирурги и терапевты, проведя тщательное обследование, не установили никаких признаков поражения пищевода, но это не успокоило Н.Н.: мысли о раке продолжали терзать ее днями и ночами, боли усиливались, она стала быстро худеть, не могла работать, забросила домашние дела... Никакие увещевания врачей и родных не действовали («возможно, это скрытый рак, а скорее всего меня просто успокаивают, обманывают: ведь о раке больным никогда не говорят; очевидно, мое положение безнадежно...»). Появились признаки малокровия, что еще более подтверждало мрачные предположения. Читая медицинскую литературу, Н.Н. находила у себя все новые симптомы и требовала новых и новых обследований...

В этом-то состоянии Н.Н. не без труда убедили обратиться к нам. Передо мной сидела изможденная женщина, по виду действительно раковая больная. Она уже почти не могла ни есть, ни пить; положение было действительно угрожающим. С первых же мгновений беседы стало ясно, что Н.Н., несмотря на достаточно развитый интеллект, особа чрезвычайно внушаемая и подверженная резким эмоциональным колебаниям: в этом была главная подоплека ее страдания, но в этом же залог избавления.

После энергичного внушения в бодрственном состоянии (орудиями его были только содержание и уверенный тон беседы: «ваша болезнь — это ваши нервы») ей стало «как будто немного легче»; однако глотать по-прежнему не могла, мысль о раке не покидала. Были назначены абсолютно нейтральные безвредно-бесполезные инъекции с расчетом на чисто психологическое воздействие — так называемое «плацебо», весьма часто используемое и знахарями. Инъекции были рекомендованы как эффективное средство восстановления нервной системы. Назначать настоящие химические успокоители было рискованно: малейший необычный эффект мог быть истолкован как новый симптом. Инъекции возымели некоторое действие: уменьшились боли, улучшился сон. Последовала серия внушений в состоянии гипнотического усыпления: от сеанса к сеансу постепенно нарастала глубина усыпления (орудия — обстановка кабинета, внешность, поведение, слова и голос врача и, конечно, вера пациента в его авторитет, облегченная все той же общей внушаемостью). От сеанса к сеансу нарастала категоричность внушений («проходят боли... налаживается аппетит и сон... вы здоровы...»). Наконец, во время одного из сеансов, находясь в глубоком гипнотическом сне, Н.Н. под влиянием приказного внушения свободно проглотила несколько больших кусков твердой пищи, что ранее было решительно невозможно. С этого момента глотание восстановилось. Н.Н. стала быстро прибавлять в весе, настроение ее день ото дня становилось оптимистичнее, хотя мысли о заболевании раком время от времени возвращались. Через некоторое время исчезли и они; еще несколько поддерживающих сеансов — и Н.Н. стала практически здоровой.

Но психотерапия на этом не закончилась. После выполнения «программы-минимум» приступили к «программе-максимум». В последующих беседах Н.Н. последовательно разъяснялись механизмы ее болезни и особенности ее собственного

психоэмоционального склада, отношения к миру и к себе. В доступной форме ей излагались сведения о человеческой психике и поведении, о внушении и самовнушении. В конце концов были раскрыты «все карты» проведенного лечения. Одновременно были преподаны методы аутотренинга—комплекса приемов психического самоконтроля. Последние беседы носили уже скорее общежизненный, философский характер... Все это преследовало цель укрепить личность Н.Н., сделать ее гибче, сильнее, самостоятельнее, чем до болезни. О результате можно судить по тому, что сама Н.Н. стала активным помощником врача в работе с пациентами, подобными ей.

Вот рядовой случай из практики врача-психотерапевта. Случай, как видно из описания, удачный (увы, так бывает не всегда). Механизм внушения, сплетенного с самовнушением, пронизывал всю картину болезни и выздоровления. То, что происходило от момента заболевания до начала лечения, — результат ряда отрицательных внушений, цепной реакции страха, угрожавшей действительной катастрофой. От момента лечения начала действовать цепная реакция надежды — положительное внушение. Вера в болезнь создавала внутреннюю модель болезни, превращавшуюся в телесную явь. Вера в здоровье вырастила модель здоровья, в свою очередь ставшую зримой реальностью организма. Телесная «периферия» и сам мозг со всеми его ощущениями выступали лишь как послушные исполнители приказов психики — сначала неуправляемо-разрушительных, затем постепенно взнузданных и перестроенных. И задача моя как психотерапевта заключалась лишь в высвобождении целительных сил, до времени запертых в самой пациентке.

В человеческом организме нет ничего, что не зависело бы так или иначе от психики. Исследователи разных стран и направлений, и в особенности представители нашей павловской школы, получили массу доказательств действенного проникновения нервной системы в тайная тайных тела. Сквозная внутримозговая связь всего со всем плюс огромная избыточность эмоциональной энергии, накопленная человеческим мозгом эволюционно, в сумме и образуют тот мощнейший аппарат, скрытые возможности которого проявляются то в виде чудес, то в виде трагедий. Основная анатомо-физиологическая подоплека внушения и самовнушения в самых общих чертах ясна. Она вполне материальна и познаваема.

Познаваема — но, конечно, еще далеко не познана... Врач-психотерапевт и в цивилизованном мире пока действует в большей мере интуитивно, нежели рационально. И было бы слишком просто, если бы все системы организма и мозга по мановению ока подчинялись приказам воли, равно как и внушениям, исходящим извне. Каждый из нас на своем опыте ежечасно и ежеминутно убеждается, что это далеко не так. Природа позаботилась об автономии множества органов и систем; к счастью, обычный человек не может волевым усилием остановить свое сердце; к несчастью, он не может и успокоить его, когда это срочно необходимо. Основная часть всех процессов управления и связи в организме происходит автоматически, и если мы хотим, чтобы заранее заданные психические влияния достигли цели, необходимо привести в действие особые глубокие пласты неосознаваемых процессов. Нужно, чтобы программа «дошла до подсознания». Как это бывает порой трудно, знают и психотерапевты, и их пациенты, и артисты, и школьники; тем же, кто стремится сознательно овладеть своим подсознанием с помощью приемов аутотренинга, йогической медитации и т.п., требуются месяцы и годы упорных тренировок...

Очевидно, аппарат веры, превращающий наши опасения и надежды в явь, теснейшим образом связан с эмоциями; его главная часть относится к неосознаваемой сфере психики; он автоматически анализирует поступающую информацию и рождает гипотезы, определяя ранги их внутренней вероятности; он, видимо, и создает знакомое каждому чувство достоверного и недостоверного: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Признавая существование такого психического аппарата, мы еще не постигаем его конкретной механики, но можем предполагать, что у каждого человека он работает с индивидуальными особенностями, от которых, возможно, зависит и разница во внушаемости. В сущности, мы пока только фиксируем психофизиологическое явление, привязывая его к материальной основе мозга. Но не этот ли гипотетический аппарат с самого раннего детства становится внутренним рычагом обучения? Не он ли, давая подчас изумительные всплески интуиции, повинен и в инерции стойких шаблонов мысли? Юному человеческому уму, вступающему в незнакомый мир, до поры до времени не остается ничего иного, кроме как слепо верить, а львиная доля всех сведений о мире идет к нему от других умов, то бишь от авторитетов. А что такое авторитет? Это сила, в которую верят, а главная сила —

обладание значимой информацией. Или — чаще — иллюзия обладания.

Нуждается ли цивилизация в колдунах?

Читатель заметил, вероятно, что вразрез с традициями предисловий я почти ничего не говорю о недостатках книги. Надеюсь, что такое суждение читатель составит сам. Но кое с чем хочется все же поспорить.

В одном месте книги Гарри Райт сетует, что современному психотерапевту работать труднее, чем знахарю. Колдуну проще: ему безраздельно верят, от него всецело зависят, его клиентам не к кому обратиться, кроме него... С этим сетованием я могу согласиться в лучшем случае лишь частично.

Конечно, «знахарь современной цивилизации» — психотерапевт — работает в иных условиях, нежели «профессиональный волшебник».

Сфера его деятельности несравненно уже: там, в саваннах и джунглях, его далекий коллега соединяет лечение с судопроизводством, политические интриги — с предсказаниями погоды, культовые обряды — с ветеринарией... Он психотерапевт только по совместительству. Здесь, в кабинете, четко определенная ролевая ситуация «больной — врач». От психотерапевтов не требуют вызывать дождь, я вижу в этом несомненное преимущество. Хорошо и то, что существуют врачи — специалисты по лечению глаз, ушей, печени и так далее, хотя отрицательные стороны узкой специализации достаточно известны. Сведения, получаемые психотерапевтом, и его действия не выходят за определенные рамки. Но задачи психотерапевта по-прежнему шире функций врача любой другой специальности. Психотерапия нужна в той или иной форме абсолютно всем больным, а во множестве ситуаций — и людям, относимым к разряду здоровых. И почти всегда психотерапевту приходится быть не только врачом: имея дело с глубинными переживаниями человека, он не может так или иначе не касаться вопросов морали и совести, смысла жизни и ее ценностей... Идеальный психотерапевт — это пособник внутреннего равновесия и развития личности, ее тайный советник и чрезвычайный поверенный, — а потому он должен быть воспитателем и просветителем, исповедником и духовником, социологом и философом. Все эти функции в их так сказать, первоизданном виде осуществляет и знахарь. «Цивилизованному» психотерапевту

труднее настолько, насколько усложнилась личность современного пациента и современное общество.

Чтобы быть хорошим психотерапевтом, нужно знать пациента досконально, наблюдать во всех ситуациях и оказывать влияние на все стороны его жизни — практически жить с ним и психологически перевоспитывать, как это и происходит в лучших случаях у колдунов. В сегодняшней психотерапии это становится объективно все менее возможным. Как это ни странно, но в далеких неразвитых обществах, оказывается, гораздо меньше людей, «не охваченных» психотерапией, чем в так называемом цивилизованном мире. Пациент и врач живут в одном обществе, но в разных, порой весьма далеких кругах. В отношении их вмешиваются и всякого рода условности, и ложный стыд. Особенно вредит поточность медицины. Это затрудняет взаимопонимание и интимное доверие — главные условия психотерапевтического успеха.

Но следует ли сожалеть, что нынешний пациент не находится в такой же зависимости от своего целителя, как туземец от знахаря?

Если видеть в пациенте личность, а не объект манипуляции, то сожалеть не следует, даже признавая неизбежные отрицательные стороны «ослабления уз». Да, это правда: абсолютное доверие к врачу все менее достижимо. Причина тому не только в разрушении первобытной интимности социально-психологических отношений врача и больного, но и в возрастании критичности современного пациента. Его запросы опережают рост уровня врачей и врачебной науки, все чаще он выражает врачу и недоверие и недовольство; меняя и сравнивая врачей, ищет лучшего, которому смог бы довериться. Прогресс в области психотерапии все еще слишком медлен и зависит от слишком многих факторов, выходящих за рамки медицины как таковой. Все меньше чудесных исцелений, все больше кропотливой неблагодарной работы... Хорошо это или плохо, но с этим приходится считаться.

Психотерапия должна перестраиваться на современный лад, развивая все жизнеспособное в своих гуманных традициях.

Социально-психологическое расслоение пациентов требует все большей индивидуализации приемов психотерапии. Все менее пригодны массовые методы и авторитарные формы внушений. Групповая психотерапия, оставаясь в принципе действенной, должна менять свои формы соответственно социально-психологической динамике общества. Пациент с высоким интеллектом и развитой рефлексией меньше доступен прямым

внушениям, но зато имеет больше возможностей для психического самоовладения (аутопсихотерапии). Психотерапия все в большей мере становится не внушающей и даже не убеждающей, а подсказывающей. Нужда же в психотерапевтах не убывает, напротив, растет, и в этой профессии, как и в других, дело идет ко все более тонкой специализации. Я не могу согласиться с Райтом, когда он говорит, что задача психотерапевта — «только отправить пациента в мир его собственных иллюзий и фантазий, убаюкав его сознание...» Нет, задача психотерапии как раз в том, чтобы развеивать иллюзии и укреплять трезвую волю к жизни. Будущее психотерапии не духовное чревоущание, но равнодостоинный диалог развитых и независимых личностей, одна из которых обладает профессиональным даром душевного проникновения. Не манипуляторская игра, но совместный поиск душевного равновесия, психологическое сотворчество.

Но нам пора заканчивать и передать слово самому автору книги. Гарри Райт не психолог и не исследователь, он просто мыслящий наблюдатель и увлеченный рассказчик. Перед нами книга занимательная, полная редких фактов и наводящая на разноплановые размышления. Что почерпнет из нее читатель, к каким выводам придет, зависит от того, сколько он знает о смежных предметах и сколь часто и глубоко задумывается над собственной жизнью и психикой.

***Владимир ЛЕВИ,
кандидат медицинских наук,
врач-психотерапевт***

ГЛАВА 1

ТЕРАПИЯ КОЛДУНОВ

Течение медленно влекло нашу долбленную из целого бревна пирогу по зеленому тоннелю: кроны высоких деревьев, росших на пологом берегу, смыкались с кустарником, который покрывал склоны другого, крутого берега. Казалось, нас вжимает в стену джунглей, и от этого было трудно дышать. «Да, — думал я, — Пипс был прав — затея и впрямь дурацкая». Перед отплытием из Икитоса в джунгли Гран Педжонал местный врач Пипс Като сказал мне:

— Ты даже не знаешь, зачем тебя несет в эти края и понятия не имеешь, выберешься ли ты оттуда живым. (В том, что я вернусь, я ни капли не сомневался. Моей жизни ничто не угрожало, если не считать возможной встречи с ядовитыми змеями или охотниками за

головами. Я только боялся, что вся эта затея окажется пустым делом. А тут еще у Габрио заболели зубы.)

Стоял конец августа. Влажная жара и тяжелые дождевые тучи сулили приближение сезона дождей. Со дня на день можно было ждать, что потоки, стремящиеся по Гран Педжонал со склонов Кордильер, затопят все эти болота с гниющей листвой. Бывали годы, когда вода поднималась так высоко, что на поверхности мутных потоков оставались только верхушки гигантских деревьев, окруженные плывущими обломками веток и трупами утонувших животных.

Наша пирога шла с изматывающей душу медлительностью, а Габрио, мой проводник-индеец из племени дживаро, больше держался за щеку, чем за весло. Он все время крутил головой, словно ожидая, что здесь, в этом кишачем змеями и прочими опасными тварями краю, вот-вот появится зубная больница.

Мы плыли на юг, к Верхнему Мараньону, через труднопроходимую монтану — горно-лесистую местность — Кондор, вдоль спорной границы между Перу и Эквадором. Это, пожалуй, наименее посещаемый чужестранцами район земного шара, если не считать совершенно безлюдных пустынь в глубинах Австралии или ледяных плато Гренландии.

Я, конечно, знал, что мне здесь надо, но не хотел признаваться в этом Пипсу, или доктору медицины Перейро Като, — так звучало его настоящее имя. Мне нужны были хорошие снимки индейских обрядов, но в глазах Пипса это было уже совсем бессмысленным предприятием, и я предпочел не признаваться ему в своих истинных намерениях.

Мне приходилось слышать много странных и весьма красочных рассказов о бруджо — местных знахарях, способных как иссушить человека или даже довести его до смерти, так и исцелить за несколько дней руку, наполовину оторванную ягуаром. Хотя я сам врач, мое любопытство не ограничивалось чистой наукой. Эти обряды, наполовину религиозные, наполовину медицинские, принадлежат к самым таинственным из сохранившихся на нашей планете. В детстве я жил в восточном Вайоминге и гостил в индейской резервации у старого вождя, которого звали Роберт Хромой Олень. Я бывал на ритуальных празднествах пейотов и с тех пор сохранил острое любопытство к приемам первобытной медицины.

Я думал, что мне уж больше никогда не представится возможность лично ознакомиться с таинствами индейских племен габиза и поте, этих затерянных в джунглях Южной Америки потомков некогда могущественного народа инков. В их среде могли сохраниться знания, утерянные в нашем мире столетия или даже тысячелетия тому назад.

До Икитоса я добрался почти по графику и предполагал после съемок возвратиться в Белем, что на бразильском побережье, а оттуда самолетом вернуться в США. Но то, что я здесь услышал о жизни племен, затерянных в первобытных джунглях верхнего бассейна Амазонки, заставило меня изменить планы и попытаться проникнуть в эти почти запретные для чужеземцев места.

Индейские знахари владеют средствами, видимо, неизвестными современной медицине. Они умеют лечить проказу, тогда как наши лекарства могут только приостанавливать ее развитие. Они справляют обряды над больным, умирающим от малярии, деревянной иглой делают внутривенные вливания настоя хины и поднимают его на ноги за несколько недель.

Меня интересовали прежде всего эти обряды. Имея хороший фотоаппарат, я надеялся привезти домой уникальные снимки.

Я решил подняться вверх по реке на местном пароходике, а затем отправиться в джунгли на собственный страх и риск. Когда в Икитосе я поделился своими планами с доктором Перейро Като и предложил ему составить мне компанию, на его смуглом лице, украшенном жесткой квадратной бородкой и маленькими усами, отразилось раздражение и тревога. Он сердито глядел на меня.

— Конечно, я знаю, что мне там надо, — сказал я ему. — Я хочу видеть эту страну. — Страну... Великий боже!

Казалось, что его раскинутые руки, как стрелки компаса, указывают на бескрайние просторы залитых ливнями лесов, откуда к голубым вершинам Кордильер, этим покрытым снегом стражам восточных границ Перу, поднимались испарения.

— Ты хочешь видеть эту страну! И что за народ эти американцы! Вечно они строят из себя героев. Если тебе уж так хочется помереть, так сделай это хотя бы с пользой — начни революцию или убей какого-нибудь министра. Все будет польза обществу. Но не суйся, туда, где станешь просто покойником, а не героем. Твоя голова станет вот такой крохотной. — Сложив указательный и большой пальцы обеих рук, он показал, во что

суждено превратиться моей голове, если я попадусь в руки охотников из племени дживаро.

Я рассмеялся. Конечно, я не принимал всерьез его слов. Я знал, какое удовольствие получает Пипс, когда человек согласен слушать его болтовню, а поскольку я любил с ним поговорить, ему не хотелось терять собеседника. Я собирался на свой страх и риск проникнуть в эти края и собрать коллекцию снимков для собственного удовольствия. Но когда я предложил ему составить мне компанию, он категорически отказался.

— Мало того, что ты сам намерен делать глупости, — проворчал он, — ты хочешь еще найти другого дурака, который последует за тобой, но, — тут он хлопнул себя по груди, — не считай этим дураком меня. Пойдем-ка лучше выпьем.

Поскольку мне не удалось уговорить Пипса, я решился идти один. Маленький пароходик с группой сборщиков каучука доставил меня из Икитоса до реки Мороны. Отсюда я надеялся добраться до реки Потте и, повернув на север, пересечь границу с Эквадором и выйти к селению Самора, лежащему у подножия Кордильер.

Затем я намеревался пересечь на лодке пустынные и опасные края и выйти к Мараньону у Понго де Мансериге — последнего порожистого ущелья на реке Мараньоне, там, где река Потте впадает в Верхний Мараньон. Но я никак не мог найти проводника, согласного сопровождать меня по этому опасному краю.

На счастье мне удалось нанять Габрио, индейца из племени гуамбиза, который согласился проводить меня в район обитания его племени. Мы поднимались вверх по притокам реки сквозь густые джунгли, останавливаясь в индейских селениях, но когда их жители узнавали от Габрио, что я хочу познакомиться с приемами «медицины» одного из их великих бруджо, они встречали меня подозрительно, а иногда и злобно. Белым здесь явно не доверяли. Ненависть к ним, порожденная зверствами испанцев и португальцев во время колониальных войн, не умирала на берегах Мараньона.

Индейцы не имели почти никаких контактов с белыми. Солдаты местного гарнизона были в большинстве своем индейцы и негры, и от них я также не мог добиться ничего путного. К тому времени, как мы повернули на юго-восток, спускаясь еще к одному из притоков Мараньона, я был готов признать, что мой друг Пипе Като был прав в одном: все мое предприятие бессмысленно. Я до сих пор и в глаза не видел ни одного знахаря, хотя они наверняка были в тех деревушках, где нам довелось побывать.

А теперь вдобавок у Габрио заболели зубы. Он жаловался на зубную боль уже два дня, а когда я говорил ему, что я сам зубной врач, он отрицательно мотал головой. Габрио был маленьким высохшим человеком с узкими плечами, отвислым животом и непропорционально большой головой, покрытой свалявшимися прямыми волосами. В некотором смысле я купил Габрио у его хозяина в лагере сборщиков каучука на реке Мараньоне, оставив ему в «залог» до возвращения Габрио фотоаппарат и немного пленки. Габрио нравился мне своей вечной улыбкой на морщинистом лице, природным юмором и хорошим настроением.

Как бы то ни было, иметь рядом с собой дружелюбного человека в этой варварски жестокой и вероломной стране — дар небесный. Но Габрио был не только приятным компаньоном в опасном путешествии, он обеспечивал мне необходимый комфорт: вешал на ночь гамак и устраивал противомоскитный полог, поддерживал на биваках огонь, отпугивавший ягуаров, или тигров, как их тут называют, отгонял десятифутовых змей и неплохо готовил обед из мяса диких свиней, грызунов или птиц, которых удавалось добыть нам в лесу.

Ему я был обязан и своим душевным спокойствием. Как ни трудно было нам объясняться — ведь я совсем не понимал его языка, а он знал всего несколько слов по-английски, — мы скоро научились неплохо понимать друг друга на языке жестов и междометий. Габрио прекрасно знал страну и обычаи местных индейцев, и ему можно было довериться полностью. Однако, когда я принимался расспрашивать Габрио о бруджо, с которыми ему приходилось иметь дело, он или не понимал моих вопросов, или делал вид, что не понимает.

Но в это утро его зубная боль стала настолько сильной, что он не мог думать больше ни о чем другом. Его глаза блестели лихорадочным блеском из-под гривы спутанных черных волос. Временами он прижимал челюсть кулаком и царапал нижнюю губу, будто хотел показать — вот источник мук.

— Слушай, Габрио, — сказал я ему с некоторым раздражением. — Я же доктор! Лечить зуб!

Я попытался знаками и с помощью нескольких известных мне индейских слов втолковать Габрио, что я, наверное, смог бы выручить его. Но он отрицательно тряс головой и скрипел зубами, словно хотел челюстями сокрушить врага, причиняющего ему мучительную боль.

— Магия белого человека не поможет индейцу, — пробормотал он. — Я видать доктор.

Он произнес «догитир», и я не сразу смог понять, что ему нужно. Тут он направил лодку к берегу, надеясь найти знахаря в деревне, которая появилась на берегу.

В деревне Габрио быстро разыскал «догитира». Это был тощий старик с мудрым и хитрым взглядом, свойственным людям его профессии — знахарям и колдунам. В последующие годы в Западной Африке Малайе и Новой Гвинее я часто наблюдал этих людей за работой, но лишь в этот единственный раз мне довелось видеть знахаря в роли дантиста.

Я начал понимать, почему Габрио отверг мое предложение. Дело совсем не в том, что он не испытывал уважения к магии белого человека. Все индейцы знают и уважают ее силу, но некоторые из них ненавидят белого человека именно за то превосходство, которое он внушает им своим могуществом. На сей раз было нечто другое. Дело было не в отсутствии доверия ко мне, а в абсолютной, непоколебимой вере Габрио в знахаря. Это было заметно по манере, с которой он обращался к нему, жестикулируя и показывая свои грязные и кривые зубы. Деревенский лекарь мрачно кивнул. Я заметил, что он внимательно наблюдает за мной. Габрио раз или два показал на меня рукой, видимо объясняя, что я «белый доктор», и старик каждый раз кивал головой. В его взгляде не было и следа профессиональной зависти. Это было обдуманное согласие на присутствие коллеги по профессии. Я знал, что присутствую на приеме у специалиста, и приготовился внимательно наблюдать за его действиями. Удивительные лечебные меры знахарей всегда привлекали меня. Теперь я впервые получил редкую возможность лично наблюдать весь курс лечения. Мне было дозволено занять «боковое кресло» и присутствовать на приеме как заезжему врачу, пришедшему с визитом к местному коллеге.

Как покажут дальнейшие события, зубы у Габрио либо вовсе не болели, либо болезнь его была неподвластна лучшим современным дантистам. Наблюдая за тем, как местный представитель медицины готовится продемонстрировать свое искусство, я в первый раз осознал, какое значение имеет доверие пациента к врачу. Габрио безропотно подчинялся знахарю, как бы ни были странны и чудовищны его действия. Можно назвать это верой, хотя я предпочитаю другое слово — доверие, но, как его ни называй, ясно,

что здесь мы имеем дело с областью, которую называем «психотерапией», или наукой врачевания психики человека.

Лихорадочный блеск глаз Габрио смягчился, когда знахарь приступил к делу. У этого местного представителя медицинской профессии были высокий для его соплеменников рост, морщинистое лицо пожилого человека и острый, пронизательный взгляд. Он не стал тратить время на гигиенические формальности, свойственные даже простейшей медицине. Он не вымыл рук, и, судя по их виду, было сомнительно, чтобы он когда-либо в жизни проделывал подобную предоперационную процедуру. О зубо врачебном кресле, естественно, не могло быть и речи. Он просто уложил Габрио на землю и сам встал на колени, зажав голову «пациента» между коленей.

Габрио открыл рот с черными, пораженным кариесом зубами. Придерживая голову одной рукой, знахарь запустил вторую ему в рот, с силой разжимая челюсти несчастного. Габрио застонал, но принял диагностические действия знахаря как должное.

Кроме рта, на лице Габрио, казалось, осталась только пара молящих глаз, сходящихся над перемычкой плоского носа. Двумя пальцами знахарь ощупал его воспаленную десну и издал возглас удовлетворения, хотя я не представляю себе, что он мог установить при таком приблизительном осмотре.

Мальчик — очевидно, ученик знахаря — принес чашу с отвратительной на вид жидкостью. Знахарь наклонился над нею, бормоча заклинания и продолжая смотреть на Габрио гипнотическим взглядом. Его тело раскачивалось в унисон с «молитвами». Вдруг знахарь схватил чашу и большими глотками выпил ее содержимое. Я не удивился, когда его сразу же вырвало.

Старик — ему было не меньше 60 лет, а это немалый возраст для индейца — сделал знак рукой, чтобы подали вторую чашу. Процедура повторилась. Я могу только строить предположения о том, что достигалось этим приемом, действовавшим не на «пациента», а на «врача». Однако несомненно, что все это каким-то образом действовало и на Габрио. Он смотрел как зачарованный на знахаря, который, похоже, впадал в транс. Потом знахарь подал знак, и его помощник снова уложил Габрио на землю лицом вверх. Знахарь еще раз стал на колени, крепко зажав голову Габрио между ног. Снова запустив руку в рот Габрио, он принялся жевать какой-то мешочек вроде табачного кисета, сплевывая на землю сначала по одну сторону от Габрио, затем по другую. Все это время он

нараспев бормотал одни и те же слова в странном, монотонном ритме. Я с возрастающим интересом наблюдал за этим представлением. Мне были немного знакомы основные приемы туземного колдовства, непременное условие которого — установление абсолютного доверия между «пациентом» и «врачом». И, к слову сказать, полное доверие Габрио к знахарю могло бы служить образцом отношений между врачом и больным для нашего цивилизованного общества.

Внезапно старик припал ртом к опухшей щеке Габрио и начал яростно и шумно сосать. Это, очевидно, было чрезвычайно болезненно, и Габрио завопил. Однако знахарь продолжал сосать щеку, а помощник крепко прижимал голову пациента к земле.

Наконец знахарь поднял голову и выплюнул что-то. Я подошел ближе: это была острая щепка. Как она попала ему в рот, не знаю, но уверен, что не из щеки Габрио. Старик посмотрел вокруг, что-то резко произнес на своем диалекте, очевидно объясняя результаты лечения. Габрио поднял голову и уставился на злосчастный кусочек дерева, но знахарь снова довольно грубо прижал его голову к земле и опять принялся сосать щеку. Через некоторое время он выплюнул муравьев. Я был поражен его фокусами. Судя по всему, старик незаметно совал все это себе в рот, и, когда в третий раз он выплюнул кузнечика, а в четвертый — ящерицу, я был просто сбит с толку. Ящерица, очевидно, считалась чем-то очень важным. Знахарь потрясал ею в воздухе, показывая столпившимся вокруг индейцам. Габрио было разрешено сесть, и старик начал расспрашивать его о том, как он себя чувствует после извлечения этих ужасных вещей из его рта. Габрио осторожно потрогал щеку и кивнул, но по выражению его лица и тем несколькими словам, что я мог понять, было ясно, что зуб все еще давал себя знать.

Знахарь начал шарить среди выплюнутых им предметов. И кузнечик и ящерица были мертвы. Вдруг он указал на ящерицу — у нее не доставало одной ноги.

Это осложнение, судя по всему, требовало более серьезного подхода. «Доктор» взял у своего помощника маленькую двустворчатую раковину. Пользуясь ею как щипцами, он вытащил из горевшего рядом костра раскаленный уголь и протянул его Габрио. На секунду я подумал, что он хочет заставить его проглотить этот уголь. Но знахарь быстро дал понять, что Габрио должен взять в рот раковину, внутрь которой он положил уголь. Затем он быстро растер какие-то сухие листья и посыпал ими уголь

в раковине. Распространился запах, схожий с запахом лаврового листа. Знахарь помог Габрио держать раковину во рту так, чтобы дым окуривал зубы.

Через несколько минут напряженное выражение сошло с лица Габрио. За несколько секунд зубная боль оставила его, он радостно повернулся ко мне и объяснил: — Коготок ящерицы выкурил зуб!

Этого загадочного объяснения было вполне достаточно, по крайней мере для Габрио. Боль прекратилась. Она «выкурена»... Готовясь возобновить путешествие вниз по реке, я попросил у Габрио разрешения обследовать его зуб; мне хотелось установить причину и степень воспаления, вызвавшего его мучения, и как-то связать их с фантастическими действиями знахаря. Габрио опять либо не понял, либо не захотел понять моей просьбы. Он просто пожал плечами и объяснил: «Догитир находил ящерица, она делала боль».

Представление Габрио о том, что в ящерице сидел дух болезни, причинявший зубную боль, не было необычным. Потом я видел много обрядов, совершавшихся знахарями, и узнал, что заболевание или даже смерть они всегда связывают не с болезнью, как мы ее понимаем, а со «злым духом». Задача знахаря в том и состоит, чтобы обнаружить этот «дух» и уничтожить или хотя бы нейтрализовать его.

Прежде чем покинуть деревню, я взял несколько истолченных сухих листьев, которыми пользовался знахарь, чтобы проверить, не обладают ли эти листья какими-либо лечебными или обезболивающими свойствами. Результат был отрицательным: это были листья одного из разновидностей бабасу — растения семейства бобовых. В них содержался ротенон — сильный инсектицид, но в нем не было ничего, что могло бы вылечить зуб или устранить боль.

Возвратясь в Икитос, я обратился за объяснениями к своему старому другу Перейро Като. Он выслушал меня и сказал с улыбкой: — Ты думаешь, что обнаружил что-то новое в медицине, не так ли? А может быть, это что-то старое, даже более старое, чем наша медицина. И, вероятно, так оно и есть.

Я ответил, что после того, как видел исцеление зубной боли при помощи «высасывания» ящериц и щепок из щеки больного, я уже не знаю, что возможно и что нет. Като поднес палец к голове:

— Может быть, объяснение скрыто здесь. Габрио мог все вообразить, а бруджо, полагаясь на его воображение, проделал все

остальное.

— Что вообразить, — спросил я, — боль или исцеление? — Может быть, и то и другое. Но предположим, что у него была все-таки зубная боль. Несомненно, была, ибо иначе он просто удрал бы от тебя, если бы ему очень захотелось побывать в деревне. И эта боль, очевидно, была исцелена. Таким образом, все сводится к простой проблеме: как знахарь добился этого? Помогло ли «высасывание» щепок и ящериц или все это сплошная чепуха? Я скажу тебе по собственному опыту: если ты считаешь, что все это чепуха, ты не прав. Если же ты решишь, что эта чепуха все-таки вылечила зуб, ты тоже будешь не прав. Истина где-то между этими двумя крайностями, и если тебе доведется еще раз побывать у нас, я советую тебе разыскать среди индейцев дживаро еще одного, несомненно интересного для тебя человека. Его зовут Памантохо, я зову его короче — Пименто. Это не только знаменитый знахарь, но и очень умный человек. В других условиях его можно было бы назвать интеллигентом, он даже не стремится к власти над своим племенем, а ведь этого жаждет большинство других знахарей.

Мне было интересно познакомиться с этим знахарем-интеллигентом поближе. — А он говорит по-английски?

— Да, — ответил Пипс. — В свое время мне приходилось с ним встречаться, и не один раз. Он высказывал очень интересные взгляды на медицину. Тебе будет чрезвычайно полезно встретиться с ним.

Мысль о возможности посещения знахарей с целью повышения своей профессиональной квалификации как-то не приходила мне в голову. Я не думал, что знания бруджо из племени дживаро, как бы «интеллигентен» он ни был, могли быть особенно полезны в моей специальности. Однако меня живо заинтересовал способ «лечения», снявший зубную боль Габрио.

Мне казалось, что здесь главную роль сыграли два фактора, настолько простые и очевидные, что все наблюдатели упустили их, просто не сочтя достойными внимания. Первым была вера Габрио в связи знахаря с миром духов. Большинство, если не все без исключения, южноамериканские индейцы, живут скорее в двух, чем в одном мире. Однако для них этот мир един, только с нашей точки зрения он кажется двойственным — окружающий их реальный мир и мир духов. Для примитивного сознания мир духов — это не повторение окружающего их материального мира, для них мир духов во многом еще более реален, чем материальный мир. Мир

этот населен духами — душами умерших, теми бестелесными духами, которым еще не удалось вселиться в тело человека, даже духами леса и рек и духами животных — крокодилов, ящериц, змей и птиц. Габрио, как индеец, пламенно и убежденно верил в этот мир. Второй фактор коренится в том, что мы, привыкшие к сложности современных идей, называем доверием. В действительности же это вера. Габрио верил во всемогущество знахаря, лечившего его зубы, так же безраздельно и искренне, как ребенок, воспитанный в католическом духе, верит в мудрость своего приходского священника. Он верил в могущество знахаря еще до того, как тот его проявил.

Не так трудно представить себе сущность «магии» знахарства, если исходить из этих двух предпосылок, но в них нет ничего нового. Они лежат в основе любого старого или нового верования человечества. Когда эти факторы проявляются среди цивилизованной части человечества, они становятся элементом социального и психологического здоровья общества или даже его мудрости, когда же фактор веры проявляется в отношениях между знахарем и его пациентом (или жертвой), мы склонны считать это признаком детского невежества и суеверия.

В данном случае это была уже не только теория. Я сам видел, как была излечена зубная боль Габрио. Я также проверил средства примененного лечения и установил полное отсутствие в них лечебной ценности.

Я был вынужден признать, что на пациента подействовало нечто выходящее за рамки наших представлений о медицине. Хотя я не был склонен принять теорию магической силы, проявляемой бруджо, я все же постепенно склонялся к мысли, что в их методах лечения, несомненно, присутствует элемент психотерапии.

Придя к такому выводу, я, конечно, с большим удовольствием отложил бы свое возвращение в Филадельфию, чтобы ближе познакомиться со знахарем-интеллигентом доктора Като. Однако мне нужно было позаботиться и о своих собственных пациентах. Мне пришлось уехать, и случилось так, что вернуться в Бразилию и побывать в джунглях верхнего бассейна Амазонки я смог только по окончании второй мировой войны.

ГЛАВА 2

РОДЫ НА АМАЗОНКЕ

В 1946 году, через девять с небольшим лет после моего первого путешествия по бассейну Западной Амазонки и гористой части

восточного Перу и Эквадора, я участвовал в работах экспедиции, действовавшей в районе Ронкадор-Шингу, одной из наименее исследованных областей Амазонки. Экспедиция должна была обследовать центральную часть Бразильского штата Мату-Гросу в зоне авиатрассы, которая должна была пересечь глубины Бразилии. Ей предстояло изучить и нанести на карту более 4 миллионов квадратных миль девственных джунглей, населенных дикими индейскими племенами, змеями, хищными зверями и ядовитыми насекомыми.

За три года работы экспедиция проникла больше чем на тысячу миль в глубь великого плоскогорья Бразилии, где рождаются мутные волны Амазонки. Веер могучих ее притоков собирает самое большое количество пресной воды на земле, и Амазонка сбрасывает в Атлантику такую массу своих желтых вод, что изменение окраски океана заметно на расстоянии более сотни миль от берега.

Я участвовал в работах экспедиции как историк и антрополог. В первый сезон работ я присоединился к экспедиции на ее базе Арагаркасе, расположившейся на левом берегу реки Арагуая, одном из самых мощных притоков дельты Амазонки. Мы не успели приготовить наши лодки к началу сезона ливней — август-сентябрь, и теперь приходилось ждать до следующего года. Воспользовавшись этим, я возвратился в Икитос, где надеялся встретить своего друга Пипса Като.

Я нашел его все таким же: оживленным, добродушным и, как всегда, циничным. В это время у него не было определенной работы, ибо, отслужив несколько месяцев врачом-консультантом в одной из каучуковых компаний, он заработал достаточно, чтобы какое-то время пожить свободно. Я попытался уговорить его отправиться вместе со мной в верховья Амазонки, чтобы навестить его «интеллектуального» друга — знахаря Памантохо. Пипс добродушно усмехнулся и, погладив усы, сказал: «Нет уж, увольте. Я врач, а не исследователь новых земель. К тому же я философ. То, что человек моего склада вынужден работать, чтобы жить, уже несправедливо, но работать бесплатно — это уж совсем глупо».

Он согласился лишь рассказать мне, где и как можно найти Памантохо — знахаря племени поте, входящего в состав многочисленной группы племен дживаро, населяющих северную область Верхнего Мараньона. От существующих карт этих мест пользы мало. Я понял это еще во время работы в экспедиции Ронкадор Шингу. Одни города, например Замора, находятся на

сотни миль в стороне от места, где им надлежало быть, судя по карте, других и вовсе нет: находишь вместо города лишь жалкую факторию, окруженную десятком индейских хижин.

Между этими обозначенными на карте селениями простираются сотни квадратных миль практически совершенно неизведанной страны, и путешественнику, если он хочет добраться до нужного места или хотя бы остаться в живых, поневоле приходится держаться больших рек. На моей весьма приблизительной карте доктор Като отметил местонахождение Борха, одного из древних испанских поселений в этой области.

Немного выше его Верхний Мараньон после резкого поворота прорывается через ущелье Мансериге, и отсюда по притоку реки Поте можно добраться до большого поселка Поте, где я смогу найти «доктора Памантохо».

Из Икитоса мне на маленьком пароходике удалось подняться до Борхи. Затем другой, еще меньший парходик доставил меня немного выше. Здесь Верхний Мараньон после резких петель поворачивает на юг, затем на юго-восток и с ревом прорывается через теснины Нижних Кордильер.

Страна была скрыта от нас высокими берегами, поросшими лесом Перуанского нагорья, и громадные белые стволы деревьев четко вырисовывались на зеленом фоне джунглей.

Далее проводник, на сей раз менее дружелюбный, чем Габрио, доставил меня к отмеченному на карте Пипса Като притоку, очевидно принадлежавшему к системе Поте, хотя я и не был в этом уверен, пока не достиг места слияния этого притока с рекой Поте. Река была много уже Мараньона, и, даже находясь в пироге, я тем не менее ощущал дьявольские опасности джунглей.

Даже вода здесь была смертельно опасна. Река кишит крохотными рыбками, которые проникают в человеческое тело через любое отверстие, распрямляют там иглы своих плавников, и вытащить их становится невозможным. Эти хищные рыбы, так же как и пираньи, питаются мясом животных, в тело которых им удастся проникнуть.

По мере нашего продвижения вверх по реке росло чувство неизвестности — странное, слегка пугающее ощущение, которое возникает у путешественника, вступающего в незнакомый ему мир, полный опасностей, таящихся повсюду. Это чувство становилось все сильнее и сильнее по мере того, как мы медленно поднимались вверх по реке и стены джунглей сдвигались перед нами. Ритмичные

удары весла были почти неслышны среди неумолчного шума джунглей, из которого вдруг вырывался то резкий крик попугая, то неожиданная скрипучая трель какой-то не известной мне птицы.

Все это сливалось в сплошную какофонию звуков. Временами удары весел проводника прерывались, и тогда я напряженно вслушивался, стараясь понять, какой звук мог его потревожить. Так же неожиданно, не вдаваясь в объяснения о причинах остановки, он снова начинал работать веслами, сохраняя отсутствующее выражение на своем круглом, плоском лице.

Наконец мы подошли к излучине реки и на берегу, слева от нас, увидели поселок из тридцати или сорока хижин. Криво улыбнувшись, проводник что-то проворчал и направил лодку к берегу.

Только некоторые дома этой расположенной на высоком берегу деревушки были на сваях. Большинство стояло прямо на земле. В центре, на площадке, открытой со стороны реки, собралось много народу, главным образом женщины и дети, поскольку мужчины в это время дня обычно укрывались от жары в хижинах. Хижины были построены в стиле, общем для индейских племен Эквадора. Стены сделаны из соломы, связанной пучками, толщиной примерно в 18 дюймов. Солома на крышах плотно уложена и аккуратно подрезана снизу. Вся деревня производила очень приятное впечатление.

Впереди всех на берегу стоял довольно высокий, хорошо сложенный человек. Он был бос и почти гол, его одежду составляла только узкая набедренная повязка. Украшением ему служили тяжелые наручные браслеты из плетеной соломы и головной убор из алых, красиво спадавших на плечи птичьих перьев.

Я принял его за вождя племени и поднял в знак приветствия руку. Он кивнул головой.

— Вы белый доктор, — сказал он и, к моему удивлению, улыбнулся.

Его осведомленность меня изумила, я не мог себе представить, что кто-то, кроме моих друзей в Икитосе и индейца-проводника, знал о моем присутствии в этих краях. Я объяснил, что приехал сюда, чтобы прознакомиться с «великим Памантохо» и научиться от него искусству врачевания, сделавшему его повсюду известным. Он улыбнулся и кивнул, словно почувствовал в моих словах скрытую иронию. Я испугался, что переборщил. Но мне нужно было обязательно расположить к себе Памантохо, и я надеялся, что, если

е расскажут о моем восхищении его талантами, это значительно упростит задачу. К моему удивлению, незнакомец сказал: — Я Памантохо.

Он махнул рукой одному из индейцев. Тот быстро спустился к воде и вытащил нашу пирогу на берег. Мой проводник помог ему разгрузить лодку, а остальные с большим интересом разглядывали многочисленную фотоаппаратуру. Они толпились вокруг, болтая на незнакомом мне диалекте.

Тем временем Памантохо, или Пименто, как я стал звать его позднее, проводил меня к предназначенной мне хижине. Она была меньше других хижин деревни и стояла вблизи одного из самых больших домов, принадлежавшего, как я позднее узнал, самому Пименто. Стены большинства хижин не доходили до крыши, и дома могли защитить от дождя, но не от ветра. Большая хижина Пименто служила чем-то вроде храма, однако для службы не использовалась, ибо большинство массовых обрядов племени совершалось на вольном воздухе. Длина и ширина хижины составляли около 30 футов. Над нею красиво склонялись широкие листья нескольких пальм. Перед входом примерно на 16 дюймов возвышалась земляная платформа, и Пименто уселся в кресло на этом возвышении.

Он улыбнулся широкой добродушной улыбкой, свидетельствовавшей о прирожденном чувстве юмора. У него был кое-какой запас португальских и английских слов, а я знал несколько слов из местного диалекта. Поэтому нам удалось более или менее сносно объясниться. Я рассказал ему о цели моего визита — лично ознакомиться с чудесным искусством врачевания, сделавшим его знаменитым среди белых людей. Он воспринял мою просьбу очень благосклонно и даже не возражал, когда я попросил разрешения сфотографировать его.

Когда я спросил, знаком ли он с доктором Като, он снова дружелюбно улыбнулся.

— Его знают все, — ответил он по-португальски. То, что люди типа Пипса Като могут забредать в такие глухие уголки джунглей, полные скрытых опасностей, и чувствовать себя там так же спокойно, как на улицах родного города, вполне естественно, хотя может показаться странным. Я полагал, что Като каким-то образом предупредил его о моем визите. Позднее я прямо спросил Пименто, как ему удалось заранее узнать о моем приезде. Он улыбнулся.

— Белый доктор говорит по воздуху, — сказал он, указав рукой на небо. — То же можем и мы, индейцы.

Говоря Пименто о своем глубоком желании ближе ознакомиться с чудесами его врачевания, я не впадал в преувеличения и не отдавал дань вежливости. Мне уже приходилось слышать такие истории об исцелениях, совершаемых местными знахарями, которые были выше моего понимания. Достаточно упомянуть хотя бы о примерах хирургического искусства: трепанации черепа и кесаревом сечении. Западная медицина освоила эти операции сравнительно недавно, а у индейцев Эквадора они существовали с незапамятных времен.

Скоро мне представилась возможность стать свидетелем одного из чудес примитивной медицины. На следующий день после моего прибытия Пименто позвал меня в свою хижину, и уже по тому, как он со мной поздоровался, было ясно, что он хочет показать мне что-то весьма интересное.

На циновке лежал индеец. Его лицо, раскрашенное белыми и желтыми полосами, было искажено гримасой боли. Одна рука его судорожно и как-то неестественно дергалась, и когда я подошел поближе, чтобы внимательнее осмотреть его, я увидел, что она была чуть ли не полностью оторвана в предплечье. Кость была обнажена, и сухожилия почти совсем разорваны.

— Тигр! — кратко сообщил Пименто, усаживаясь на корточки рядом с больным.

Тщательно и методически осматривал он поврежденную руку. Наконец он, видимо, ознакомился со всеми повреждениями и подал лежащему небольшую чашку. В ней была зеленоватая жидкость, которую страдалец выпил с большим трудом. Остаток допил Пименто.

Несколько индейцев, судя по всему — родственники пострадавшего, — стояли поодаль. Пименто ни разу не обратился прямо к ним, однако каждое его движение, каждое его действие были частично рассчитаны и на то, чтобы произвести на них впечатление. Больной лежал на земле. Он крутил головой из стороны в сторону. Руки Пименто двигались так быстро, что за ними было трудно уследить. Однако я заметил, как он вынул из маленького мешочка заостренную палочку и сунул ее себе в рот. Затем он склонился над пациентом и сделал вид, что отсасывает кровь из раны на плече. Я полагаю, что при этом он зажал

деревянную иглу зубами и воткнул ее в рану. Индеец затрясся от боли, но затем утих.

Пименто поднял голову и выплюнул несколько предметов. Среди них был обломок когтя ягуара и деревянная игла. Я слышал, что индейцы употребляют подобные иглы для впрыскивания снадобий в вену больных или жертв. Вероятно, она и была использована на этот раз. Все это время Пименто что-то говорил короткими фразами на гортанном местном диалекте. По нескольким известным мне словам я с трудом разобрал, что он призывает дух человека вернуться назад в тело и занять свое место.

Когда операция закончилась, я заметил, что сам Пименто находится наполовину в невменяемом состоянии, что было, вероятно, результатом действия проглоченного им снадобья. Обычай пить самому то же, что дается пациенту, как мне объяснили позже, служит не только для того, чтобы убедить родственников, присутствующих при лечении, в том, что врач не пытается отравить больного, но и для того, чтобы сам лекарь мог прийти в необходимое для процедуры состояние транса. Из дальнейших бесед с Пименто я уяснил, что он сам не совсем четко представляет себе происходящее во время процедур, ибо пребывает в трансе.

От ответа на мой вопрос о рецепте снадобья, которое он давал пациенту и пил сам, Пименто уклонился. «Лекарства белого ее полезны для белых, а не для индейцев, — сказал он. — Индейские лекарства тоже — они полезны только для индейцев, но не для белых».

Я так до сих пор и не знаю, был ли такой ответ проявлением сознательного нежелания раскрыть секреты профессии, или Пименто просто-напросто пытался прикрыть им свое незнание. Когда я узнал Пименто ближе, я понял, сколь он хитер. Пименто был далеко не стар. Ему, вероятно, еще не было сорока, но он занимался знахарством с детства. Во время одной из наших долгих бесед он рассказал, как случилось, что он стал знахарем, или курандейро, и как он овладевал своей профессией. По его словам, в молодости он был плохо приспособлен к обычной жизни своего племени. Товарищи по играм часто колотили его. Он видел странные сны, его посещали видения, и тогда он беседовал с духами. Старый бруджо принял его под свое покровительство и обучил основным приемам знахарства.

За время учения, как рассказывал Пименто, ему не давали есть ни мяса, ни рыбы и временами надолго лишали сна. Как только он

засыпал, старый бруджо будил его пощечиной, пускал ему в рот клубы табачного дыма и капал в нос выжимку из листьев табака.

Когда он все же впадал в полузабытье, то старый колдун снова приводил его в сознание пощечиной, а затем вливал в рот солидную порцию табачного сока. Пименто и так был слаб, а его вдобавок рвало до полного истощения. Как только он чуть-чуть приходил в себя, все повторялось сначала.

Я спросил Пименто, какой же смысл в такой суровой школе, явно не имеющей прямого отношения к искусству врачевания? Он в своей обычной манере пожал плечами и сказал: — А белые доктора учатся или они рождаются докторами? Было очень трудно объяснить ему разницу между подготовкой, цель которой заключается в накоплении знаний, и суровыми испытаниями, не имевшими другой цели, кроме проверки, какую меру физического страдания может вынести ученик. Все же, слушая Пименто, я начал понимать глубокий смысл, заложенный в таких методах подготовки врачей.

Нужно представить себе ход рассуждения Пименто и его старого учителя, чтобы поверить, как они, что внутренняя сила и духовные качества врача крепнут под пытками во время обучения. В этом было нечто от греческой школы стоиков. Когда я как-то снова затронул этот вопрос в беседе с Пименто, он сказал:

— Очень плохо, если доктор не может преодолеть своей слабости. Как он может делать здоровыми людей, если сам не представляет себе всех бед, которые несет болезнь?

Позднее, встречая знахарей в разных частях света, я понял, что подобная суровость обучения — явление повсеместное. Для примитивных народов знахарь или колдун — это не только врачеватель тела, но жрец богов, властелин душ и наставник во всем. Он дает советы, защищает от бед, заботится о своих соплеменниках, а иногда, правда в очень редких случаях, он может, если сочтет необходимым, лишить их жизни. Располагая такой властью и ответственностью, он не может позволить себе быть слабее тех, кто верит в него. И даже если мучения, сопровождающие процесс подготовки знахаря, помогают лишь отсеять непригодных, то и тогда они имеют смысл. Но они дают больше — они воспитывают в ученике силу воли и уверенность в себе, столь необходимые для этой профессии.

Пименто обладал врожденным пониманием человеческой натуры, причем он понимал не только психологию своих

соплеменников, но и всех, с кем сводила его судьба, — людей вроде меня хотя бы. Пипс был прав, говоря о его интеллигентности. В более цивилизованном обществе он был бы, вероятно, учителем, пастором или, быть может, психиатром.

В деревне он не выполнял обычных обязанностей мужчины — он не охотился и не воевал. Его физическая неполноценность, которая и побудила его к тому, что он избрал профессию знахаря, не позволяла ему жить обычной жизнью юношей. Хотя он был физически крепок, мне пришло на ум, что, видимо, какое-то нарушение физической и психической координации, например эпилепсия, не позволило ему с детства жить по нормальной схеме жизни прочих жителей поселка.

Такие проявления ненормального физического и психического состояния — обмороки, состояние транса, каталептическая неподвижность или галлюцинации — все они как нельзя лучше годились для практики знахаря. Пименто обычно перед началом своих лечебных обрядов приводил себя в желаемое состояние. Иногда он пил отвратительный на вид настой из листьев, в других случаях ему служила пустая дыня со срезанной макушкой: он вливал туда одно из своих снадобий, бросал несколько раскаленных камней, затем, припав губами к отверстию, вдыхал дым до тех пор, пока не пропадала зрачковая реакция и глаза переставали реагировать на свет. Набор его средств и возможностей был удивительно широк. Он использовал лекарственные средства и меры психологического воздействия с равным искусством для лечения язв, лечения бесплодия, предсказания дождей и при родах (где он играл роль консультанта). И все это входило в его обязанности лечащего врача деревни.

Однажды я попросил Пименто разрешить мне присутствовать при родах.

Знахари обычно не исполняют обязанностей акушеров. Однако при трудных родах их обычно зовут на консультацию и просят использовать магические обряды. На сей раз роды явно протекали очень тяжело. Роженица, крепкая черноглазая женщина, необычно долго для индианок мучилась в своей хижине, куда я пришел с Пименто.

Мне приходилось слышать о некоторых странных обрядах, которыми обставляется рождение ребенка у индейцев Центральной Америки. Они зовут знахаря, который совершает долгий обряд в случаях, когда дух матери явно готовится покинуть тело. Что-то

похожее случилось и на этот раз. Молодая женщина в периоды между схватками лежала тихо. Ее лицо отражало следы изнуряюще долгих часов страданий. Я пощупал пульс. Он был очень слаб. В нашем родильном доме ей следовало бы немедленно сделать переливание крови.

Пименто присел на корточки около нее и разложил на полу то, что принес с собой: палочки странной формы, кусок змеиной шкуры, несколько листьев, которые он вынул из своей сумки, и погремушку из маленькой тыквы. Потом он стал произносить нараспев фразы, в которых, как я мог понять, он объяснял женщине, что один из духов покинул ее тело. Мне показалось, что состояние женщины было таково, что она не могла воспринимать его слова. Однако Пименто продолжал нараспев описывать ей поведение духа и что он, знахарь, собирается сделать, чтобы вернуть это расположение.

Он рассказывал даже о своих разговорах с ее духом и требовал, чтобы она не сопротивлялась его возвращению, ибо иначе он уйдет навсегда. Трудно сказать, что было тому причиной — воздействие монотонных фраз или гипноз, но роженица скоро успокоилась, схватки приобрели более упорядоченный характер и перестали походить на конвульсии. Я раз или два брал ее запястье — пульс стал сильнее.

Пименто продолжал рассказывать ей о скитаниях духа и наконец объявил, что в нужный момент дух ему подчинится и он вернет его в ее тело, чтобы тот мог наблюдать за появлением ребенка на свет. Выражение лица женщины смягчилось, в глазах появился покой и умиротворенность. По Пименто было видно, как внимательно он следит за выражением лица роженицы. Наконец он подал знак одной из стоявших рядом женщин, и та приступила к исполнению обязанностей акушерки. Скоро на свет появился ребенок. До этого никто и пальцем не прикоснулся к женщине. Все происшедшее можно объяснить только чисто психологическим воздействием. Но факт остается фактом. По моим наблюдениям и по изменению пульса можно было быть уверенным, что женщина была близка к смерти, когда Пименто начал свои действия.

Женщина родила, позднее я видел мать и ребенка, оба были здоровы и чувствовали себе совсем хорошо.

Я спросил Пименто, как ему удалось вернуть силы женщине — неужели с помощью одних только слов? Он окинул меня дружелюбным взглядом темных глаз и сказал:

— Это сделал дух женщины. Я только вернул его в тело, когда он его покинул.

— Но ведь ты говорил с женщиной, а не с духом, — заметил я. Пименто утвердительно кивнул головой.

— Она должна была знать, почему дух ушел из тела и когда он вернется обратно. Она должна была приветствовать его. Иначе дух не смог бы войти в тело женщины.

Я не могу сказать, верил ли в это сам Пименто или только хотел, чтобы этому поверила женщина. Я знал, что для того, чтобы получить ответ на такой вопрос, я должен добиться полного доверия знахаря. Если он сознательно идет на такой обман, то он должен использовать приемы гипноза. Но если Пименто сам верит в то, что он говорил женщине, то это значит, что он использовал психологический прием, по своей силе превышающий все, что известно нашей психиатрии.

По сути дела, он сам переживал все перипетии ее возвращения к жизни — он передавал ей часть своих физических сил в виде потока психической энергии.

Я чувствовал себя так, словно чуть-чуть приподнял завесу тайны, скрывавшей отношения людей между собой, и увидел те серебряные нити, что связывают сознание одного человека с сознанием другого.

О таких явлениях жизни, как лечение язв, от которых страдают многие жители джунглей, или восстановление мужской силы, он говорил с каким-то мрачным юмором, с каким-то сардоническим весельем, словно сам признавал нечто фальшивое в своей профессии. Но когда он говорил о смерти, то обычно спокойное лицо его оживлялось и глаза блестели. У него были более крупные, чем у большинства индейцев, черты лица, с глубокими морщинами на щеках. В глазах светились мудрость и доброта.

— Курандейро должен знать все, — говорил он мне. — Смерть — враг, он должен знать смерть. Если он боится смерти, она его убьет.

В этих словах была своя грубая логика. За те три с половиной недели, что я жил в деревне, я часто наблюдал Пименто за работой. Я понял, почему Пипс Като советовал мне совершить эту поездку. Мне удалось познакомиться с действительно «интеллектуальным» знахарем.

ГЛАВА 3

«ОТРАВЛЕНИЕ» КРОВИ

Пименто часто давал аудиенции жителям своей деревни, собиравшимся в его большой, без перегородок внутри, хижине. Сидя в кресле, он на несколько дюймов возвышался над своей клиентурой, состоявшей из больных, пришедших за помощью, либо из людей, желавших видеть проявление его могущества. На одном из таких приемов он изгнал из девушки демона, обрекавшего ее на бесплодие, высосал яд маленькой оранжевой змейки, укусившей индейца в ногу (наполнив предварительно рот табачной жвачкой), и приготовил из кожи ящерицы амулет для защиты от укусов змей. Считалось, что запах кожи ящерицы подавляет страх у змей, и поэтому она не будет обращать внимания на присутствие человека с этим амулетом.

Вдруг я увидел, что Пименто, прервав работу над амулетом, бросил быстрый взгляд наружу. Я подумал, что он заметил какую-либо редкую птицу, но затем понял, что он просто посмотрел на небо.

Он отложил в сторону амулет и, обратившись ко мне, сказал: «Через два дня начнется ливень. Я должен предупредить мой народ».

Прекратив работу над амулетом от укусов змей, он взял в руки чашу, полную темной, противной на вид жидкости.

Позднее я узнал, что в ней содержались алкалоиды (органические соединения растительного происхождения, используемые как яды или лекарства, — никотин, атропин, морфин, хинин и др. — И. М.). Жидкость эта готовилась из лианы, известной в ботанике как банистерия каапи (*banisteria caapi*). Ее толкли в порошок и смачивали слюной. Иногда вместо лианы использовали табак. Чашу с этой смесью Пименто поставил у ног. Затем он начал, как маятник, раскачиваться взад и вперед. При этом он бормотал странные, совершенно непонятные мне слова, звучавшие как молитва или заклинание.

Временами он прикладывался к чаше и делал по несколько глотков. Когда чаша опустела, подбежал прислужник и снова наполнил ее. По напряженным лицам присутствовавших в хижине людей видно было, что они ждут пророчеств Пименто. Повернувшись к нему, они напряженно ждали его слов.

Питье, которое поглощал Пименто, настолько резко действовало на слизистые оболочки пищеварительного тракта, что у него тут же началась рвота. Тем не менее, освободившись от выпитой порции, он сразу же выпил еще. После пяти приемов снадобья его лицо

приобрело зеленоватый оттенок, он скатился на бок и упал в грязь, сотрясаясь от рвоты и хрипло дыша.

Потом он вдруг сел и отрывисто крикнул несколько слов на местном языке. Присутствовавшие в хижине уставились друг на друга, а Пименто, прокричав эту фразу еще три раза, перевернулся на живот и захрапел.

Ночью небо заволочло тучами и начался дождь. Я сразу понял, что это был не обычный дождь, а начало ливней. Я проснулся от шума воды, стекавшей с покрытой пальмовыми листьями крыши моей хижины. На память пришли рассказы о наводнениях, когда за одну ночь реки выходят из берегов и заливают дома по самую крышу, обрекая на гибель всех жителей.

Но на следующее утро дождь прекратился, и я наблюдал, как жители деревни поспешно вытаскивали свои пожитки из домов и несли их куда-то в глубь джунглей, на склоны холма, начинавшегося сразу за узкой полоской берега реки, на котором стояла деревня.

Пименто объяснил мне, что он заблаговременно предупредил жителей об опасности наводнения, и рекомендовал мне тоже уходить, не теряя времени. Он советовал мне или воспользоваться моей пирогой и отправляться восвояси, или уходить в джунгли вместе с жителями деревни. Я выбрал последнее.

— Как ты узнал о приближении ливня? — спросил я Пименто. Интересно, что он даже не пытался объяснить свое предсказание воздействием отвратительного сока банистерии каапи. Он улыбнулся и сказал:

— Птицы знают — скоро ливень. Я знаю — скоро ливень. Когда меня рвет, мои люди знают, скоро ливень.

— Но зачем нужно было мучиться? — спросил я. — Почему бы просто не сказать им об этом? Он пожал плечами.

— Я сказал, они забыли. Если меня рвет, они помнят. Эта странная логика была, видимо, единственным объяснением всех его действий, предшествовавших прорицанию. Я спросил его, зачем он пил этот сок, зная ужасное действие, которое он оказывает на желудок. Он обратил ко мне свои умные, налитые кровью глаза и сказал:

— Я должен беречь своих людей от преждевременной смерти. Меня очень интересовали лекарственные средства, которые он использовал в своей практике. Видимо, применяя их, он не проводил четкой грани между физической и психической терапией. Мне даже кажется, что он и не пытался делать такого различия.

Причины очевидны: он верил, что духи исцеляют, а лекарства дают только побочный эффект. Сомневаюсь, что сам Пименто верил в лечебную силу некоторых из своих лекарств. Видимо, они служили только дополнительным средством воздействия на пациентов. В перечне лекарств, используемых индейцами Эквадора и Перу, имеются сотни подобных средств, а я никогда не мог точно установить, чем объясняется их лечебная сила: физиологией их действия или психологическим воздействием лекаря.

Одним из самых удивительных, по крайней мере для меня, явлений в знахарской практике является смешение доброго и злого начал. Пименто рассказал мне, что существует два вида колдунов — фитесейро, или злые колдуны, и курандейро — добрые колдуны, защищающие людей своего племени от злых духов, предсказывающие погоду и совершающие обряды, которые способствуют плодородию полей и деторождению.

По его описаниям, курандейро — это защитник племени от всех бедствий, посылаемых фитесейро другого племени или даже своего собственного. Курандейро должен старательно избегать ошибок, иначе его репутация долго не продержится. Поэтому он становится мастером прорицаний, смысл которых можно толковать по-разному, и ему приходится проявлять изворотливость фокусника и искусство психолога. Он и астролог, и агроном, и метеоролог своего племени. Он говорит, когда сеять и когда начинать уборку урожая. Он решает личные проблемы соплеменников и предупреждает девушек об опасностях свободной любви. В сущности, это хранитель обычаев своего племени, наставник, заботящийся о моральном, физическом и духовном здоровье соплеменников, пользуется он только «белой магией» и только на благо своего племени.

Фитесейро, напротив, служитель «черной магии». Он часто насылает на свои жертвы болезни — иногда заклинаниями, иногда отравой. Пименто уверял меня, что фитесейро даже могут превращать людей в животных — в змей, тигров или крокодилов.

Деление знахарей на служителей белой и черной магии не является особенностью только южноамериканских индейцев. Оно существует также в Африке, Малайе, Австралии и Океании.

Единственные духи, которых по-настоящему боятся знахари Южной Америки, — это «духи», занесенные в их страну белым человеком, — духи туберкулеза и сифилиса. Против них у курандейро нет лекарств.

Пименто был несомненно, курандейро — добрый колдун. Он объяснил мне, в чем состоит разница между добрыми и злыми колдунами. Я постарался возможно точнее записать его слова:

Все живое на земле принадлежит духам. Каждый человек может общаться с ними, молить их о продлении жизни или просить за жизнь других. Знахарь только помогает вступать ему в общение с духом.

Знахарь может обнаружить, когда зло вошло в тело, и может изгнать его. Он может даже своей стрелой наслать злого духа на человека. Но как бы то ни было, причина выздоровления скрыта в самом пациенте так же, как причина зла — в жертве. Знахарь, в сущности, не несет ответственности за последствия. Он только развязывает цепь событий.

«Курандейро сам не всегда знает, приведет ли вызывание духа к добру или злу. Но он обязан это делать, если его просят».

Их этика очень интересна. Знахарь несет не моральную, а социальную ответственность за действия духов. Он живет плодами своего труда. И если он не будет исцелять, ему не удержаться на своей работе. И знахарь — это прежде всего психолог.

Меня особенно интересовали лекарственные средства, используемые Пименто в его практике. Он прибегал ко многим лекарствам и знал свойства многих трав и листьев деревьев, таких, как, например, цинхона, кора которого содержит хинин, используемый индейцами для лечения малярии. Однако некоторые травы, применяемые знахарями, очевидно, не имеют какого-либо определенного лечебного свойства, как, например, листья пальмы бабасу, с помощью которых знахарь племени гуамбиза излечивал больной зуб Габрио.

Меня особенно интересовали те правила, которыми руководствовался Пименто. В своем обращении с пациентами он совсем не напоминал мне того спокойного, провинциального врача с ясным взглядом, каким он был при разговорах со мной. Приступая к лечению, он каждый раз проводил предварительную подготовку, чтобы создать и у себя и у больного соответствующий психологический настрой. Искусство, которое мы теперь называем психотерапией, всегда составляло существенный элемент примитивной медицины, отмечал известный антрополог, доктор Клод Леви Штраус в своих лекциях.

«Многие из нас считают психоанализ наряду с созданием генетики или теории относительности одним из революционных;

открытий XX века. Другие, более знакомые с его недостатками чем с его достоинствами, рассматривают психоанализ как один из предрассудков современного человека.

Однако и те и другие упускают из виду то обстоятельство, что психоанализ всего лишь заново открыл и изложил в новых понятиях тот подход к лечению болезней, истоки которого восходят к первым дням человечества. Знахари первобытных племен всегда пользовались средствами психоанализа, часто с искусством, которое поражает даже наших наиболее известных ученых».

Одной из основных проблем в борьбе Пименто за физическое, моральное и психическое здоровье своих соплеменников была постоянная угроза смерти, висящая над каждым жителем джунглей, — смерти от отравленной стрелы своих соседей — охотнике за головами, или от ядовитых зубов солнечной змеи, подражающей щебету птиц, чтобы завлечь жертву в пределы досягаемости.

Я просил Пименто объяснить мне, что же такое смерть. Он не много поколебался, потрогал свой амулет из перьев, висящий на запястье, потом сказал:

— Смерть — это не мое слово, сеньор доктор. Это ваше слово. У каждого человека есть свой дух, и множество духов окружает его. Если его дух покидает тело или чужой дух входит в тело, тогда наступает то, что вы называете смертью.

Смерть вызывается духами. Или собственным духом человека, который покидает тело, или враждебным духом из его окружения, который проникает в тело. Этот принцип составляет основу примитивной медицины и приемов лечения, используемых такими курандейро, как Пименто. Этот же принцип использует фитесейро, чтобы творить зло. По словам Пименто, если человек заснул в гамаке и не проснулся, то это только потому, что дух его оставил тело и не вернулся обратно. В некоторых случаях если поместить около человека соблазнительные для духа предметы и намазать его лицо и тело привлекательным для духов жиром животных, смешанным с пудрой из толченых листьев, то духа можно заманить обратно. Но если он останется непреклонным, то уже ничего поделать нельзя.

Мне особенно хотелось установить ту роль, которую играет слепая вера пациента в могущество курандейро и его «лечения». Я попросил Пименто объяснить мне его функции как знахаря племени и последствия, когда «лечение» не приносит успеха.

Улыбнувшись, как всегда дружелюбно, он ответил вопросом на вопрос:

— А что, белые люди никогда не болеют?

Я кивнул. Мне слишком хорошо было известно, что это не так. Он пожал плечами.

— Отгонять злых духов от племени — это моя работа, это моя обязанность перед племенем. Если люди будут умирать слишком часто, то они позовут другого доктора. Разве не то же самое происходит у вас?

Я был вынужден с этим согласиться. Врач, пациентов которого часто посещает смерть, не может рассчитывать на богатую практику. Однако тут есть и некоторая разница. Успех или поражение Пименто в лечении зависят не столько от применяемых им снадобий, сколько от веры пациента в исцеление. Описанный мною случай тяжелых родов показывает всю силу влияния Пименто на больных: благодаря этому влиянию больной способен вылечить себя сам.

Одним из самых интересных моментов в лечебной практике Пименто была его вера в мифические «стрелы», которыми фитесейро прокладывает злым духам путь в тело человека. Он с такой убежденностью говорил об этих стрелах, что, по-видимому, у него не было ни малейшего сомнения в их существовании. Но стрелы эти не были материальными.

Он верил, что колдун может уничтожить человека или наслать на него тяжелую болезнь, «выстрелив» одной из этих «стрел» ему в грудь или шею. Однако другой колдун может удалить эту стрелу.

— Как же тебе это удастся? — спросил я Пименто. Он ответил просто: если что-нибудь попало под кожу, то это можно вынуть.

Пименто положил волос и каплю крови в глиняный горшок и смешал их с какими-то снадобьями. Когда этот человек проснулся, ему рассказали о случившемся.

Тот пришел к Пименто и умолял снять заклятие. Он не представлял себе, что может ему грозить, но он знал силу злых духов, которых мог напустить на него Пименто. Как это ни странно, но он не имел претензий к Пименто за такое обдуманное покушение на его душевное здоровье. Он хотел только, чтобы его избавили от того, что Пименто с ним мог сделать.

В ответ Пименто молчал. И человек вернулся в свою хижину. Скрючившись, он около часа сидел на ее пороге в позе полного отчаяния. Я был готов просить Пименто сжалиться над

страдальцем. Но в этот момент он сам встал и подошел к своей жертве. Он прочел индейцу длинную нотацию, обращаясь к его разуму, показал все те беды, которые проистекают от пьянства. Пименто объяснил ему также, что он не воспользовался его кровью и волосом, чтобы вселить злого духа в его тело. Больше того, он усилил могущество добрых духов, и теперь они могут успешно бороться со злыми духами, включая духа пьянства!

Именно такую процедуру я наблюдал, когда лечили зуб Габрио и знахарь «высасывал» из щеки щепку, кузнечика и ящерицу. То же самое делал Пименто, когда лечил человека с разорванным плечом.

Пименто объяснил, каким образом «стрела» воздействует на тело жертвы. Каждая часть человеческого тела едина с самим телом. Поэтому, если «стрела» коснется, например, только слюны или капли крови своей жертвы — это окажет злое воздействие на все тело. Часто это делают с человеком во время сна. Потом, когда «стрела» проникнет в тело, она превратится в духа, и он может «воздействовать» на тело жертвы.

Таковыми «стрелами» могут быть острые кусочки дерева или волос жертвы, но это только их физический символ, к смерти ведут чисто психологические факторы.

Мне довелось однажды наблюдать, как Пименто «извлекал» «стрелу» из щеки пациента. Он пользовался той же самой техникой, что и тот знахарь на Верхнем Мараньоне, который лечил зуб Габрио. Но на сей раз у меня было то преимущество, что я мог расспросить Пименто о его методах и, кроме того, знал, что здесь было реальностью, а что обманом.

Когда знахарь выплевывал щепки, обрывки материи, муравья и кузнечика, я знал, что это были реальные предметы. Но поскольку они, конечно, не могли находиться в теле пациента, то лечебный эффект основывался исключительно на психологическом воздействии.

В дополнение к другим своим способностям Пименто обладал еще исключительной ловкостью рук, и я не сомневался, что он прятал в кулаке этих насекомых и умудрялся в нужные моменты засунуть их себе в рот.

В паузах между высасыванием он ритмично бормотал какие-то слова на местном языке, и это, безусловно, давало ему возможность отправить себе в рот очередную «стрелу». Затем он с новой энергией начинал сосать щеки и шею пациента и выплевывал новый предмет. Время от времени пациенту давалась возможность видеть

богатые результаты трудов Пименто, и в конце концов он получал полное удовлетворение и был уверен, что причина его болезни уничтожена.

Нередко случается, что знахарь сам вызывает болезнь, а затем демонстрирует эффект исцеления. Он может пускать свои «стрелы» для увеличения клиентуры, а затем извлекать их. Его соплеменники, живущие в страхе и трепете перед знахарями, редко рискуют открыто возражать против подобных приемов. Пименто, однако, пользовался своим могуществом только на пользу людям. Однажды я наблюдал, как он подошел к спящему человеку и осторожно выдернул волосок у него из головы. Затем он взял заостренную деревянную палочку, проколол ею кожу жертвы и выжал каплю крови. Этот человек проглотил солидную дозу местного питья из перебродившего сока фруктов, был мертвецки пьян и совершенно не сознавал, что происходит вокруг.

ГЛАВА 4 **«КОЛДУН» ЧОРО**

Я встретил Чоро примерно через год после своего посещения Памантохо, и по сей день считаю Чоро одним из лучших представителей знахарского искусства: гипнолог, чревовещатель, ловкий фокусник, профессиональный психолог и сельский священник — все соединялось в этом морщинистом старике.

Он был известен за сотни миль от своей деревни, где мне впервые довелось встретиться с ним, — среди нескончаемых джунглей в самом сердце бассейна Амазонки, у истоков реки Шингу. Этот длинный, извилистый приток Амазонки, лежащий к западу от реки Арагуая, уходит на юг в глубь верхнего плато Мату-Гросу, и зона Шингу считается одним из наиболее удаленных и не тронутых цивилизацией районов Бразилии.

Вторая часть экспедиции Ронкодор-Шингу ушла далеко в глубь района, и я делал отдельные выходы, чтобы делать снимки к моим отчетам по истории и антропологии жителей района. Во время одного из таких своих рейдов я встретил Чоро.

Я упоминал уже о двух характерных особенностях, видимо, свойственных каждому случаю знахарской практики, из тех, которые мне привелось наблюдать. Первое — люди первобытного мира находятся в гармонии с двумя равно естественными для них мирами: миром повседневной реальности и миром духов, окружающих их в повседневной жизни. Второе — они полны абсолютной веры во всемогущество знахарей.

Совершенно неважно, насколько фантастическими и лишенными смысла с позиций биологии могут представляться нашей изощенной цивилизации все обряды и приемы знахарства. Они реальны и осязаемы, они действенны для первобытных пациентов. Элементы психологии и психотерапии пронизывают все существо искусства магии. Если мы попытаемся описать действия этих жрецов из затерянных в джунглях селений, прибегая к терминам современной психологии, мы будем иметь нечто похожее на изложение современных психосоматических теорий.

Знахари, например, широко используют два основных механизма психотерапии: внушение и исповедь. Примитивный процесс «промывания мозгов», необходимый для того, чтобы привести пациента в состояние полного подчинения, — это, в сущности, есть не что иное, как применение тех же психологических принципов внушения и подчинения.

Знахарь, по сути дела, вторгается в темное сознание примитивного человека, где царят страхи и тревоги. С помощью «магии» в различных ее формах он ослабляет тревогу и внушает веру. Все это полностью соответствует принципам психоанализа и психотерапии. Однако знахарь простейшими приемами за несколько минут достигает результатов, для которых нашим высокооплачиваемым психиатрам требуются месяцы и даже годы.

Знахарю в некоторых отношениях живется легче, чем его более изоощренным коллегам-психиатрам. Ему не нужно тратить много времени на установление контакта со своими пациентами, поскольку сама природа этого примитивного общества уже обеспечивает такой контакт. Знахарь обладает духовной властью в своем приходе и в мельчайших деталях знает жизнь каждого из своих соплеменников, ибо живет среди них. Кроме того, каждый из его пациентов с самого рождения знает, что со всеми своими проблемами он может обратиться к знахарю племени. Насколько взаимоотношения знахаря с соплеменниками проще и естественнее отношений между врачом и пациентом в нашем мире! Хотя мы достигли уже такой степени развития, что охотно признаем значение и ценность психотерапии, чувство, сходное со стыдом, все-таки остается, когда человеку приходится обращаться к психиатру. Сама простота примитивной жизни дает знахарю большое преимущество по сравнению с врачом-психиатром.

Чоро был врачом в прямом значении этого слова. То был худой, истощенный человек с черными, искрящими глазами, горевшими

как темные алмазы на бесформенном и почти нечеловеческом лице.

Чоро дал мне первое представление об основах знахарства. Пименто ввел меня в этот мир, он, как говорится, распахнул ворота и дал мне возможность бросить быстрый взгляд внутрь. Но Чоро не был рядовым представителем своей профессии. То был гипнолог, чревовещатель и иллюзионист высшей квалификации. Однажды я сам был свидетелем исчезновения тела человека, хотя я во все глаза следил за его махинациями!

Селение, где жил Чоро, ничем не отличалось от остальных поселений местных индейцев, которые мне приходилось видеть. Оно состояло из нескольких десятков тростниковых хижин, стоявших на самом берегу реки.

Когда я встретил его впервые, он зажал рукой нос. Я счел бы это оскорбительным, если бы не был так удивлен. Позднее Чоро объяснил мне, в чем дело. Среди племен чаванта, а он был членом одного из них, существует обычай затыкать нос при приближении белого человека, чтобы злой дух, сопутствующий белому, не вошел через нос в тело индейца. Так что этот жест выражает не столько презрение, как это поняли бы в цивилизованном обществе, сколько страх перед злым духом белого человека, от которого у индейца нет защиты.

Страх лежит в основе колдовства. И надо сказать, что Чоро прекрасно владел этим элементом психотехники. Мне пришлось быть свидетелем, как он, используя все средства фокусника, волшебника и психолога, полностью подчинил себе суеверное сознание своих соплеменников и достиг результатов, явно превышающих возможности современной медицины и таланты ее лучших представителей.

Однажды его срочно вызвали к пациенту, у которого начались резкие боли в желудке. Тот был уверен, что враг наслал болезнь на него, и призывал знахаря на защиту от злых козней. Чоро спросил меня, не хочу ли я присутствовать при этом. Я быстро принял приглашение и вскоре очутился в углу темной хижины, где лежал больной.

Здесь я понял еще одну особенность практики Чоро, да и большинства других знахарей тоже. Он даже не пытается лечить «болезни белого человека». Он знает, что бессилен против тропической или желтой лихорадки. Он знает, что пациент умрет и ни одно из доступных средств не может предотвратить смерть. Так

что эти болезни он принимает, можно сказать, с философским спокойствием.

Но когда болезнь находится в пределах возможностей его примитивной «науки», он принимается за лечение со всей энергией и энтузиазмом, и, я бы даже сказал, мудростью. Часто ему удается справиться с болезнями, перед которыми могла бы отступить даже современная медицина.

Чоро объяснил мне, что его пациента свалила болезнь, насланная колдуном соседнего племени. Он не назвал его имени, и, честно говоря, я сомневаюсь, чтобы он знал этого человека. Он просто считал, что враг больного нанял колдуна, чтобы тот «послал стрелу» в живот больного.

Наверное, сказал Чоро, тебе как врачу своего племени тоже будет интересно обследовать больного. Мне сдавалось, что старый хитрец с самого начала знал, в чем состояла причина болезни и каким будет ее исход. Но он хотел поразить меня своим искусством.

Я поставил такой диагноз: больной опился местным спиртным напитком «типаш». Однако, когда я сказал об этом Чоро, тот затряс головой.

— Этот человек слишком больной, — сказал он. — Наверное, он умрет.

После столь откровенного диагноза он вылил целую тыкву холодной воды на голову больного. К такому средству в подобных случаях прибегаем и мы. Затем он повернул человека на спину и глубоко засунул ему палец в глотку. Хотя Чоро действовал грубо, но и эти его приемы соответствовали общепринятым.

Индейца охватил приступ неудержимой рвоты. Я полагал, что это должно было значительно облегчить его положение. Однако состояние его оставалось по-прежнему критическим. Но Чоро не оставил его в покое. Он достал большую погремушку, сделанную из сухой тыквы, и, вскочив на грудь пациента, начал буквально плясать на нем, выпуская громкие вопли, заглушавшие отчаянные стоны больного.

Это, как объяснил он мне позднее, должно было отогнать духов, которые столпились вокруг, чтобы, улучив момент, причинить больному еще большие неприятности. Затем Чоро принялся расспрашивать больного о его болях. Выяснилось, что первый приступ у него был утром, когда он работал в зарослях платана, разводимого жителями деревни ради его съедобных плодов.

Чоро быстро говорил с больным на местном диалекте, который я немного понимал. Мне удалось разобрать, что Чоро расспрашивает его об именах врагов. Больной поднял руку и слабым голосом назвал пятерых подозреваемых.

Чоро кивнул. Затем он приказал, чтобы всех пятерых привели в хижину больного.

Вскоре подозреваемые прибыли и сели на карточки вокруг гамака из лиан, в котором лежал больной индеец. Стеная, мрачно взирая на своих врагов. Чоро действовал с профессиональной уверенностью. Он поставил людей в полукруг и указал на еще различимое на полу пятно от рвоты больного. Оно своей неправильной формой напоминало чернильную кляксу, придавленную листом бумаги. Он продолжил один из языков лужицы и указал таким образом на одного из пятерых. Человек с ужасом следил за действиями Чоро, затем бросил взгляд на больного. Тот, приподнявшись в гамаке, указал пальцем на обвиняемого. — Это он! — крикнул больной.

Обвиняемый сидел, оцепенев от страха. Его морщинистое лицо исказила гримаса ужаса. Чоро выпрямился, потом повелительно махнул рукой своим двум подручным.

У племен шабанта знахарь не только лекарь, порой он выступает в роли начальника полиции. Подручные знахаря подскочили к обвиняемому и схватили его за руки. Чоро, вытянувшись как струна, указал на него пальцем и разразился гневной тирадой, которая, как я понял по его тону и нескольким доступным мне словам, была обвинительной речью. Охваченный страхом, обвиняемый не мог произнести ни слова.

Наконец он попытался заявить протест. Но тут двое индейцев поволокли его к пустой хижине, служившей тюрьмой. Чоро взял на себя труд разъяснить мне значение всего происходившего.

— Человек, страдавший от резей в желудке, несомненно, стал жертвой своего врага-колдуна. Таких людей, приверженцев зла, много, — сказал Чоро. — И их очень трудно выявить, если только не вмешается колдун, обладающий еще большей силой.

Чоро скромно дал мне возможность самому догадаться, кто этот колдун.

Я спросил Чоро, что случится, если этот больной индеец умрет. Чоро криво усмехнулся и, проведя рукой по горлу, показал, какая судьба ожидает обвиняемого. Однако, продолжал он свои

объяснения, если ему удастся выздороветь, то только потому, что он, Чоро, обладал большей властью чем тот колдун.

Хотя на этом история не закончилась, я уже могу сделать не которые выводы. Было очевидно, что больной ни на секунду не сомневался во власти Чоро. А ужас, который испытывал обвиняемый, доказывал, что сомнений не было и у него. Было ясно, что сам Чоро предвидел конечный исход всей этой истории. Характер. но, что никто и не пытался установить истинную причину болезнь индейца. Все было приписано колдовству, но я-то был твердо уверен, что тот человек был действительно болен. Какой-либо лечебной помощи оказано не было, и мне казалось, что Чоро с самого начала знал, что здесь медицина бессильна.

К полуночи больной умер. Индейцы повыскакивали из хижин и побежали к тюрьме, где томился обвиненный в колдовстве. Тюрьма была пуста.

Чоро внимательно оглядел землю около входа в тюрьму. Затем он направился прямо к хижине исчезнувшего индейца. Она тоже была пуста. Чоро с мрачным видом начал свой торжественный марш вокруг опустевшей хижины. При этом он что-то бормотал нараспев и ритмично потрясал головой и руками. Я наблюдал за этим часа три, пока мне не надоело. Тогда я вернулся в свою хижину и заснул. Утром Чоро все еще маршировал. Он не прервал своего хождения вокруг пустой хижины ни днем, ни следующей ночью, ни на следующий день. Ему приносили немного еды в чаше, и он ел прямо на ходу. На вторую ночь Чоро прервал свой марш и подал сигнал одному из помощников. Тот принес поднос с сухой кукурузой, вареным рисом и корнями тростника. Всю еду сложили у дверей хижины, а Чоро направился к себе домой. Я остался на улице. И вдруг увидел в дверном проеме коричневое лицо. Обвиняемый, как видно, сидел все время в хижине или был где-то рядом. Чоро не мог не знать об этом. Вместо того чтобы послать помощников вытащить преступника из хижины, Чоро почему-то предпочел свой странный метод следствия.

Человек жадно ел. Я посмотрел в сторону хижины. Чоро, этот служитель медицины, спокойно стоял в дверях своей хижины, наблюдая за этой картиной. Он не сделал ни малейшей попытки схватить индейца, но тот вдруг сжался в клубок и покатился по земле. Его свело судорогой, и он окаменел. Я подумал, что пища была отравлена, и решил спросить об этом Чоро. Скоро индеец был мертв, и я задал Чоро свой вопрос о еде. Чоро взял поднос с

остатками пищи и спокойно зачавкал. Его морщинистое лицо было совершенно бесстрастным. Еда действительно не была отравлена. Впрочем, не исключено, что Чоро брал те куски пищи, в которых не было яда.

Я думаю, что индеец умер просто от одного сознания, что должен умереть.

Я попытался проанализировать события, свидетелем которых оказался с точки зрения медицины и психологии. Человек внезапно чувствовал приступы боли в желудке. Это могло быть каким-то желудочным заболеванием. У меня не было возможности тщательно осмотреть больного. Его могли отравить. У него могло быть острое несварение желудка, острый запор или какие-либо психические нарушения.

Индеец умер, видимо, от болезни. Перед смертью он обвинил другого, и этот человек умер тоже. Никаких видимых причин насильственной смерти не было, он просто умер, и все. Его соплеменники твердо верили, что он виновен в колдовстве, и сознание собственной вины могло послужить причиной смерти. Это все, что мне известно. Даже родные умершего были удовлетворены, поскольку виновник был выявлен и наказан.

Чоро добился своеобразной социальной «справедливости» и удовлетворил обе стороны, чем еще более укрепил свое и без того прочное положение курандейро поселка!

Очевидно, настало время подвести некоторые итоги моих наблюдений и еще раз подчеркнуть значение психологического фактора в практике знахарей.

Истоки нашей современной медицины идут от Древнего Китая, Египта и Греции. Даже в этих цивилизованных государствах древности в медицине были сильны элементы мистики.

Только за последние три сотни лет, прошедшие с момента открытия Вильямом Гарвеем функций человеческого сердца и кровеносной системы, эти мистические элементы стали постепенно исчезать из медицины, заменяясь современным научным материализмом Запада. Веру в духов, входящих в тело через рот и через легкие, проникающих в сердце и вызывающих болезни (это представлялось несомненным грекам во времена Гиппократ), современная медицинская наука заменила изучением тела, пытаясь понять физиологию болезней и методов их лечения.

Врачи знают, что боль обычно является спутником болезни, и они полагают, что психические нарушения, иногда

сопровожающие болезни тела, есть не что иное, как проявление самой болезни, ибо боли и потеря бодрости духа сопровождают обычно любое более или менее серьезное заболевание. За последние годы эта концепция несколько изменилась под воздействием так называемой «психосоматической медицины».

Один из наиболее важных выводов, к которым пришла современная медицина на основе последних наблюдений, состоит в том, что неспособность разрешить эмоциональные конфликты проявляется чаще всего в тех случаях, когда эмоции не связаны с воздействием внешней среды, а относятся исключительно к области внутренних психических явлений. Страх как эмоция, может иметь как внешние, так и внутренние причины. Страх — это совершенно естественная эмоциональная реакция человека на опасности внешней ситуации. Но если страх или беспокойство возникают без видимой внешней причины, то результаты могут быть самыми неожиданными. И даже удручающими.

Если причину эмоциональных конфликтов или нарушения душевного спокойствия, например причину страха, нельзя устранить воздействием на известные физические факторы, то эмоциональные конфликты и сопровождающие их психологические явления будут, вероятно, подавлены или не полностью разрешены. В результате равновесия личности будет серьезно нарушено. Такое неуравновешенное состояние может проявиться в постоянном напряжении, способном нарушить нормальное функционирование человеческого организма.

Знахари, с которыми мне приходилось встречаться за время моих странствий, все были людьми с высоким уровнем профессиональной подготовки. Они входили в узкий круг служителей культа, к которому принадлежали члены племени и их предки. Доступ в этот круг очень ограничен, их приемы во многом схожи и различаются значительно меньше, чем того можно было бы ожидать. Это дало мне основание предположить, что всем им известны некоторые особенности человеческой природы. Все эти служители древнего искусства прекрасно владеют средствами контроля над настроениями масс, о которых современная психологическая наука только-только начинает догадываться. Многие их приемы, только более изощренные и с меньшей долей здравого смысла, входят в арсенал средств психологической войны, применяемых в нашем обществе.

Знахарь понимает все страхи, глубоко вошедшие в сознание каждого его соплеменника, и те суеверия, что порождают страх. У него есть свой набор приемов, позволяющих ему возбуждать страх и использовать суеверия своих пациентов. Когда его призывают для лечения больного, он старается прежде всего указать пациенту на причину его несчастий, телесную или бестелесную, в твердой уверенности, что это единственный путь к исцелению, который доступен пониманию больного. Он часто пользуется травами и снадобьями, целебные свойства которых сомнительны, а то и просто отсутствуют.

Твердой рукой старого мастера, понимающего и постоянно контролирующего реакции аудитории, управляет знахарь развитием эмоций, которые сам считает полезным возбудить. Пользуясь ловкостью рук, может он «материализовать» паука или ящерицу, причем работает он перед зрителем, среди которых скептиков нет. Он применяет гипноз или самовнушение. Он пользуется фетишами, чтобы внушить веру, а чтобы создать атмосферу страха, он не останавливается перед убийством.

ГЛАВА 5

ТАНЕЦ ОБНАЖЕННЫХ

Позднее, летом 1947 года, я снова соединился с экспедицией в базовом лагере, называвшемся Джакаре. Здесь был построен небольшой аэродром с радиостанцией, и отсюда экспедиционные партии должны были уходить на запад и север в глубины джунглей Амазонки.

Первыми представителями местных жителей, с которыми мне пришлось здесь встретиться, были индейцы, нанятые в этом районе для сооружения лагеря. Их было около ста человек, с ними были их жены и дети. Они совсем недавно познакомились с белыми людьми, и это давало возможность наблюдать их еще не искалеченные культурой примитивные обычаи.

Меня особенно интересовал культ «поклонения мертвым» — основа верований индейцев. Они, как и многие другие представители первобытных народов, верили, что мертвые правят живыми. Местные рабочие, например, искренне верили, что самолет, доставивший нас в лагерь, прибыл из «страны мертвых».

Некоторые проявления культа мертвых относятся к числу наиболее таинственных и наиболее ужасающих обрядов первобытных народов. Посвященные мертвым ритуалы встречаются повсеместно — в Южной Америке, Африке, Австралии и Океании.

Аборигены этих стран живут в постоянном страхе, что духи умерших сольются с душами живых. По их представлениям нет разницы между сном, когда они могут в своих сновидениях общаться с духами мертвых, и бодрствованием.

Уже первый опыт общения с работавшими в Джакаре индейцами показал их искреннюю веру в полную реальность общения между миром живых и миром мертвых. Это позволило мне еще больше утвердиться в справедливости предположений, сделанных на основе бесед с Пименто и, возможно, частично на основе воспоминаний о визитах в резервацию чайенов. Мысль моя проста — Первобытный человек стоит к явлениям природы намного ближе, чем это можем представить себе мы, живущие в цивилизованном Обществе. Для него нет ничего противоестественного в общении с Духами мертвых. Кроме того, защитить себя от них ему проще, чем от живых врагов, — для этого нужно только приносить духам дары и исполнять определенные обряды.

Хотя он живет в постоянном страхе смерти, он научился кое-как принимать ее реальность с куда большей готовностью, чем мы. Смерть для него не только неизбежна, но и близка. Хотя это может показаться парадоксом, но парадокс этот легко объясним. Явления, которых мы не понимаем, могут нас беспокоить и даже ужасать. Но если мы познакомимся с ними ближе, освоимся и почувствуем, что мы их знаем, то, хотя и будем продолжать бояться их, это будет уже другой более близкий и привычный страх, когда мы фаталистически принимаем возможные последствия.

Наша экспедиция работала в тех местах Бразилии, куда, насколько известно, белые проникли впервые всего лишь 75 лет назад. Этот район лежит на «продольной оси» Бразилии, на линии, идущей с северо-запада на юго-восток, и тянется на три тысячи миль от границы Колумбии до Рио-де-Жанейро.

Большая часть индейцев, с которыми мне приходилось встречаться в лагере Джакаре, принадлежала к племени трумес, относящемуся к группе карибских племен. В районах, простирающихся к юго-западу от нашего лагеря, обитали индейские племена, принадлежащие к различным языковым группам, в том числе племя камайюра. Оно интересовало меня больше всего, поскольку мой переводчик — индеец Нарум был из этого племени. Нарум оказывал мне бесценную помощь в работе и исполнял обязанности коллектора, собирая все результаты нашей экспедиции, в том числе антропологические данные, которые мне удавалось

получить. Это был крепкого сложения человек, его рост был выше среднего роста (около 5,5 фута) мужчин его племени. Он был среди первых индейцев, нанятых экспедицией для строительства аэродрома, и немного говорил по-португальски.

За несколько недель наших экспедиционных работ нам удалось посетить с десятков племен, пользуясь самолетом или моторной лодкой. С нами был Орlando Вилла Боас, известный среди индейцев как «великий белый доктор», который мог объясняться с представителями местных племен. Среди этих племен было воинственное племя сийяс, знаменитое своими набегами на соседей с целью грабежа и похищения женщин. Последнее обстоятельство особенно возмущало мужскую половину племен, подвергавшихся набегам, но женщины воспринимали возможность похищения совсем по-другому.

В одном из селений племени сийяс мне приходилось беседовать с похищенными женщинами, и они не жаловались на свою судьбу. Они расценивали это как признак мужественности своих похитителей, и, кроме того, их привлекала возможность увидеть новые края.

Однажды, пролетая на самолете над джунглями, мы заметили сравнительно большое поселение в нескольких милях от реки Кулуэне. Это был основной район расселения племени камайюра, к которому принадлежал мой Нарум. Поскольку в своих рассказах Нарум неоднократно подчеркивал, что его племя не входило прежде с белыми людьми, мне было чрезвычайно интересно побывать у них.

Мы вернулись в лагерь, и я обратился с просьбой к начальнику вашей экспедиции Орlando Вилла Боасу. Руководители экспедиции — его брат Леонард Вилла Боас и Клаудио — решили совершить это путешествие со мной. Они поручили Орlando и фотографу Джоа Мелиму создать группу из 10-12 человек с носильщиками и отправились вверх по реке.

Несколько дней мы плыли по Кулуэне, реке, пробившей себе путь сквозь непроходимые джунгли, на берегах которой мы встречали самые удивительные по окраске образцы растительного мира. Это собрание цветов и кустарников с воздуха создавало картину девственной красоты, скрытой листвой мощных деревьев, а здесь, внизу, это было фантастическое по красоте зрелище. Медленно подымаясь вверх по течению, мы любовались множеством редких по красоте своей окраски птиц. в том числе и

черных попугаев, которых мне никогда не приходилось встречать ранее.

Наша лодка, построенная целиком из красного дерева, была около 45 футов в длину, имела неглубокую осадку и могла доставить нас далеко вверх по любому из притоков реки. Мы могли подходить очень близко к берегу и обследовать почву, которая даже на значительном расстоянии от берега была мягкой и болотистой. Когда мы свернули в один из мелких притоков Кулуэне, который мы обнаружили при облете района, экипаж нашей лодки охватило странное чувство ожидания чего-то необычного. Я спросил Орlando Вилла Боаса, в чем дело. «За нами наблюдают, — сказал он. — Скоро они нас встретят».

Действительно, вскоре и мы увидели на небольшом мысу, вдававшемся в реку, группы обнаженных индейцев, вооруженных луками и стрелами, которые, однако, не выказывали никаких признаков враждебности.

Может быть, о нашем подходе их оповестил некий «лесной телеграф», такой же, как в Африке, — не знаю. Но они, по-видимому, заблаговременно знали не только о нашем визите, но и о наших мирных намерениях.

Один из первых вопросов, который перевел Нарум, был: где великий белый доктор? Где белый курандейро? Нарум сразу указал на Орlando Вилла Боаса. Затем, обращаясь ко мне, он сказал, что это и есть «его люди». Действительно, его жена жила в деревне этих индейцев в четырех милях отсюда.

Мы несколько дней пользовались гостеприимством этой деревни, и я с удивлением обнаружил, что большинство жителей никогда прежде с белыми людьми не встречалось.

Индейцы племени камайюра, относящиеся к группе племен тупи, имеют крайне простую форму правления. Самый старый из мужчин «считался «вождем», обычно это был единственный старик в племени. Вождя звали Томаку. Я сразу же попросил Нарума разузнать о знахаре деревни. В ответ Нарум состроил гримасу и указал рукой куда-то в джунгли.

— Он убежал, — Ответил Нарум по-португальски. — Белый курандейро делает больше дыма! (то есть может его «выкурить». — И. М.)

Вскоре этот служитель медицины решился на возвращение. Он убежал, видимо, из опасения, что прибыл более могущественный знахарь. Нарум пояснил мне, что нет ничего необычного, если

знахарь покидает племя, когда он ошибается в предсказании дождя или когда его обряды оказываются бессильными против болезни. За такие неудачи не наказывают. Просто он теряет репутацию и влияние и стремится перебраться в другое племя, где о его поражении не знают. Местный знахарь был не так стар, как Томаку, но куда безобразнее. Застывшее выражение его лица свидетельствовало о психической ненормальности — он, видимо, был подвержен эпилепсии, что среди местных племен часто является обязательным условием для успешной карьеры человека, посвятившего себя знахарству.

С помощью Нарума мне удалось узнать много интересного о верованиях и обычаях индейцев этого племени. Старый знахарь был непререкаемым судьей во всех проблемах духовной жизни племени. Я спросил его, может ли он управлять душами мертвых? Нарум перевел ответ: «Нет, сеньор, это духи управляют им».

Из того, что Нарум и этот служитель медицины рассказали мне, стало очевидным, что для камайюра идея смерти не связана с моральными или этическими ценностями. Понятия смерти как наказания за злодеяния живых просто не существует для них. Для них смерть — это всего лишь переход из страны живых в страну мертвых. В их представлении страна мертвых не лучше и не хуже страны живых. Человек просто умирает, и его дух продолжает жить в другой стране, которая не отличается от страны, где он жил до смерти.

Представление о жизни после смерти для них столь же естественно, как естественно их представление о жизни, ибо любое другое представление, очевидно, повело бы к созданию вакуума в их сознании. Камайюра не видят также никакой разницы между душами людей и душами любых других существ, например змей, рыб, птиц и других животных. Они верят, что мертвые могут возвращаться в страну живых, «переселяясь» в тело любого живого существа, — в этом сходство их верований с верованиями многих других первобытных племен в различных частях земного шара.

Это верование дает одно любопытное следствие. Если умерший человек в мире духов подвергается нападению более сильного духа, то это может заставить его принять образ еще живущего человека. Тогда вмешательство знахаря становится совершенно необходимым — только он своими заклинаниями может избавить человека от власти духа покойника.

Знахарь этой деревни с помощью Нарума дал мне столь простое и логичное толкование этих представлений, что оно выдерживало даже строгую критику нашего цивилизованного разума. Из его объяснений мне стало ясно, что их представление о небе коренным образом отличается от нашего. Они связывают его не с будущим, как мы, а с прошедшим временем. Там живут все ушедшие от нас друзья и родственники. С начала времен туда уходят все покойники и там живут вместе с первыми индейцами, жившими на земле. Если представляется возможность, то они возвращаются на землю в образе человека или животного. Но духи тех, кто не может вернуться, таятся в ночи и причиняют мучения живущим и тем, кто смог вернуться к жизни.

Воспитание молодого поколения в значительной мере основано на сказаниях и легендах, так что молодежь племени, подрастая, узнает, что случилось с их предками. В этих легендах не делается большой разницы между людьми и животными или между живыми и мертвыми. Их рассказывают по памяти старшие члены племени, и младшее поколение индейцев верит им столь же искренне, как наши дети верят в существование Робин Гуда.

Естественно, что такая вера находит свое отражение в их обычаях. Победа над животным — это такой же триумф, как победа над врагом. И тех животных, которые не представляют опасности для человека или которых он не употребляет в пищу, индейцы считают социально равными человеку.

Большинство мужчин были молоды — в среднем им было около тридцати лет. Все они на вид отличались крепким здоровьем, что представляло разительный контраст с их высокой смертностью в раннем возрасте.

Я осмотрел нескольких мужчин и не нашел у них никаких признаков внутренних или кожных болезней, заболеваний зубов или полости рта. В малой продолжительности их жизни виновны прежде всего частые эпидемии малярии. Этот бич жителей бразильских джунглей представляет смертельную угрозу для тех, кто вынужден оставаться в деревне и не может покинуть зараженной зоны. Мне говорили, что когда начинается эпидемия малярии, то племя снимается с места, бросает свои дома и уходит далеко на новое место. Трудности охоты, которая является долгом мужчин, также уносят много жизней. Обязанности знахаря у индейцев камайюра почти те же, что у Пименто или Чоро, они лишь чуть проще. Менее сложная социальная структура племени,

отсутствие представления о наказании за грехи упрощают его задачу. Если знахарю не удастся излечить больного, индейцы камайюра не осуждают его за слабость, а считают, что в болезни виноват другой колдун. Но если соплеменники умирают слишком часто, то к знахарю перестают обращаться за помощью и он вынужден уходить из племени.

Престиж местного знахаря неоднократно страдал еще до нашего приезда, и во время нашего пребывания у камайюра знахарь снова скрылся. Нарум подтвердил мне, что это объяснялось главным образом его боязнью вступить в безнадежное соревнование с великим белым доктором Орландо Вилла Боасом, и он бежал, чтобы уйти от поражения.

У камайюра есть один обычай, похожий на организованное ритуальное действие. Это праздник танца танга-танга, якобы очищающий жилища умерших от злых духов. Когда мы впервые появились в деревне, этот праздник был в полном разгаре, и большая часть танцоров-мужчин была раскрашена красной растительной краской урукум. Симметричные линии покрывали их лица, верхнюю часть тела и ноги. Женщины участия в танце не принимали и не были раскрашены.

Цель танца частично состояла в психологической разрядке танцующих, и он во многом был схож с ритуальными танцами африканских племен, участники которых верят, что во время танца в них вселяются духи, хотя на сей раз я не слышал от туземцев, чтобы они верили в то, что духи владеют танцорами. Мужчины племени были ростом выше обычного для этих мест. Некоторые из них были до 6 футов ростом и весом около 200 фунтов. Они танцевали совершенно обнаженными, если не считать узкой набедренной повязки из листьев пальмы и бамбука. На головах у них были красивые повязки из перьев тукана, запястья и лодыжки украшали повязки из древесных волокон, У некоторых на затылках были прикреплены пучки обезьяньих волос, которые при прыжках создавали впечатление развевающейся гривы.

Каждый из танцующих играл на свирели, издававшей высокие пронзительные звуки в такт их ритмичным прыжкам, В этом танце они демонстрировали чудеса выносливости. Широким шагом, почти прыжками, а часто бегом в едином ритме танцевали они весь день с восхода солнца до заката, а затем почти без передышки всю ночь. Они обходили кругом каждую хижину поселка, то приближаясь к ней тремя шагами, то отскакивая назад. Затем они вбегали в хижину

и выбегали из нее. За все то время, что я наблюдал танцоров, никто из них не съел ни кусочка и не выпил ни капля воды. На следующий день к ним присоединились жены, и этот изнурительный танец продолжался без перерыва. Каждая женщина танцевала рядом с мужчиной, положив руку ему на плече и повторяя за ним все прыжки и ритуальные фигуры танца.

Незадолго до нашего ухода из деревни меня как-то ночью разбудил Нарум и сообщил, что сестра одного из вождей племени Мондоро подверглась нападению злых духов. Я немедленно направился в ее дом — большую хижину без перегородок, где вся семья жила и спала в одном помещении, и обнаружил молодую женщину в состоянии послеродовой горячки. Ей было около 16 лет, и она только что родила дочь.

Я знал, что нам грозят крупные неприятности, если мы попытаемся оказать медицинскую помощь, и она окажется безуспешной. Но я попросил Нарума убедить вождя, чтобы он разрешил нам взять больную с собой в лагерь. На следующий день мы отбыли, взяв с собой женщину. Она должна была испытывать мучительные боли, но ничем, разве что случайной гримасой, не выдавала своих мук.

Пока мы плыли вниз по реке, нас сопровождали сигналы «телеграфа» джунглей: удары палкой по пустому выдолбленному бревну. Звуки этого примитивного барабана разносились на много миль вокруг. Впереди нас по нашему маршруту, очевидно, были высланы наблюдатели, которые должны были следить за тем, чтобы наш путь прошел благополучно. Как только мы проходили один из таких постов, в ясное тропическое небо поднимался столб дыма от сигнального костра.

Когда мы прибыли в Джакаре, женщина была в таком плохом состоянии, что мы были вынуждены направить ее на самолете в госпиталь в Арагарсас. Несколькими неделями позже, когда я в Рио дожидался самолета, чтобы отправиться домой, я услышал от одного из братьев Вилла Боаса, что женщина выздоровела и доставлена обратно в свою деревню. По крайней мере хоть на этот раз первый контакт первобытного племени с белым человеком хорошо кончился.

ГЛАВА 6

ВОЛЯ МЕРТВЕЦА

От верховий Амазонки до Габона в Западной Африке по прямой почти 7 тысяч миль. Тем не менее я обнаружил, что и здесь и там

знахари мало чем отличаются друг от друга. Разве что ритуалы африканских знахарей более зловещи и не столь благожелательны к человеку, как ритуалы их американских собратьев. Но и это различие обычно выражено не слишком четко. Лучшей из известных мне знахарей была Лусунгу, которую бельгийцы из Леопольдвилья считали самой могущественной из знахарей (или нгомбо) в стране Бапенде, простирающейся между Габоном и границей Анголы. Когда я увидел ее, ей было около 25 лет. Это была стройная молодая женщина с горевшими диким пламенем черными глазами. У нее был правильный овал лица и классические черты, которые встречаются среди племен Габона и Бельгийского Конго.

Женщины — жрицы черного искусства — не редкость в Африке. Среди южноафриканских племен матебеле, например, больше знахарей-женщин, чем мужчин. По ряду причин, о которых писал Киплинг, их и боятся больше. Большая часть знахарей утверждают, что они занимаются только «белой магией» — используют амулеты, фетиши или «заговаривают духов» только с добрыми намерениями — для излечения больных, изгнания духов или предсказания погоды. Они категорически отрицают, во всяком случае, при общении с белыми людьми, что своей деятельностью могут принести вред человеку. Однако даже случайный наблюдатель заметит, что они занимаются и «черной магией», которая служит оружием как знахарей, так и колдунов. Такой была и Лусунгу.

Имя Лусунгу было хорошо известно местной администрации и, чтобы встретиться с нею, я вместе с моим добрым знакомым, майором местной полиции Роландом вылетел в Киквит — город в нижней части долины Бапенде. Здесь по договоренности с майором в мое распоряжение должна была быть предоставлена грузовая машина. В этой местности были отмечены случаи заболевания корью — «красной болезнью», и представитель компании «Палм Ойл» был рад, что человек с медицинским образованием посетит селения Кунгу и Килембе, где расположены предприятия этой компании по производству пальмового масла. Ее представители пытались провести предупредительные прививки среди местного населения, но встретили сопротивление нгомбо (знахарей) этих деревень.

После путешествия на машине по низким, иссушенным солнцем холмам мы прибыли в Гунгу, где к нам присоединился Джерри, агент по набору рабочей силы для компании «Палм Ойл». Он знал всех местных старейшин деревень и всех знахарей. Он отвез нас в

деревню Мусангалубали — центральный пункт племени бавенде, возглавляемого старым разбойником по имени Каланге.

Каланге уже сообщили, что цель нашего приезда — это прививки среди членов его племени, и он встретил нас дружески. Каланге сказал, что очень хорошо знает всю силу «магии белого человека», однако он хотел бы, чтобы мы заручились также поддержкой «великой Лусунгу», которая живет в 75 милях отсюда, в самом центре территории Бапенде.

Он согласился послать гонца — предупредить о нашем приезде. Чтобы подтвердить полномочия посла, следовало изготовить специальный фетиш. То была деревянная маска. Вождь сказал, что мы должны ожидать возвращения гонца примерно два дня и лишь после этого сможем тронуться в Кинсамбе — деревню, где жила Лусунгу. Эта деревня находилась недалеко от большого селения Килембе, где были расположены предприятия компании.

Джерри оказался незаменимым помощником. Он бегло говорил на всех местных диалектах, и было видно, что он пользуется у местных жителей глубоким уважением. Я думаю, что это было отзвуком тех не столь далеких времен, когда подобный агент был предвестником ужасных бедствий. Он шпионил по деревням и доносил охотникам за рабами, где таится желанная добыча.

В Килембе Джерри познакомил меня с местным представителем властей, фламандцем по имени Ройяль. Здесь Ройяль был царь и бог. Он решал все вопросы, касающиеся центральных властей, собирал налоги и руководил полицейскими операциями местной малочисленной, но весьма эффективной «армии». Он знал всех окрестных колдунов и, уж конечно, знал Лусунгу.

Лусунгу жила в десяти милях от Килембе, и мы отправились туда в «джипе» Ройяля. По дороге он много рассказывал мне о Нравах и обычаях местных жителей, в жизнь которых он старался не вмешиваться, если это не касалось интересов колониальных властей или если не происходили какие-либо исключительные события.

Мы проехали уже четыре или пять миль по плохой дороге, как вдруг Ройяль резко остановил машину и с явным волнением показал мне на толпу туземцев.

Мы выпрыгнули из машины. На земле было распростерто тело молодой женщины. Ройяль приказал перенести тело с дороги, чтобы осмотреть его. Никто из негров, однако, не осмелился коснуться мертвой.

Ройяль многозначительно посмотрел на меня. «Вот видите, — сказал он, приподняв бровь, — это то самое, что мы называем убийством по наговору».

Я опустился на корточки рядом с ним, чтобы осмотреть лежащее на краю дороги тело женщины. Хотя она лежала на самом солнцепеке, на теле не было видно следов разложения. Я осмотрел глаза, а затем голову. К моему изумлению, череп был вскрыт. В нем было проделано небольшое аккуратное отверстие эллиптической формы. Приглядевшись, я увидел, что мозг был извлечен.

На теле не было видно никаких других следов насильственной смерти, ни малейшей царапины. Я почувствовал волнение, которое испытывал при тех случаях необъяснимой смерти, о которых мне приходилось слышать. Между тем Ройяль пояснил:

— Девушка убита по чьему-то наущению. Тот знахарь, который сделал это, должен был достать ее мозг, вероятно для того, чтобы сделать из него фетиш. Это дело рук Лусунгу. Только она одна могла совершить такое. Во всяком случае, она замешана в этом деле.

Он обратился к туземцам, собравшимся вокруг нас. Они с любопытством взирали на тело, но держались от него на почтительном расстоянии.

Из расспросов Ройяля выяснилось, что никто из туземцев не знал этой девушки. Во всяком случае, все они утверждали, что не знают ее и не могут сказать даже, из какого она племени. Но они говорили о том, что слишком долго нет дождей, что и посевы гибнут, и удивительным образом связывали засуху со смертью девушки. Один сказал, что они уже принесли в жертву цыплят и даже козла (а это крупная жертва), но бесполезно. Тогда они обратились за советом к «говорящему дереву» и «дерево» — могущественный фетиш — объявило, что богам нужен мозг молоденькой девушки, тогда они сжалятся и пошлют дождь.

Позднее я узнал, что бедная девушка была соперницей Лусунгу. То было тем сплавом ревности и интриги, что нередко лежит в основе преступления и в нашем обществе. Тело не носило следов разложения, видимо, оно было бальзамировано местным способом. Ройяль уже встречался с подобными случаями, и когда он однажды произвел вскрытие, то «внутренности были ярко-красного цвета».

Сделав несколько пометок в бланках, Ройяль занял свое место в «джипе», и мы продолжили свой путь в Килембе к Лусунгу. Почти на окраине деревни мы заметили немного в стороне от дороги

свежевырытую могилу. Ройяль остановил машины и дал мне знак следовать за ним.

Около ямы лежало тело старика, для которого и предназначалась могила. Невольно я задался вопросом: сколько еще трупов мы повстречаем, прежде чем доберемся до преступника?

Приготовления к погребению шли по установленному порядку. У подножия могилы были разложены вещи, принадлежавшие прежде покойнику. Тут были погремушки, пучки перьев и несколько тыкв, наполненных пальмовым маслом. Похороны были прерваны нашим прибытием (или участники церемонии были оповещены до любопытной системе «телеграфа джунглей», применяемого во многих племенах Африки). То не был обычный тамтам, знакомый читателям рассказов о жизни в джунглях. Как передаются известия, я не знаю, но они доходят до селений со скоростью большей, чем скорость передвижения человека.

Мы прибыли в деревню, и Ройяль провел официальный опрос. Выяснилось, что хоронили старого знахаря по имени Витембе. Ройяль отметил в своем блокноте: «Нгомбо Витембе найден убитым. Видимо, жертва распрей между местными знахарями».

— Вполне вероятно, что его смерть можно поставить в связь с убийством девушки, — сказал мне Ройяль. — Наверное, он заверил жителей в том, что дождь пойдет, если ему доставят мозг девушки. Его требование выполнили, а дождя не было, вот Витембе и поплатился за свою неудачу. Во всяком случае, — заключил он, — это дело не затрагивает интересов правительства. Я был изумлен.

— Вы хотите сказать, что не намерены расследовать дело дальше? — спросил я. — Но ведь девушку убили, сомнения-то в этом нет?

— Убийство нгомбо Витембе объясняет убийство девушки, — сказал он философски. — Убийство девушки объясняет убийство нгомбо. Чего тут еще расследовать?

Такое парадоксальное представление о криминалистике несколько озадачило меня, но скоро я отвлекся, наблюдая за большой толпой, встретившей нас в деревне и с любопытством взиравшей на нас.

Я невольно обратил внимание на девушку, стоявшую неподалеку у входа в новую травяную хижину. Большая часть негров бапенде имеет кожу иссиня-черного цвета — у нее кожа была красивого светло-шоколадного оттенка. Ростом она была повыше местных женщин, стройнее их, с крепкой высокой грудью. Она была

обнажена до пояса, вокруг бедер на свободном поясе висела юбочка. Маленькая головка девушки была гордо посажена на плечах, а глаза ярко блестели.

Самым удивительным в ее теле, если не считать его природной грации, был живот — он был весь покрыт татуировкой в виде концентрических кругов вокруг пупка. Как мне сообщили позднее, для этого надрезают кожу и втирают туда растительную краску.

Волосы ее были собраны в пучок в виде перевернутого усеченного конуса, возвышавшегося на голове как собранный кругом веер. Такую сложную прическу скрепляла весьма не аппетитного вида масса из мха и животного жира. Верхнее основание конуса было украшено рядом обойных гвоздей с крупными бронзовыми шляпками. Прическа эта в целом производила столь сильное впечатление, что даже гвозди не казались смешными, а представлялись королевской короной.

— Это Лусунгу, которую вы так стремились видеть, — сказал мне Ройяль, указав на девушку рукой без всякого признака уважения к ее полу.

Я был несколько смущен, что меня столь невежливо представили, но Лусунгу только посмотрела на меня без особого интереса, словно для нее в этом не было никакой неожиданности. Ройяль подошел к ней и заговорил на языке кипенде.

Он, как видно, сказал ей, что я «белый доктор», прибывший издалека, чтобы перенять ее искусство врачевания. Он объяснил ей, что я затратил несколько месяцев на паломничество к ней и прибыл учиться, а не критиковать.

Впервые за время беседы губы Лусунгу разошлись в улыбке, и обнажились зубы...

Должен сказать, я был потрясен, хотя долго работал зубным врачом. Дело в том, что среди бапенде обычные зубы считаются безобразными. Их называют «обезьянами». Женщины племени переносят длительную и мучительную операцию, во время которой их передние зубы оттачиваются так, что начинают напоминать змеиные. У Лусунгу рот был полон таких зубов.

Она грациозно подняла руку, собираясь говорить. Но в это время в деревню вбежал, отчаянно жестикулируя человек. Он принес известие о вспышке чумы в соседнем селении. Заболели две его дочери, и он просил Лусунгу о помощи. Он хотел узнать, кто напустил болезнь на его семью.

Лусунгу пристально смотрела на своего нового клиента, и я не мог понять, то ли она собиралась оставить его просьбу без внимания, то ли гипнотизировала его. Затем она быстро повернулась и скрылась в хижине. Через несколько минут она появилась снова, ее грудь была прикрыта одеянием, сплетенным из копры. За ней шел мальчик, несший маримбу — музыкальный инструмент, сделанный из изогнутых кусков дерева, прикрепленных к пустым тыквенным бутылкам, Лусунгу взошла на небольшой помост, поддерживаемый четырьмя замысловато вырезанными фигурами, и я вспомнил об известном ритуале заклинания палочек, в котором всегда употребляются четыре фигуры. Этот ритуал распространен по всей Африке.

Несчастный отец опустился на корточки напротив колдуньи, в то время как сама Лусунгу и мальчик сели на помосте, поставив между собой маримбу. Лусунгу начала говорить нараспев низким музыкальным голосом. В одной руке она держала погремушку, которой взмахивала, задавая вопросы:

— Зачем ты пришел сюда? О чем ты хочешь посоветоваться со мной? Может быть, тебя не любят женщины или в твоей семье кто-нибудь заболел?

Туземец уже объяснил причину своего появления, но она продолжала задавать риторические вопросы, а он слушал ее с огромным вниманием. Время от времени он так же нараспев отвечал. Все это время мальчик импровизировал на маримбу. Вся сцена производила какое-то гипнотическое впечатление. Я поймал себя на том, что внимательно вслушиваюсь в напевный ритм и захвачен происходящим, хотя сам я понимал только очень немного из их слов, кое-что мне переводил Ройяль. Наконец Лусунгу сказала:

— Болезнь вызвана фетишем, который находился в твоём доме или принадлежал ушедшему и вновь вернувшемуся нгомбо. Мы должны узнать.

Неожиданно она подбросила свою погремушку в воздух. Погремушка упала на помост у белой линии, проведенной параллельно. Другой — красной. В пророчестве местных колдунов это служит подтверждением справедливости их слов. По толпе прошло движение.

Ройяль наклонился ко мне и прошептал:

— Это тот нгомбо, похороны которого мы видели. И Лусунгу собирается использовать его смерть. Она умная женщина.

Лусунгу продолжала прорицать в своей напевной манере, обвиняя старого нгомбо в том, что он навлек беду на семью ее клиента. Обвинение это, естественно, опровергнуть было некому, ибо старик был мертв. Она заявила, что злой дух старого нгомбо напал на семью несчастного клиента потому, что тот не пришел вовремя к Лусунгу и не попросил ее помощи в самом начале болезни детей.

Бедняга дрожал в безумном страхе. Он молчал и стоял, не отрывая глаз от черной колдуньи. Она предложила ему оплатить ее услуги, и он передал ей кусок цветастой материи. Лусунгу отпустила его, посоветовав обратиться к нгомбо из соседней деревни. Он был специалистом по опасным заболеваниям и мог спасти его дочерей от злых духов, которых тот по собственной глупости допустил в свою семью.

После того как перепуганный до смерти отец удалился, я начал анализировать метод Лусунгу.

По сути дела, она достигла двух вещей: перепугала человека до того, что он поверил, будто бы она была в состоянии защитить его, если бы захотела. Кроме того, она избежала возможной неудачи. Ее клиент просил узнать причину болезни его дочерей, и она удовлетворила его просьбу и даже получила свой гонорар. Тем не менее, вся ответственность была возложена на «специалиста» — нгомбо из другой деревни. Намного ли это отличается от обычной медицинской практики в нашем обществе, когда терапевт направляет больного для консультации к узким специалистам?

Впоследствии я постарался узнать, чем закончилось это дело. Человек пошел-таки к нгомбо в соседнюю деревню, как советовала Урунгу. Нгомбо приготовил смесь из пальмового масла и еще каких-то ингредиентов и опрыскал ими тело своего мертвого коллеги, после чего дети выздоровели! Наверное, они выздоровели бы в любом случае.

На следующий день после нашего прибытия в деревню к Лусунгу пришел за помощью другой человек. То был отец изнасилованной девочки. Она умирала, и ей была нужна срочная медицинская помощь. Мы убедили Лусунгу сесть с нами в «джип» и поехать в деревню, где умирала девочка. Ей было около восьми лет. Я взял ее руку, но не обнаружил пульса. Затем я вынул из саквояжа стетоскоп и выслушал ее. Мне не удалось обнаружить биения сердца.

— Она умерла, — сказал я, но Лусунгу, наклонившись через мое плечо над девочкой, отрицательно покачала головой. Она склонилась над девочкой и начала дуть ей в рот. Как она узнала, что в ребенке еще теплится жизнь, я не знаю. Однако очень скоро губы девочки дрогнули, и я смог почувствовать ее пульс. Лусунгу мягко сказала что-то на ухо ребенку, и девочка ответила: «Мбуки».

Это было имя напавшего на нее. Лусунгу поднялась и сказала столпившимся вокруг жителям деревни: — Приведите всех, кого зовут Мбуки!

К ней привели пятерых юношей. Они стояли с опущенными головами и производили жалкое впечатление. На их лицах застыло невыразимое отчаяние, в них было нечто такое, из чего я понял, сколь безграничной властью над ними обладала в тот момент Лусунгу. Она допросила каждого из мальчиков. Каждый из них ответил отрицательным покачиванием головы. Не добившись ничего, она перенесла девочку на помост, который есть в каждой деревне.

Затем она произнесла самую невероятную проповедь на моральные темы, которую мне когда-либо приходилось слышать.

— Ни один из мальчиков не совершал этого преступления, — сказала она, — хотя несомненно, что оно совершено. Виновен в нем ванга — «злой дух», укрепившийся в одном из мальчиков. Этот дух настолько силен, что не позволяет мальчику признаться, поэтому она добьется признания другими средствами.

Мальчики, которым было от девяти до четырнадцати лет, стояли потупившись, но на лицах их не было выражения вины, скорее то было выражение отчаяния. Лусунгу построила их в линию на краю поляны, взяла приготовленную чашу и поднесла ее поочередно каждому из мальчиков. Каждый покорно взял по горстке содержимого — неприятно пахнущего состава из маниоки,—и все принялись жевать это крахмалистое вещество. Вдруг Лусунгу отрывисто скомандовала: — Плюйте!

Она произнесла это так внезапно, что у несчастных не было времени обдумать приказание. Они просто немедленно выполнили его, выплюнув полупережеванную маниоку. Лусунгу рассмотрела ее и указала пальцем на одного из них: — Ты виноват!

Мальчик повернулся и бросился в чашу. Его никто не преследовал.

— Пусть бежит, — сказала Лусунгу и, указывая на полупережеванную маниоку, объяснила: — Видите, она сухая.

Ванга, засевший в мальчике, не смог защитить его, и его рот был сухим.

Позднее, вернувшись в Кинсамбе, мы нашли там беглеца, он прибежал в деревню Лусунгу, и здесь его задержали до ее возвращения. Она сурово посмотрела на него и сказала: — Через три дня ты умрешь.

Она взяла бутылку из тыквы, побрызгала водой и посыпала каким-то красным порошком вокруг хижины, где стоял съездившийся от страха мальчик. Он не выказывал ни малейших признаков сопротивления и не пытался бежать. Затем она повторила свое пророчество жителям деревни. Это был приговор. Никто и пальцем не тронул мальчика. Через три дня он был мертв.

ГЛАВА 7

ИСПЫТАНИЕ КОЛДОВСТВОМ

Хотя Лусунгу, несомненно, была повинна в смерти трех человек, назвать ее убийцей было бы слишком трудно и даже бездоказательно. Она подстроила убийство старого нгомбэ Витембе, она также спровоцировала убийство молодой женщины, она в некотором смысле была и причиной смерти юного насильника Мбуки. Но я думаю, что прокурору в суде было бы очень трудно, если только вообще возможно, добиться ее осуждения.

Я спросил у Ройяля, оставшегося в деревне для разрешения возможных споров о разделе урожая пальмовых орехов, почему бельгийские власти позволяют Лусунгу проявлять ее губительное искусство. Тот пожал плечами. В сущности, она приносит пользу своему народу. Ей верят. И если бы ее не было, они пошли бы за кем-нибудь другим, менее разумным.

Он сделал ударение на слове «разумным», из чего я понял, что колониальная администрация без особых трудностей договаривается с могущественной Лусунгу по практическим вопросам — таким, как сбор пальмовых орехов. У Лусунгу уже была своя собственная плантация, приобретенная за счет подарков ее клиентов, и она производила впечатление деловой женщины.

Я попытался подробнее узнать о ее прошлом, и это, как ни странно, не представило большой трудности. При помощи Ройяля, выступавшего в качестве переводчика, Лусунгу много рассказывала о себе. Ее отец был колдуном, славившимся среди племен бапенде способностью принимать облик леопарда, крокодила или льва. У колдунов это считается редчайшим даром. Однако в большей части Африки принимать облик животного считается преступлением, и

наказание за убийство таких оборотней не бывает слишком суровым. Один знахарь, соперник отца Лусунгу, пришел к мысли, что если убить как можно больше этих животных, то среди них может оказаться и его конкурент. Он приказал своим людям перебить всех леопардов, львов и крокодилов в округе.

Но если наказание за убийство оборотня не слишком велико, то убийство любого из этих зверей карается сурово. Поэтому один из охотников решил убить старого нгомбо в его человеческом облике и таким образом избежать кары. Он подстерег его в лесу и задушил голыми руками.

«Убить моего отца было нетрудно, — сказала Лусунгу. — Он был уже стар».

Рассказывая всю эту историю, она не проявляла больших эмоций.

Убийца бежал, но на свое несчастье встретился с Лусунгу. Когда я ее видел, ей было около 25 лет, а эти события происходили несколько лет назад. Она тогда была еще более очаровательной дикаркой, во всяком случае, убийца отца влюбился в дочь.

Лусунгу, судя по всему, не испытывала большой привязанности к убийце своего отца. Но она хотела стать колдуньей и заставила мужа отвести ее к знахарю, бывшему сопернику ее отца. Оплачивая обучение, ее мужу скоро пришлось расстаться со всем, чем он владел в этом мире. Очень скоро Лусунгу настолько овладела своей профессией, что он скоропостижно умер. Это было, вероятно, ее первое убийство.

Она стала членом организации своего рода профессионального объединения колдунов. Обучение далось ей нелегко.

— Меня заставляли делать многое, — сказала она, — в том числе и недобрые дела. Я должна была поймать красного земляного краба, оторвать ему лапы, затем взять кожу жабы и челюсть обезьяны, растереть на камне и сделать кашицу. Затем я разрежала здесь. — Она показала на свой правый висок. На коже лба были видны тонкие шрамы, шедшие от одного виска до другого. Аналогичные шрамы образовывали концентрические круги на ее животе. — Разрезы эти, — рассказала Лусунгу, — намазали той самой пастой из лапы краба, челюсти обезьяны и других ингредиентов, и надрезы заросли.

Затем они дали мне лекарство, после которого мне нужен был мужчина, — рассказывала она. Это было, как я понял, каким-то половым стимулятором. Как рассказывала Лусунгу, этим средством

она часто пользовалась потом для лечения мужчин с ослабленным половым влечением.

При Лусунгу говорила, я начал осознавать странное, почти гипнотическое влияние ее глаз. Временами ее холодное, не выражавшее почти никаких эмоций лицо обращалось в мою сторону, и по нему пробегала слабая улыбка, но то было не больше, чем движение губ, обнажавшее кончики острых зубов.

После смерти отца Лусунгу делала столь быстрые успехи в знахарском ремесле, что вскоре стала «хранительницей фетишей». Это означало, что она добилась признания в среде знахарей и построила собственный дом. Слава ее росла, а вместе с нею и ее гонорары. Вскоре она уже владела небольшой плантацией, множеством кур и несколькими свиньями.

Ей платили за самые различные услуги, включая свадьбы, обрезание и другие обряды. Ее слава прорицательницы распространилась на соседние деревни, и на нее возник спрос как на оракула. Тайная секта колдунов и знахарей прибегала к ее помощи для того, чтобы защитить свои ряды от проникновения конкурентов и наслать на них злых духов. Она выступала также как судья и разрешала споры о праве собственности на свиней и даже на женщин.

Предсказывать погоду она избегала, ибо, если колдун предсказывал дождь, а дождя не было, на него возлагалась ответственность за последствия, и судьба неудачника была решена. Она поведала нам о печальной судьбе знахаря из соседней деревни, который взялся излечить нескольких жителей, заболевших странной болезнью. Он согласился изгнать злых духов, но когда от этой болезни умерло несколько человек, то его обвинили в лжепророчестве и представили на суд вождя. Знахарь просил об испытании ядом: когда он выпил отравленное питье и его вырвало, он тем самым оправдал себя в глазах судей. Однако наиболее горячие из жителей деревни подстерегли его и убили, доказав тем самым (по крайней мере в глазах Лусунгу), что колдун, потерявший репутацию, быстро теряет и жизнь.

Я спросил ее мнение о белых людях, но она проявила мало интереса к этому вопросу. Я думаю, что она разговаривала со мною только потому, что я был «белый доктор» и она надеялась перенять от меня что-нибудь полезное.

Мы пробыли в деревне уже несколько дней, когда Лусунгу сказала Ройялю о том, что она направляется в соседнюю деревню.

Там из дома местного представителя колониальных властей было украдено несколько ценных вещей, и вождь приказал знахарю деревни найти похитителя. Лусунгу пригласили как консультанта, и она хотела бы знать, нет ли у «белого доктора» желания сопровождать ее.

Мне представлялась редкая возможность быть свидетелем обрядов местных колдунов. Вместе с Лусунгу мы на нашем «джипе» выехали на место происшествия.

Местный знахарь был высоким, крепко скроенным человеком, с богатой татуировкой на груди, имевшей ритуальный смысл. У него было сильное квадратное лицо, толстые отвислые губы и узкий лоб удлинённой формы. Его лицо было натерто белой золой, в руках он держал кожаный мешок и наполненную водой бутылку из тыквы. Сев на землю, он положил перед собой рог антилопы — своего рода отличительный знак колдунов, — амулеты и несколько полированных костей. Он полил воды на руки и побрызгал вокруг себя. Затем высыпал немного белого порошка из риса и был готов к действию.

Подняв кости, он потряс их и подбросил вверх. Собравшиеся вокруг жители деревни не проявляли никакого беспокойства, хотя при таком методе следствия подозрение могло пасть на каждого из них. Колдун провел линию от каждой из упавших на землю костей — их было шесть — и указал на нескольких человек, стоявших в стороне. Их вытолкнули в центр круга. Колдун повернулся к вождю и сказал: — Один из этих людей вор.

Старый вождь был явно разгневан. Судя по всему, среди подозреваемых оказались его родственники. Он выхватил из-за пояса нож и стал размахивать им над головами обвиняемых.

Вождь крикнул несколько непонятных мне слов. Ройяль пояснил, что он предложил виновному сознаться и уплатить штраф. Все отрицательно покачали головами, никто не произнес ни слова.

Вождь был разъярен. Он вопил и в гнев размахивал руками. Наконец замолк, повернулся к знахарю и повелительно махнул рукой.

— Вор будет найден и умрет! — прорычал вождь. Знахарь выступил вперед. Я наблюдал за стоявшей позади него Лусунгу, Тут мне стало ясно, что она вступила в игру и подает советы знахарю. Она не принимала прямого участия в церемонии, но ее черные глаза неотступно следили за подозреваемыми.

Колдун вышел вперед и протянул ближайшему из шести обвиняемых небольшое птичье яйцо. Его скорлупа была столь нежной, что казалась прозрачной. Было ясно, что при малейшем нажиге яйцо будет раздавлено. Колдун приказал подозреваемым передавать яйцо друг другу — кто виновен, тот раздавит его и тем самым изобличит себя. Когда яйцо дошло до пятого, его лицо вдруг свела гримаса ужаса, и предательский желток потек между пальцами. Несчастный стоял, вытянув руку, с которой на землю падала скорлупа, и его дрожащие губы бормотали признание...

Затем он вдруг резко выпрямился и указал на старого колдуна:

— Он и его брат Камбула помогали мне воровать! Лусунгу скользнула вокруг толпы и подошла к нам. Она тронула рукой плечо Ройяля и быстро произнесла несколько слов на кисвахили. Он повернулся ко мне:

— Она говорит, что старый нгомбо будет подвергнут испытанию ядом и умрет.

Я взглянул на Лусунгу и увидел на ее лице торжествующее выражение. Я понял, что произошло. Какими-то ловкими ускользнувшими от моего внимания маневрами она поставила старого нгомбо в опасное положение. Она догадывалась или знала о его причастии к воровству и сознательно допустила такое развитие событий, при котором его вина должна была быть обнаружена. Лусунгу, очевидно, была не только опытной знахаркой, но и хорошим политиком. Иначе бы ей не выжить среди коллег.

Признавшийся преступник между тем рассказывал вождю историю кражи, временами показывая дрожащей рукой на старого нгомбо. Он объяснял, как знахарь и его брат подбили его на краху, обещав сделать фетиш, который защитил бы его от кары. Поскольку они обманули его, то он счел себя вправе обвинить старого нгомбо. Этим он не ограничился. Он обвинил знахаря также в том, что тот допустил распространение страшных болезней в деревне и повинен в болезни его дочерей.

Внезапно я узнал в говорившем человека, ранее обращавшегося к Лусунгу за помощью. Тогда она упрекала его за то, что он не пришел к ней раньше, и отослала его к «нгомбо специалисту» в соседнюю деревню. Именно этого знахаря сейчас обвиняли в причастности к воровству. Хитростью и коварством, достойным Макиавелли, Лусунгу избавлялась от конкурентов.

Для руководства обрядом испытания ядом был приглашен еще один нгомбо. Это был тощий, зверского вида человек. На его теле

был нарисован скелет. В руках он держал неприменный рог антилопы. Подойдя к знахарю, он указал на него пальцем и, разразившись потоком слов на языке бапенде, объявил его виновником болезни жителей деревни.

Когда старый нгомбо стал отрицать причастность к болезням, дело взял в свои руки вождь. Для него это был прекрасный случай показать себя в лучшем свете, и он не преминул воспользоваться им. Он приказал, чтобы нам принесли стулья, и даже послал к нам людей с опахалами, чтобы те стали позади нас и отгоняли мух. Он готовил для белого доктора особое зрелище — испытание ядом.

На огонь поставили большой котел с водой. Когда вода закипела, в него положили кору дерева мухонголока, чтобы приготовить отвар для «суда». В котел добавили красноватого порошка. Образовавшаяся густая жидкость еще кипела, когда в круг вошла цепочка что-то монотонно напевавших женщин. Глухо и ритмично начали бить барабаны. Некоторые из зрителей стали подпрыгивать на месте и что-то кричать друг другу.

Атмосфера накалялась, участниками ритуала постепенно овладевало лихорадочное возбуждение. Старый вождь был явно доволен и по временам широко улыбался, несмотря на всю серьезность момента с юридической точки зрения, — через несколько часов обвиняемого вполне могла постигнуть смерть.

Второй нгомбо приблизился к котлу, зачерпнул из него ковшом густую жидкость и налил в тыквенную бутылку, чтобы остудить. Все его движения были медленны и торжественны.

Первому выпить яд было предложено обвиняемому нгомбо. Он пил совершенно спокойно, причмокивая губами после каждого глотка. Затем настала очередь его брата и, наконец, самого вора. Все они пили отраву без какого-либо принуждения.

Быстрее всего яд подействовал на вора. Он застонал, упал лицом вниз и начал корчиться на земле. Толпа плясала вокруг, криками выражая свою радость по поводу такого явного «доказательства» вины. Барабаны били сильнее и сильнее. Женщины что-то ритмично пели. Люди из толпы стали подходить к котлу и пить отравленную жидкость. Скоро после этого их начало рвать.

Придя в себя, они снова начинали петь и танцевать. Некоторые были настолько опьянены, что наносили себе раны ножами. Текла кровь, и это еще больше взвинчивало участников.

Толпа превратилась в сплошной клубок тел. Несколько обеспокоенный, я спросил у Ройяля, не становится ли это опасным

для нас, но он успокоил меня.

Вскоре, однако, возбуждение начало спадать, и, когда толпа несколько успокоилась, я спросил Лусунгу, чем все это кончится. Она удивленно посмотрела на меня и спокойно ответила:

— Злой нгомбо и вор умрут. Брат вора будет жить. Он не виноват. Он станет новым нгомбо.

Мы остались в деревне до следующего дня, и к утру, как и предсказывала Лусунгу, старый нгомбо и вор были мертвы. Самое странное состояло в том, что отравленный напиток пила половина жителей деревни. Но умерли только эти двое — те, на кого указала Лусунгу. Единственное пришедшее мне в голову объяснение кажется невероятным: эти двое умерли потому, что знали, что они умрут.

В событиях, свидетелями которых я был, меня поражало одно: ни в одном из этих случаев ни разу не была применена грубая сила, не считая, конечно, использования лекарств, если это можно считать «силой». Мозг у той молодой женщины вынули уже после ее гибели. Причины смерти старого Витембе были неясны. Никаких следов физического воздействия не было, однако мосье Ройяль назвал это убийством. Насильник Мбуки умер без малейшего применения к нему физической силы. Его «убедили» умереть. Признанный виновным нгомбо умер, конечно, от яда, однако десятки других жителей деревни пили ту же ядовитую жидкость, и она не причинила им ни малейшего вреда.

Единственное заключение, к которому я мог прийти, было то, что африканские колдуны знают и применяют силу психологического воздействия. И несомненно, они очень много знают о лекарствах. Современное «чудодейственное» лекарство серпазил, например, было известно медикам и миссионерам в Африке задолго до того, как его стали применять для лечения гипертонии и психических болезней. Однако западные фармакологи долгое время не могли в это поверить. Бруджо из перуанских Анд применяли кураре, добываемый из сока пальмы *sacho*, для борьбы с укусами ядовитых змей также задолго до того, как это средство вошло в арсенал лекарств современной медицины.

Несомненно, колдуны и знахари Африки и Южной Америки знают многое о лекарствах и лечебных средствах, еще неизвестных европейской науке. Знание этих слабо изученных лекарств является мощным орудием в руках колдунов. Однако это не может объяснить все то, что представляется нам загадочным в практике первобытной

медицины. Чем чаще мне приходилось быть свидетелем подобных фантастических случаев среди людей, которых мы обычно считаем примитивными и нецивилизованными, тем яснее мне становилось, что эти «чудеса» определяются прежде всего умелым применением прикладной психологии в сочетании со знанием секретов фармакологической науки. В этом знахари и колдуны преуспели настолько, что нам, современным врачам, многое почти Невозможно понять.

Например, я слышал из совершенно надежных источников историю об одном ниянга, как называют колдунов в Танганьике, которого попросили помочь представителям власти в расследовании обстоятельств смерти вождя одного из племен. Он в конце концов отвел их на место, где лежало тело мертвого вождя. Африканцы обычно выбирают для захоронений недоступные места — недоступные для духов, животных и человека. Это происходило в жаркой, иссушенной солнцем местности, к югу от Килиманджаро. В таких условиях труп должен начать разлагаться через несколько часов. Поскольку цель захоронения состоит в том, чтобы защитить тело от врагов умершего и от животных, его не кладут в могилу, а сгибают в три погибели и прячут в расселину скалы или другое укромное место, выбранное для захоронения.

В данном случае, однако, тело мертвого вождя лежало на земле во весь рост. Чиновникам не удалось заметить никаких следов ран или разложения. Ниянга воспротивился детальному осмотру тела врачом, объясняя это тем, что прикосновение к нему помешает духам умершего найти виновников его смерти.

— Вождь ищет убивших его врагов, и пока он не найдет их, к его телу нельзя прикасаться, — сказал ниянга. Ничто не могло заставить его согласиться на осмотр.

День или два спустя пришло известие, что «враги» вождя обнаружены и соответствующим образом наказаны. Теперь английский врач может осмотреть тело. Все вернулись к могиле, но когда подняли одеяло, прикрывавшее мертвеца, оказалось, что тело исчезло. Это вызвало подозрения чиновника, но ниянга заверил его, что если властям не будет сообщено об этом немедленно, то к вечеру тело будет представлено для осмотра. В изложении ниянга вся эта история звучала так — дух мертвого вождя следовал за виновниками его смерти, и тела нельзя касаться, пока не свершится месть. Покойник сам убрал свое тело в укромное место, чтобы никто не мог его коснуться.

Чиновник согласился ждать этого странного «возвращения». Тем не менее он настаивал на осмотре тела. Получив торжественное заверение в том, что к телу не будут прикасаться ни руками, ни хирургическими инструментами, пока вождь не исполнит свой посмертный долг, ниянга опять снял одеяло. Тело оказалось на месте, но на сей раз был виден пролом в основании черепа.

Теперь было произведено вскрытие, и стало ясным, что вождя постигла насильственная смерть. Но чем же тогда можно было объяснить, что при первом осмотре этого не обнаружили, и то, что тело «исчезало». Только гипнозом? Трудно сказать.

Для местных жителей с их примитивным понятием о смерти и их верой в тесное общение между живыми и мертвыми такой проблемы не возникало. Для них нет ничего необычного в том, что колдуны легко преодолевают этот рубеж между жизнью и смертью. У жертв Лусунгу смерть была вызвана естественными причинами, но какими, я установить не смог. Представителей бельгийских властей, как, например, Ройяля, эти причины не интересовали. Они рассматривали смерть местных жителей как этап в цепи простейших причин и следствий, естественных в условиях местного общества. Истинные причины смерти их не интересуют, пока среди населения царит спокойствие. Только когда происходит какое-либо из ряда вон выходящее событие, например убийство полицейского, на выяснение посылаются жандармы. Если же жертвой становятся туземцы, то это рассматривается только как прискорбное событие.

Вскоре после случая с «испытанием ядом» я собрался покинуть деревню Лусунгу. Мне было ясно, что она сожалеет о нашем расставании. Вероятно, это сожаление было вызвано тем, что мы свободно обменивались нашими знаниями и я никогда не высказывал ей своего мнения о том, чья практика более совершенна,

— Ты уходишь к своему народу, белый доктор, — сказала она мне перед отъездом. — Что-то ты увезешь с собой. Но ты должен что-то оставить и нам.

— Что же я должен тебе оставить? — спросил я. — Дождь, — ответила она. — Нам нужен дождь.

Я вспомнил, что она никогда не занималась предсказанием погоды, хотя обычно это является частью практики местных колдунов.

Я рассмеялся и сказал, что не привозил с собой засухи и поэтому не представляю себе, как я могу оставить дождь. Она покачала головой с явным сожалением. Через несколько месяцев, когда я

вернулся в Филадельфию, меня удивило письмо от Евангелины Маубрей, жены одного из работников «Палм ойл компани», с которой я познакомился за время моего пребывания там. Она писала: И «Несколько дней назад к нам пришли пять воинов бапенде, которых прислала Лусунгу, чтобы справиться о Вас. С тех пор как Вы уехали, здесь не упало ни капли дождя. Их кукуруза сохнет, скоро им нечего будет есть.

Лусунгу думает, что нгомбо с четырьмя глазами (я ношу очки) забрал с собой дождь, когда он уезжал в свою деревню. Я не думаю, что она обвиняет Вас в воровстве. Она просто хотела бы, чтобы Вы вернули дождь, когда он Вам больше не будет нужен. Я понимаю, что это кажется смешным, но для них все это совершенно серьезно...»

Я послал миссис Маубрей такое письмо: «Я очень рад, что Вы написали мне о Лусунгу, — писал я. — Мне очень жаль, что их кукуруза сохнет. Будьте добры, сообщите ей, что я возвращаю им дождь, поскольку у нас в Филадельфии дождей более чем достаточно. Пожалуйста, выразите ей мою благодарность за то, что она была столь любезна и разрешила мне им воспользоваться».

Через месяц или около того я получил письмо из Киквита; «Дорогой доктор Райт, Вы не поверите, но через несколько Дней после того, как я получила ваше письмо, в Бапенде начался Дождь. Он идет до сих пор, и скоро Лусунгу будет просить вас прекратить его. Большое спасибо за Вашу любезную помощь. Искренне Ваша Евангелина Маубрей».

ГЛАВА 8

ФЕТИШИ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Покинув страну Бапенде, я направился на север, через Габон вышел к городу Порто-Ново на берегу Гвинейского залива и отсюда направился к Уйду, печально знаменитый центр торговли рабами во времена ловцов «черных птиц». У меня была особая причина посетить «берег рабов» и особое приглашение.

Причина эта состояла в том, что мне сообщили о воскрешении фантастического «фестиваля сомин», «ежегодного празднества», как его называли в дни работорговли. Это был удивительный танцевальный праздник, сопровождавшийся раньше обильными человеческими жертвоприношениями, когда на рыночной площади Абомеи, столицы Дагомеи, рубили головы сотням людей в дань предкам короля. Позднее людей заменили овцы и быки, но даже и в

этом модифицированном варианте подобного кровавого представления нельзя было увидеть нигде в мире.

Специальное приглашение мне прислал принц Ахо, дагомейский номинальный правитель территории, известной под названием кантона Умбегейм. Я писал ему в надежде получить информацию о некоторых обрядах, до сих пор еще существующих в Дагомее. Он ответил, что я могу приехать и увидеть все собственными глазами. В то время я изучал африканские ритуальные обряды и поэтому направился в печально знаменитый центр торговли рабами, от которого пошло название «берег рабов».

Дагомея известна по трем причинам. Исторически она приобрела мрачную известность как центр работорговли в Западной Африке. Здесь также процветало «общество леопардов» — секретная секта зверопоклонников, которым приписывалась способность обращаться в зверей. Отсюда берет свои истоки культ вуду — культ поклонения мертвым.

В Африке, вероятно, нет более живописной страны, чем Дагомея. Хотя Дагомея теперь французский протекторат, она управляется по французским законам прямым наследником одного из древнейших королей Дагомеи.

Легенда гласит, что когда основатель Дагомеи, король Дако был смертельно ранен в битве, он подозвал своего старшего сына передал ему свои амулеты, меч и скипетр и завещал «оставить Дагомею большей, чем ее принял». Это завещание по традиции передавалось от одного короля к другому, и каждый последующий владыка увеличивал страну за счет захвата соседних территорий, свое богатство — за счет торговли рабами; и границы Дагомеи достигли наконец побережья океана.

Девять сменившихся после Дако королей увеличивали власть, силу и богатство этого маленького африканского королевства. И только в конце XIX века французы встревожились и низложили Беганзину — десятого короля. Они основали кантон Умбейгем во главе с «вождем кантона». Наследники Дако довольствовались теперь положением правителей, подконтрольных французским властям.

В Уиде меня ожидал предоставленный в мое распоряжение принцем автомобиль с шофером. Дорога до Абомеи шла по покрытым буйной растительностью холмам, перемежавшимся долинами с хорошо ухоженными полями кукурузы и рощами масличных пальм. Однако за узкой прибрежной зоной простирались

мрачные джунгли долины Нигера, куда на протяжении столетий из чужестранцев проникали только работорговцы-арабы да искатели приключений из западных стран. Здесь господствовали самые мрачные из древних культов, таинственные обряды поклонений и фетишей и внушавшие ужас приемы черного колдовства. Колдуны и фяхари процветали здесь как нигде в Африке.

Наконец автомобиль остановился перед домом европейского типа, который был предоставлен в мое распоряжение. В нем были даже такие дары цивилизации, как ванна с душем и большая деревянная кровать с ручной резьбой. При входе в дом нас встретил вырезанный на деревянной панели барельеф леопарда — напоминание о том, что дом принадлежит секретному «союзу леопарда», обрядные церемонии которого относятся к числу самых зловещих в Африке.

Не успел я освоиться с домом, как прибыл посланец, и я отправился с ним во дворец. Мы прошли через несколько залов или внутренних двориков, окруженных глинобитными стенами высотой до двадцати футов. Тронный зал принца почти не отличался от большой прихожей, если не считать того, что к наружной стене примыкала большая веранда. В зале стояли громоздкие резные столы, кресла и статуи. На большой скамье, покрытой леопардовой шкурой, сидел полный, добродушной внешности негр — то был мой любезный хозяин — принц.

Выглядел он весьма живописно. В дни своей молодости, как мне говорили, это был стройный жизнерадостный человек с изысканными манерами, пользовавшийся популярностью в самых избранных кругах Парижа. Свои манеры он сохранил, но приобрел чудовищные размеры. В нем было около пяти с половиной футов роста и вес не менее 250 фунтов. На голове красовалась высокая белая шляпа с золотым шитьем, а на плече, как ружье, он держал скипетр, украшенный мелкой резьбой, видимо гербами его предков, который должен был указывать на высокий ранг его владельца.

При моем появлении принц скатился со скамьи и, переваливаясь с ноги на ногу, поспешил навстречу, приветствуя меня с удивительной сердечностью. Он пригласил меня за стол, но, прежде чем мы приступили к обсуждению цели моего визита, он поманил к себе одну из своих жен, что стояли у двери. Та приблизилась, опустилась на колени, поцеловала по очереди левую, затем правую ногу повелителя и, получив распоряжение, удалилась.

Позднее мне сообщили, что принц Ахо, вступив на пост правителя кантона Умбегейм, имел двадцать жен, но с тех пор он довел их число до шестидесяти.

В Дагомее, когда та была еще под властью своих королей, брака, как оговоренного законом института, не существовало. Во всем королевстве было всего лишь 300 свободных человек, и те принадлежали исключительно к королевскому семейству. Поскольку остальные были рабами, то и они и их жены были собственностью короля. Он мог дарить землю и чужих жен любому приближенному и отбирать их по своему усмотрению.

При французах брачные обычаи Дагомеи несколько изменились. Муж мог теперь купить себе жену со всеми ее детьми, но он не имел никаких законных прав на детей от настоящего или от предыдущих браков. Дети принадлежали только матери. Муж не был обязан оплачивать личные расходы жены или ее налоги, но та зато могла воспитывать детей по своему усмотрению. Получив независимость, женщины обрели достаточно высокий статус. Семейное положение принца Ахо имело некоторые особенности. По династическим соображениям он сохранил права на всех своих детей, но, так же как и его подданные, не был обязан содержать ни их, ни своих жен. Заботу о них приняло на себя французское правительство.

Мы выпили прекрасного французского вина, и я объяснил принцу, что привело меня в его королевство.

— У вас сказочная страна, принц, и мне очень хочется получить ее узнать.

Мои слова явно понравились, он расплылся в улыбке, и его черные глаза заблестели на толстом дружелюбном лице.

— О, мы знамениты многим, — ответил он. — Сегодня вы видите современный город со всеми благами цивилизации. Но за его чертой еще так много осталось от прошлого.

Я вспомнил с содроганием о барельефах на темы «ежегодного праздника», которые увидел на стенах своего дома и во дворце.

— Вас, несомненно, будут интересовать также наши танцы, — сказал он. — Много в Дагомее будет интересным и необычным для вас, я постараюсь, чтобы вы кое-что увидели и сделали бы великолепные снимки.

Я заметил, что прежде всего мне хотелось бы снять знаменитый «танец леопарда». Принц кивнул.

— У нас есть и другое, — любезно сказал он. — Есть «танец дождя» и «танец грома». У нашего народа есть также

могущественные фетиши, вы увидите и их.

Я знал, что в Дагомее процветают культы фетишей. Это слово является производным от португальского слова «feitico», означающего «делать». Оно определяет нечто сделанное руками человека и обладающее большой силой. Поклонение таким предметам встречается не только среди первобытных племен, но и в более сложных обществах, достигших высокого уровня развития культуры.

Считается, что чем большую ценность имеет предмет, из которого сделан фетиш, тем большей силой он обладает. Поэтому для изготовления фетишей лучше всего подходят части человеческого тела. Особенно ценятся, например, глаза белого человека, и, чтобы добыть их, часто разрывают свежие могилы. Чрезвычайно желательными считаются также при изготовлении фетишей куски сердца, желчный пузырь и волосы человека. Верят, что части тела обладают всеми свойствами человека, у которого они взяты, и могут передать его силу новому хозяину.

Принц Ахо сам принадлежал к числу ярых поклонников фетишей и пользовался благодаря этому поддержкой жрецов местных культов. Именно ей он обязан тем, что французское правительство избрало его на роль правителя кантона. Когда его предшественник заболел, принц Ахо всеми средствами пытался добиться расположения французской администрации, но многие старейшины из племенной иерархии опасались его претензий и выступали против его назначения правителем.

Принц Ахо обратился за помощью к жрецам, и вскоре правитель кантона скончался при обстоятельствах столь странных, что причина его смерти официально не была объявлена. Ходили упорные слухи, что «дух леопарда», священный символ династии короля Дако, принял человеческий облик, проник во дворец и сожрал внутренности вождя, пока тот был еще жив. Что бы там ни случилось с внутренними органами короля на самом деле, но на его груди и боках были видны глубокие раны, сходные со следами когтей. Их одних было достаточно, чтобы привести больного короля к смерти.

Старейшины племен обратились к жрецам фетишей, чтобы те назвали кандидатуру наследника, которого можно было бы рекомендовать французам, а жрецы, с которыми еще раньше советовался принц Ахо, обратились к фетишам погибшего короля Дагомеи, и те назвали его преемником принца Ахо.

Французы, зная, что близость Ахо к жрецам дает ему дополнительную власть над соплеменниками, согласились с мнением фетишей и назначили Ахо правителем. Они пригласили его в 1931 году на всемирную выставку в Париже. Там он пробыл три года и прославился своими кутежами и успехом у женщин. Он установил тесные связи с высшими чиновниками французской колониальной администрации и возвратился на родину с проектами финансовых и административных реформ. Он осуществил их при поддержке жрецов и племенных вождей, доказав тем самым дальновидность французской колониальной политики.

Я обратил внимание на странные отметины на лице Ахо. На его щеках были видны параллельные шрамы длиной около полудюйма, имевшие явно ритуальное значение. Я спросил у одного из чиновников местной французской администрации, что они означают. Это «знаки агассу», или «когти леопарда», ответил он.

Этот же чиновник рассказал мне странную историю. Двое детей стали жертвой леопарда в деревне неподалеку от Абомея. На их телах остались явные следы его когтей. Жители деревни отказались принять участие в охоте на убийцу, поскольку глава местных знахарей заявил, что леопард тут ни при чем. Убийцей был якобы колдун, принявший облик леопарда. Он напал на детей, чтобы опозорить секту «агассу». На охоту отправился отряд французских полицейских. Они вскоре вернулись с великолепным мертвым зверем и выставили его на всеобщее обозрение в центре деревни. Жрецы, которые предупреждали соплеменников, чтобы те не принимали участия в охоте, дабы не навлечь гнев «людей леопарда», осмотрели добычу и снова заявили, что леопард не виновен в гибели детей. Тогда администратор потребовал, чтобы жрецы представили ему убийцу.

На площади собралась почти вся деревня. Подозреваемых поставили на платформу и принудили на виду у всех выпить приготовленное знахарями снадобье. Оно должно было «изобличить» преступника, который, облачившись в шкуру леопарда, убил детей. Те, кому в подобных случаях удастся избавиться с помощью рвоты от варева, считаются оправданными, те же, кому это не удастся, умирают, доказав тем самым свою виновность.

«Многие из представителей старшего поколения уже проходили подобные испытания, — продолжал свой рассказ француз. — Мы неоднократно видели, как они пытались, засунув пальцы в глотку,

вызвать рвоту. У других просто был слабый желудок. На этот раз двоим не удалось избавиться от варева, и они вскоре скончались. Знахари тут же объявили их виновными в убийстве детей».

Трудно определить, насколько в действительности ядовито то питье, которое знахари давали людям. Они сами пьют его вместе с обвиняемыми. Рассказчик был твердо уверен в том, что то был не яд, а просто отвратительное варево. Но если это так, то людей убивает не яд, а или страх оттого, что им не удалось избавиться от выпитой ядовитой жидкости, или же причина смерти — сознание своей вины.

Я попросил у принца Ахо разрешения на встречу с одним из жрецов знаменитого культа вуду. Ужасающие обряды этого мрачного культа были занесены в Америку африканскими рабами из Дагомеи. Много лет этот культ процветает на Гаити, в Британской Вест-Индии и в негритянских общинах США. Это, вероятно, самый опасный из всех известных культов Африки, и его жрецы наводят ужас на негров.

Однажды, когда я делал снимки на площади около дворца, ко мне подошел старик и сообщил, что жаждет быть моим проводником. Я ответил, что когда мне понадобится проводник, то принц мне его предоставит. Но старик энергично тряс головой и не отставал. Наконец из его ужасающей смеси португальского языка с отдельными французскими и английскими словами я понял, что он действует по указаниям принца.

— Ты увидишь монастырь К'по, но не гри-гри, — сказал он, показывая на мою камеру. Я понял, что он может проводить меня к месту собраний «людей леопарда», но только я не должен делать снимков фетишей. Я согласился и усадил его в свой «джип». Старик направил меня на дорогу, идущую из города к холмам, поднимавшимся к востоку от Абомея.

По дороге я пытался получить от старика более подробные сведения о том, что же он хочет мне показать. В том, что я согласился следовать за ним, большой опасности не было, но у меня не было также и уверенности, что принц Ахо действительно одобрил это предприятие, а мне не хотелось портить хорошие отношения с правителем Дагомеи.

Старика звали Нгамбе, и я понял, что он сам является «человеком гри-гри». Он с самого начала сказал, что ожидает вознаграждения за услуги, и я дал ему несколько франков. Когда-то в Дагомее при внутренних расчетах ходили раковины каури, однако

уже много лет назад они уступили место более современным видам разменной монеты.

Старик широко улыбнулся и засунул деньги в карман. То был высокий худой человек с тощими руками, ввалившимися щеками, покатым лбом и нависшими надбровными дугами, из-под которых блестели черные глаза.

Рассказывая о предстоящем мне зрелище, он не упомянул обрядов вуду, но обмолвился о «леопарде». Коренные жители Африки избегали употребления этих двух слов, но я понял, что он имел в виду.

«Монастырь», или храм, находившийся в нескольких милях от Абомея, мы нашли пустым. Он представлял собой небольшой сарай. Перед ним у огромного дерева с окрашенным белым стволом стоял небольшой красный котел. У храма полукругом лежали сухие пальмовые орехи со странной резьбой. Здесь можно было увидеть круги, треугольники, квадраты и даже пятиконечную звезду. Я насчитал шестнадцать таких орехов, а позднее узнал, что то были шестнадцать знаков Ахо, божества мудрости,

Прямо над входом висела пеньковая веревка с нанизанными на нее пальмовыми листьями. То был символ К'по — божества леопарда, священного животного Дагомеи. Пока мы, наполовину скрытые кустами, рассматривали храм, на площадку перед входом ввели под руки человека. Он был явно в невменяемом состоянии. На поднятом к небу лице застыло выражение экстаза. Толстые губы были сложены в блаженную улыбку, и, хотя глаза его были открыты, он явно не воспринимал окружающего. Пока он стоял перед храмом, его поддерживали за руки.

Вскоре из храма вышел человек. С его бритой головы свисал пучок волос с воткнутыми в него перьями. Я понял, что это жрец. Он склонился над котлом и бросил в него какой-то порошок. Затем туда же последовало и несколько листьев из висевшего на его поясе мешка.

Ни этот порошок, ни листья не коснулись даже губ человека, поддерживаемого двумя ассистентами, но было видно, как тело его на глазах крепнет. Жрец еще стоял перед ним, когда из-за кустов на поляну потянулась цепочка местных жителей, и они начали в медленном ритме танцевать вокруг них, то сужая, то расширяя круг.

Так продолжалось несколько минут. Затем человек зашатался, и его под руки отвели в храм. Жрец фетиша и два его помощника скрылись, а за ними последовали танцоры. Церемония была

короткой, а Нгамбе объяснил мне, что тот человек уже «готов». Я понял его слова так, что он уже подготовлен для последующего обряда. Мне казалось, что он находился под воздействием наркотика и был не в состоянии воспринимать окружающее.

И снова я не могу утверждать, было ли его состояние результатом действия наркотика или гипноза. Нгамбе объяснил мне, что мы были свидетелями обряда очищения перед вступлением в брак, для того чтобы в детей этого человека не мог вселиться злой дух.

Основу культа вуду, или товодан, как он сперва назывался, составляет вера в силу фетиша. Верующие полагают, что знахари имеют власть над фетишами, а последние могут безраздельно овладеть человеком, в теле которого они найдут прибежище.

В ранние годы Дагомеи культ вуду был известен как акводан, культ поклонения мертвым. Мир мертвых делился на две группы. В одну входили предки живущего, а в другую — все остальные умершие, в том числе и его враги. По местным поверьям, в течение нескольких месяцев после смерти человек сохраняет свою личность и даже свое имя. В это время, в особенности если погребальный обряд по каким-либо причинам задерживается, дух умершего представляет большую угрозу живущим, ибо может завладеть духом живого человека и приобрести полную власть над ним или его духом.

Вся обрядовая практика вуду, которая вызывает такой страх у жителей западного полушария, основана на вере в то, что колдуны, господствуя над душами мертвых, могут использовать свою власть для осуществления своих злобных намерений.

У негров Дагомеи культ мертвых принял своеобразную форму. Нгамбе — один из жрецов фетишей, с которым я за время пребывания в Абомее сошелся довольно близко, рассказал мне, что ритуалы вуду основаны на вере в то, что духи мертвых после их смерти еще долго витают в районе могил и могут проникать в тело другого человека. Тогда беды не миновать.

Имеются также и духи другого рода, которые, согласно рассказам Нгамбе, могут свободно покидать тело своего владельца и причинять вред людям самыми разнообразными способами. Но с этими духами колдуны справляются без особого труда. Каждый житель Дагомеи носит сделанный жрецом фетиша амулет как знак личной защиты от странствующих духов. Над дверями хижин в дагомейских деревнях нередко можно увидеть куски цыплят или

мясо других домашних животных, прибитые в качестве фетишей к стене дома для защиты хозяев от злых духов.

ГЛАВА 9

«ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ»

Обряд «воскрешение из мертвых» — это, пожалуй, самый мистический и самый непознанный из обрядов, практикуемых жрецами вуду. Прошло около трех недель после моего прибытия в Абомее, прежде чем мне с помощью изрядного количества десятифранковых бумажек удалось уговорить Нгамбе показать мне одну из церемоний «воскрешения из мертвых».

Мы отъехали на несколько миль от Абомей и достигли ущелья, в которое вела дорога, скорее похожая на тропинку. Извиваясь по склону, она поднималась вверх по крутой долине. В конце подъема была небольшая поляна. Нгамбе предупредил меня, чтобы я соблюдал полную тишину. Не знаю, чего он хотел — то ли скрыть мое присутствие, то ли дать почувствовать, как трудно ему было устроить это «тайное» посещение.

Из разъяснений Нгамбе явствовало, что мы присутствуем на обряде «воскрешения из мертвых» человека, подвергнувшегося нападению духов, насланных знахарем соседней деревни. Жрецы фетишей деревни несчастного собрались, чтобы уничтожить или нейтрализовать власть духов, «убивших» их подопечного.

Мы укрылись в кустах примерно в пятидесяти футах от поляны, где собралась группа туземцев. Мне было ясно, что Нгамбе, чтобы «устроить» мое присутствие, поделился с участниками церемонии полученными от меня деньгами. Хотя дело шло к вечеру, я все же захватил с собой камеру, но, к великому моему сожалению, для съемок света было недостаточно.

Человек лежал на земле, не проявляя никаких признаков жизни. Я заметил, что одно ухо у него было наполовину отрублено, но это была старая рана; больше никаких следов насилия видно не было. Вокруг него стояла группа негров, одни были совершенно голыми, на других были надеты длинные, неподпоясанные рубахи. Среди них было несколько жрецов, которых можно было отличить по пучку волос на бритой голове. Слышался равномерный шум голосов: шла подготовка к церемонии.

Всем распоряжался старик в старом, вылинявшем армейском френче, свободно свисавшем до коленей. Он покрикивал на остальных, размахивая руками. На его запястье был браслет из

слоновой кости. Старик, очевидно, был главным жрецом фетиша, и ему предстояло сегодня изгонять злых духов.

Вдруг несколько человек быстрыми шагами приблизились к распростертому на земле безжизненному телу, подняли его, перенесли к центру поляны и весьма небрежно опустили на землю. Можно было полагать, что человек был мертв или весьма близок к смерти. Двое мужчин начали бить в барабаны, сделанные из полых внутри обрубков стволов.

Барабанщиками были молодые ребята, явно не принадлежавшие к числу служителей храма. Их мускулы как тугие узлы вырисовывались под темной блестящей кожей, лица были неподвижны. Ритмичные движения их рук производили полугипнотическое впечатление. Волосы их были заплетены в косички, украшенные белыми и красными костяными бусинками.

Главный жрец, одежду которого составляли только рыжий френч и бусы, начал ритмично приплясывать вокруг распростертого на земле тела, что-то бормоча низким монотонным голосом. Его одеяние комично развевалось в танце, обнажая черные блестящие ягодицы, когда он раскачивался из стороны в сторону, подчиняясь ритму барабанов. Я наклонился и сказал Нгамбе:

— Я белый доктор. Я хотел бы осмотреть человека и убедиться, что он действительно мертв. Сможешь ли ты это устроить?

Нгамбе решительно отказывался, но в конце концов встал и пошел вперед. Состоялись краткие переговоры: старый жрец прекратил свой танец, что-то резко сказал, остальные согласно закивали головами. Наконец Нгамбе вернулся. — Ты действительно доктор? — спросил он. Я подтвердил, решив не вдаваться в тонкости различий между моей профессией зубного врача и другими областями лечебной практики. Нгамбе дал знак следовать за ним.

— Не прикасаться! — резко приказал он. Я согласно кивнул и стал на колени около распростертого тела. Танец прекратился, и зрители собрались вокруг, с любопытством наблюдая за мной. На земле лежал здоровый молодой парень, более шести футов ростом, с широкой грудью и сильными руками. Я сел так, чтобы заслонить его своим телом, быстрым движением приподнял ему веки, чтобы проверить зрачковую реакцию по Аргил-Робинсону. Реакции не было. Я попытался также нащупать пульс. Его не было. Не было и признаков биения сердца.

Вдруг сзади раздался шум, словно все дружно вздохнули. Я обернулся к Нгамбе. В его глазах сверкала злоба, а лицо было искажено ужасом.

— Он умрет! — сказал он мне по-французски. — Ты коснулся его. Он умрет.

— Он и так мертв, Нгамбе, — сказал я, вставая. — Это преступление. Я должен сообщить французской полиции.

Нгамбе все еще тряс головой, когда старый жрец неожиданно возобновил свой танец вокруг тела. Я встал поодаль, не зная, что делать. Положение было не из приятных. Хотя я и не испытывал большого страха, зная, что страх перед французской полицией защитит меня от любого насилия, однако в действиях этих людей многое было непонятно мне, и они легко могли оказаться опасными. Я вспомнил историю об одном бельгийском полицейском, которого убили, растерзали на несколько сот кусков и наделали из них фетишей за то, что он помешал обряду поклонения племени своему фетишу.

Нас окружила группа из тридцати человек. Низкими голосами они запели ритмичную песню. Это было нечто среднее между воем и рычанием. Они пели все быстрее и громче. Казалось, что звуки эти услышит и мертвый. Каково же было мое удивление, когда именно так оно и случилось!

«Мертвый» неожиданно провел рукой по груди и попытался повернуться. Крики окружающих его людей слились в сплошной вопль. Барабаны начали бить еще яростнее. Наконец лежащий повернулся, поджал под себе ноги и медленно встал на четвереньки. Его глаза, которые несколько минут назад не реагировали на свет, теперь были широко раскрыты и смотрели на нас.

Мне нужно было бы измерить его пульс, чтобы знать, не было ли тут воздействия какого-либо снадобья. Однако Нгамбе, обеспокоенный моим присутствием в такой момент постарался увести меня подальше от круга танцующих. Потом я расспрашивал, его, был ли этот человек действительно мертв. Нгамбе, пожав костлявыми плечами, ответил: «Человек не умирает. Его убивает дух. Если дух не желает больше его смерти, он живет».

Он говорил на своей кошмарной смеси кисвахили с португальским, французским и английским. Смысл его слов сводился к тому, что человек, над которым только что совершали ритуал, был «убит» духом, насланным хранителем фетиша, который действовал по наущению его врага. Этот дух вошел в тело человека

и послужил сначала причиной его болезни, а затем и смерти. Однако в короткий период после смерти еще возможно вернуть душу человека в тело, если изгнать оттуда злого духа. Дотронувшись до человека руками, я чуть было не испортил все дело.

Мне сдается, что этому человеку дали какой-то алкалоид, который вызвал состояние каталепсии или транса, и тело его казалось безжизненным. С другой стороны, он мог находиться в состоянии глубокого гипнотического сна. Самым удивительным для меня во всяком случае было то, что человек, находившийся в состоянии, при котором он не реагировал на обычные тесты, был выведен из него без помощи лекарств или известных стимуляторов, и даже без прикосновения человеческих рук.

Позднее, рассказывая одному представителю французской администрации об этом деле, я убедился, что не был единственным белым, присутствовавшим на подобной церемонии. Добиться согласия жреца фетиша не составляло особого труда, естественно, за соответствующую мзду. Хотя официально культ вуду запрещен, французская полиция не желает ссориться с жрецами и смотрит сквозь пальцы на их деятельность.

Но их деятельность причиняет очень большой вред. С помощью наркотиков или гипноза они полностью порабащают свои жертвы. Под психологическим давлением жреца люди становятся безвольным его орудием. Сколько скрытых преступлений совершают таким образом жрецы вуду, представить себе невозможно даже приблизительно. Страх перед жрецами служит им надежной защитой.

Я не рассказывал принцу Ахо, что мне пришлось побывать на церемонии «воскрешения из мертвых». Он тоже ни о чем меня не спрашивал, хотя, как мне кажется, знал об этом. Вскоре после этого с помощью принца мне довелось побывать в «храме леопардов».

«Храм» представлял собой группу соломенных хижин, окруженных изгородью из колючего кустарника, где справляли свои ритуалы поклонники различных фетишей. Такие «храмы» обычно бывают настолько тщательно укрыты, что без провожатого посторонний может пройти в нескольких шагах от них и не заметить.

Мы пришли, когда церемония была в полном разгаре. Мне разрешили делать снимки.

На небольшой площадке при входе в «храм» стояло несколько женщин. Их лица были закрыты покрывалами из раковин каури, и

все они явно находились в состоянии гипнотического транса. Мне сообщили, что состояние транса продолжается три недели, и все это время они находятся в полной власти жрецов. В данном случае женщины были в столь глубоком трансе (или гипнотическом сне), что даже для совершения самых естественных отправлений человеческого тела они нуждались в посторонней помощи. Этот метод гипноза очень интересен. Нгамбе рассказал с удивившей меня искренностью, что гипноз основан целиком на вере. Каждая из женщин верит, что фетиш вошел в ее тело и управляет ею. И она покорно подчиняется приказам жреца. Раздалось несколько ударов барабана, послуживших командой, на которую были способны реагировать находящиеся в трансе женщины. Он означал конец их трехнедельных мук и знаменовал начало самой торжественной части обряда. Тамтамы начали бить все громче и быстрее. Женщины одна за другой стали издавать странные звуки, которые перешли в крик. Затем они начали танец.

У меня не хватает слов, чтобы описать эффект, производимый таким танцем. В нем не было ни согласованных движений, ни определенного рисунка. Каждая из участвующих женщин, танцуя, приходила во все большее возбуждение, полностью теряя всякое представление об окружающем. Казалось, что они ничего не видят вокруг себя. Часто они сталкивались друг с другом, и иногда одна из них падала. Следуя ударам барабана, она поднималась и возобновляла свой дикий хаотический танец.

Наконец барабаны стали бить тише и медленнее, и на середину вышли три жреца фетиша, держа в руках цыплят и козленка — ритуальные жертвы, заменившие обязательные прежде человеческие жертвы. Кровь животных капала на землю, попадала и на зрителей.

Нгамбе наклонился и прошептал что-то непонятное. Я взглянул на принца. Тот шепотом сказал мне, что сейчас мы увидим одно из самых редких зрелищ в Африке — перевоплощение человека в леопарда. Это был тот самый древний ритуал, о котором мне столько приходилось слышать. Так называемая ликантропия, форма безумия, когда участник ритуала воображает себя каким-либо животным, копируя некоторые его характерные внешние черты и привычки.

Ахо прошептал мне, что, если зверь появится из-за кустов (видимо, это будет леопард), я ни в коем случае не должен его

касаться. Нельзя также пытаться убежать. И то и другое является грубым нарушением ритуала и вызовет гнев леопардов.

Главный жрец затянул низким голосом погребальный гимн. Жрец был высокого роста, худой, с глубокими складками на лице, но глаза его горели столь ярко, что мой взгляд был почти гипнотически прикован к ним. Голос его поднялся почти до крика, и по толпе пробежала какая-то дрожь. На площадку вбежала, почти впорхнула девушка. Ее нагота не была прикрыта ничем, если не считать бус из раковин каури на шее и такого же пояса на талии.

Она была высокая и удивительно пропорционально сложена. У нее были сильные руки и ноги, широкие плечи и высокая полная грудь. Ее кожа цвета черного дерева блестела в отблесках затухающего костра. Над нею с каким-то неземным величием склонялись ветки дерева, и казалось, что она танцует в облаке тусклого света.

Неожиданно она остановилась и огляделась, затем произнесла несколько слов низким музыкальным голосом. Барабаны стихли, только последний звук, казалось, еще дрожал в воздухе. Вдруг Ахо схватил меня за руку.

— Смотрите! — прошептал он в каком-то экстазе. — Видите двух леопардов рядом с нею?

Луна поднималась над деревьями, заливая молочным светом темноту за пределами костра. Девушка была всего в нескольких шагах от меня, я никаких леопардов не видел, но глаза зрителей следили не только за девушкой, но и за пространством рядом с нею, как будто бы там было что-то видимое только им. Ахо продолжал сжимать мою руку. — Смотрите, там за нею — пять леопардов! Я не понял, говорил ли он это всерьез или издевался надо мной. Но когда он неожиданно скомандовал: «Отойдите на шаг, или вы его коснетесь!» — я понял, что это не шутка. Что бы ни происходило на самом деле, принц Ахо видел леопардов.

Главный жрец фетиша начал петь еще громче, чем раньше. Барабан снова стал бить громко и быстро. И вдруг мне показалось, что глаза у меня сейчас вылезут на лоб: сразу за девушкой, на границе мерцающего света, я увидел тень животного; я не успел выразить своего удивления, как предо мной появился взрослый сильный леопард. Это могло быть моим воображением. Если так, то, значит, я обладал большим воображением, чем считал прежде. Еще два леопарда появились позади девушки. Они величественно прошли через площадку и все трое исчезли в тени деревьев. Больше

всего меня поразило то, что я совершенно отчетливо видел в зубах одного из леопардов цыпленка.

— Вы видели их! — с триумфом воскликнул Ахо, повернувшись ко мне. Я не смог ответить. Я молчал. Я не знал, видел я что-нибудь или находился под воздействием массового гипноза. Если это был гипноз, то гипноз превосходный, ибо во всем остальном я чувствовал себя совершенно нормально.

До сих пор я так и не знаю, что же я видел. Я думаю, что это был леопард, или, точнее, три леопарда. Но если нет, то что-то удивительно похожее на леопардов.

Во время моего краткого пребывания в Дагомее мне посчастливилось запечатлеть на снимках многие из ритуальных танцев, составляющих существенный элемент общественной и религиозной жизни страны. Одним из наиболее впечатляющих был «танец грома», который хотя и не имел прямого отношения к интересовавшей меня практике первобытной медицины, но сопровождался рядом интересных явлений.

На сей раз танец должен был состояться на площади у дворца, и принц почтил его своим присутствием. Он нес, как обычно, королевский большой зонт — символ королевского сана. В Дагомее зонт играл роль флага или геральдической хоругви. Он был изукрашен рисунками, повествующими о храбрости и величии королей Дагомеи. Центральный стержень зонта, сделанный из бамбука, был очень длинен, так что зонт, сделанный из белых клиньев хлопчатобумажной или шелковой ткани, колыхался, как цветок на длинной ножке.

Мы стояли на ступенях павильона, тень зонта была недостаточна, чтобы полностью защитить от солнца огромную фигуру принца. Чтобы укрыть его целиком, размеры зонта должны были бы быть сходны с тентом передвижного цирка, так что на мою долю почти не доставалось тени.

Участники танца по очереди приближались к принцу, делали глубокий поклон, падали ниц и терлись лбом в пыли. Некоторые, уходя, брали горсть пыли и посыпали его голову. Каждый раз принц в знак одобрения щелкал пальцами. Затем принц занял свое место на великолепном резном троне в окружении двадцати восьми своих жен.

Наконец, сделав обход прямоугольной площади, камни которой еще столетие назад обагряла кровь людей, приносимых в жертву во время «ежегодного праздника», принц занял предназначенное ему

место на троне, покрытом великолепной резьбой. Вокруг расположились его жены.

«Танец грома» служит примером странной гармонии, существующей между примитивными обычаями этих людей и силами природы. Гармония эта недоступна логике и непонятна для представителей цивилизованного мира, однако она просто и совершенно естественно воспринимается сознанием туземцев.

На площадку танца вбежал стройный мужчина, размахивая сосиаби — длинным танцевальным жезлом с острым и блестящим бронзовым топориком на конце. Резкими движениями жезла он рисовал в воздухе зигзаг молнии. Удары барабанов создавали впечатление отдаленного грома. Танцор начал кружиться на месте во все ускоряющемся темпе. Затем, зажав жезл в зубах, он начал выделять немыслимые фигуры. К нему постепенно присоединялись другие. Извиваясь в танце, они иногда склонялись так низко, что касались лбами земли. Танцор с жезлом как одержимый носился вдоль стены окружавших площадки людей, размахивал своим жезлом и чуть не задевал им зрителей.

В начале танца на небосклоне не было ни облачка. Взглянув случайно вверх, я заметил, что небо стали затягивать грозовые облака. Танец продолжался, слышались раскаты грома, еще больше воодушевившие танцоров. С криками и гримасами они совершали дикие прыжки. Я чувствовал, что и меня постепенно захватывает безумие, овладевшее ими, но оно не помешало мне испытать беспокойство при мысли, что тяжелые тучи, собравшиеся над нами, помешают мне делать снимки.

Принц Ахо, казалось, почувствовал мое беспокойство. Он склонил свой могучий торс вплотную ко мне и сказал на ухо: «Дождя не будет, мы не разрешаем ему идти без танца дождя».

Я пользовался каждым мгновением для съемок, стараясь запечатлеть все детали этого зрелища. Но небо вскоре заволочло настолько, что продолжать съемку стало невозможно. Воздух был горячим и влажным, температура явно превысила сто градусов по Фаренгейту. Раскаты грома приближались, сливаясь с грохотом барабанов. Я ждал, что вот-вот блеснет молния и разразится ливень. Но раздался еще один удар грома, и танец неожиданно прекратился.

Танцор с жезлом сделал последний пируэт и упал на землю почти у ног принца. На его толстых губах выступила белая пена. По тому, как он распростерся на земле, не оставалось сомнения, что он

действительно дошел до полного изнеможения. Он буквально дотанцевался до потери сознания.

Принц обернулся ко мне, на его отвислых губах появилась улыбка, он поднял глаза к небу. Солнце снова ярко сияло в густом синем небе. Угроза дождя миновала.

— На этот раз мы устроили это зрелище для развлечения, — сказал он смеясь, — но в лесах такое развлечение иногда кончается плохо для жрецов — их убивают, если гром будет сопровождаться дождем.

Я снова не мог не вспомнить о Лусунгу, о ее нежелании заниматься предсказаниями погоды. До сегодняшнего дня я так и не понимаю, почему все же не было дождя, могу только подозревать, что принц Ахо располагал собственной, неведомой мне метеослужбой.

ГЛАВА 10

ПОСВЯЩЕНИЕ В ЖЕНЩИНЫ

Мой друг Нгамбе провел убийственную аналогию между первобытным колдовством и одним из наиболее сильных методов современной психологии: говоря о власти жрецов фетишей над людьми, он сказал: «Им не нужно красть тело человека, они крадут только его голову».

Психологическое порабощение одних людей другими старо, как мир. На земле всегда были люди, жаждавшие власти. Но искусная, хорошо продуманная практика овладения человеческим сознанием, контроля над ним, практика превращения этого сознания в глину, из которой можно вылепить все, что угодно, — это вклад, которым общество обязано прежде всего знахарям.

Задолго до того, как такая практика овладения человеческим сознанием стала оружием современной психологической войны, приемы психологического порабощения применялись наставниками сект вуду и жрецами фетишей африканского «берега рабов».

«Промывание мозгов» — буквальный перевод корейского выражения «чистка мозгов». Эта процедура не нова для Дальнего Востока, она была частью одного из ритуалов туземного населения Борнео. У даяков церемония посвящения новичка связана с особым ритуалом. Цель, однако, здесь не так ужасна, как у вуду Западной Африки.

В своей книге «Туземцы Саравака и Британского Северного Борнео» Генри Рос так описывает эту церемонию:

«После целой ночи заклинаний и колдовства жрецы ведут посвящаемого в затемненную комнату, где, по их словам, они вскрывают ему череп, вынимают мозги и промывают их, чтобы дать ему чистый разум для проникновения в тайны злых духов и лабиринты болезней».

По сути дела, у даяков ритуал этот носит чисто символический характер и в некоторых случаях заменяется уплатой небольшой пени. Термин «промывание мозгов» отражает, однако, самый существенный элемент колдовства: знахарь стремится оказать нефизическое, а психическое и эмоциональное воздействие на пациента или жертву.

Жертву «промывания мозгов» сознательно доводят до полного психического истощения, и тогда в состоянии замешательства и незащитности здоровая до того психика воспринимает чуждые ей болезненные идеи. В этих условиях жертва хочет делать и делает все, что от нее требуют, включая признание в преступлениях, которых она не совершала. Этот метод отличается от обычной полицейской практики, такие отличия можно наблюдать в практике жрецов вуду. Их жертва проходит более длительный период обработки. Хотя здесь основные предварительные условия создаются обществом, в котором живет жертва, сам процесс, по сути, остается неизменным. Жертва покорно принимает рабство или смерть, если того хочет жрец фетиша. Непротивление здесь не является результатом давления или физического насилия, оно рождается как результат веры в жреца фетиша и его сверхъестественное могущество. Эта вера живет в каждом из членов первобытного общества.

Нашему сложному сознанию с большим трудом дается мысль, что в первобытных обществах отсутствует моральный кодекс, осуждающий колдовство. В большинстве стран Африки, Южной Америки, в Австралии и Океании, где я видел много примеров деятельности колдунов, попытки сопротивления им проявляли только колониальные власти.

Сама идея психологического порабощения не встречает сопротивления у туземцев Дагомеи и дельты Нигера. Сколько помнят себя эти племена, сильные всегда порабощали слабых. Здесь легко воспринимают идею «порабощения души», воплощаемую в обрядах жрецов фетиша потому, что они не представляют себе жизни, в которой сильный не подчинял бы слабого. Вместо деления на «хорошее» и «плохое» у них есть только деление на силу и слабость.

В рассуждениях миссионеров, считающих, что колдовство и вера в духов и демонов мешают африканцам принять монотеизм или христианство, есть одно очень серьезное упущение. Дело в том, что туземцы пришли в конечном счете к выводу, что к европейцам христианский бог относится лучше, чем к ним. Потому-то туземец и обращается к единственному человеку, который, на его взгляд, может помочь ему в его бедах, — к своему знахарю.

Племена банту верят во всемогущего бога. Они называют его по-разному — Мау (Май), Ньямбе (Niarnbe), Аниамбе (Anyambe) . Они убеждены, что бог белых людей забыл их, и поэтому они должны искать помощи у богов меньшего калибра. В одной из молитв банту есть такие слова: «А Пайа Ньямбе, неужели ты забыл своих детей?» Эти слова очень похожи на крик отчаяния, пронесшийся через века: «О господи, почему ты оставил меня?»

Я говорю здесь об этом не потому, что это обстоятельство может иметь существенное значение для миссионеров (в этой области я не компетентен), а для того, чтобы показать состояние рассудка у туземца, обращающегося к знахарю.

Если туземец болен, то он верит, что колдун наслал на него духа и единственное, что ему остается в данной ситуации, — это обратиться за помощью к тому, кто может этого духа изгнать.

Материальные средства в виде амулетов, фетишей и снадобий — это существенная часть арсенала знахаря, но не они вызывают удивление, а то, что он может регулировать их воздействие с помощью психологических приемов.

Однажды Нгамбе показал мне лекарство, вернее снадобье из размельченных листьев акации, в которых содержится вещество, способное действовать как мочегонное и как наркотик, вызывающий головокружение и даже потерю сознания.

— Как же знахарь может определить, какое именно действие произведет это снадобье? — спросил я старика.

— Очень просто, сэр, — ответил тот. — Если колдун дает его человеку, не сделавшему зла, все будет хорошо. Если человек сделал зло, то он заболит и потеряет сознание.

Я вспомнил, какое действие оказал яд, который старый нгомбо дал бывшему пациенту Лусунгу, и как оно не причинило никакого вреда (если не считать рвоты) другим пившим его людям. Здесь кажется правдоподобным только одно объяснение: если жертва осознает свою вину и верит в то, что снадобье сделает ее явной, то оно и впрямь подействует и выявит, а может быть, и убьет

преступника. Таким образом физическое действие снадобья проявляется только на фоне психологического воздействия.

Одна из характерных черт практики «белой магии» состоит в том, что колдуны-знахари редко пытаются исцелить болезни, когда у них нет уверенности в том, что эта болезнь подвластна силам духов. Пименто, индейский лекарь, говорил мне, что он считает белого человека невосприимчивым к его целительным силам и что на индейцев, страдающих болезнями белого человека — такими, как грипп, сифилис, туберкулез, — не оказывают целебного действия процедуры, проводимые местными представителями медицины.

Почувствовав себя больным, туземец идет к своему знахарю и просит его изгнать «злого духа». Если «дух» этот колдуну неизвестен или, по его мнению, связан с магией белого человека, то он старается избавиться от такого пациента или направить его к другому лекарю.

Но уж если колдун решил взяться за лечение, то он приступает к опросу пациента (или клиента) как опытный психиатр. Он излагает ему причину недуга в понятиях фантастического мира духов — мира, непостижимого для нас, но совершенно реального для туземца. Образы этого мира близки ему и понятны: зависть, злобные намерения, супружеская неверность, — все это колдун черпает из обыденной жизни.

Танец в различных его формах является, может быть, самым ярким примером воздействия знахаря на своих приверженцев. Я видел, как в танце человек буквально становился похожим скорее на животное, чем на человека. Физических изменений при этом, конечно, не происходило, но внешне танцующий, будь то мужчина или женщина, приобретал звериные черты.

Я наблюдал такие превращения во время «танца шакала» в Бапенде и «танца леопарда» в Дагомее. В обоих случаях действия танцоров, находящихся под властью знахаря, были буквально действиями животных.

Путешествуя по провинции Бапенде, я прожил какое-то время в деревне Ниаха Кикесса (что значит «змейка») в 25 километрах от Килембе. Я видел много местных танцев, но самым поразительным из них — и по содержанию и по живописности — был танец бунга-бунга — «танец посвящения в женщины». Мужчинам этот танец смотреть запрещено. Нарушение запрета грозит штрафом или пожизненным изгнанием из деревни. То был, по-видимому, обряд приобщения девственниц к тайному культу.

Удовлетворяя строгие местные требования, я уплатил штраф заранее и даже получил разрешение фотографировать. Обычно этот танец девушки танцуют голыми, но из уважения к моей камере они надели набедренные повязки. Для того чтобы танцующих не видели мужчины и прочие любопытные, на время танца у площадки был выставлен караул. Девушек отвели в укромное место в кустах, и старейшие женщины секты раскрасили их пембой — краской для масок. В деревне было около двух тысяч женщин, но обращению в число слугителей этого культа были удостоены лишь немногие. Девушки были очень милы: полногрудые, с хорошими фигурами и белоснежными зубами. Глаза у них горели — может быть, в ожидании церемонии, которая введет их в мир женщин.

В центр круга, ударяя в огромный барабан, вошла рослая девушка, затем из укрытия показались раскрашенные девушки, у каждой из них в руках была погремушка. К моему удивлению, они шли на четвереньках, странно подпрыгивая, будто подражали гиенам. Встав в круг, они двинулись по нему, постепенно ускоряя ритм и наскакивая друг на друга, временами они терлись лицом о землю и друг о друга. Танец становился все быстрее, скоро танцующие девушки — их было 60 или 70 — слились в одну извивающуюся цепь. Зрелище было захватывающим. Всматриваясь в проносившиеся мимо меня лица, я понял, что девушки были целиком во власти танца.

Позднее я наблюдал более сложный вариант того же танца. Его исполняли юноши, которым при посвящении в мужчины делали обряд обрезания, очень распространенный среди африканских племен. В этой группе было семь юношей. Они собрались после захода солнца неподалеку от деревни. Ярko светила полная луна, на белом песке таинственно шевелились длинные тени пальм. Глухие звуки барабанов замирали в ночи.

Юноши столпились в центре круга зрелых мужчин у костра, разведенного для того, чтобы греть кожу барабанов. У мальчишек был довольно жалкий вид, голые, они стояли, съежившись, тесной кучкой. В их глазах застыл страх. Мужчины начали плясать вокруг них в нарастающем темпе; неожиданно в центр круга вступил высокий человек с погремушкой в руках. Я решил, что это нгомбо, но это был всего лишь церемониймейстер. Он взмахнул погремушкой, и хор из двух десятков мужских голосов затянул медленную, монотонную песню. После каждых трех нот мелодии следовала пауза, и танцующие подчинялись этому ритму.

Вдруг из кустарников вдали раздался протяжный крик. Он шел на высокой ноте и кончался почти визгом; я так до сих пор и не знаю, чей это был крик — человека или зверя. В нем было что-то жуткое, похожее на брачный призыв койота. Затем вперед выступил нгомбо и объявил имена тех семи юношей, которые по завершении обряда станут мужчинами. Все стихло, лишь глухой рокот барабанов поддерживал медленный равномерный ритм. Этот танец известен под названием касамалунга, его исполняют опытные танцоры, так называемые бафанзами. Они вдруг появились из зарослей кустарника на четвереньках.

Они были нелепо раскрашены, абсолютно голы, на лица их был нанесен слой белой краски, а головы украшали перья. Странно согнувшись, они поползли по кругу. Наконец бафанзами бросились на испуганных мальчишек, жавшихся в центре круга, и потащили их в кустарники, где должно было совершиться обрезание. При этом они подталкивали и били ребят, а мужчины-зрители теснились вокруг них, издавая дикие крики, словно собираясь убить мальчиков. Ритуал завершился дикой свалкой, где все визжали и кидались друг на друга, и во всем этом только крики тех, кто подвергался в это время операции, были естественными.

Существуют дикие формы обрядов, граничащие с ликантропией — формой помешательства, когда больные воображают себя волками. Может быть, самым ярким примером такого обряда был «танец шакала», который мне посчастливилось увидеть в одной деревне около Килимбе.

Танец начался (как и большинство из них) с медленного ритмичного пения. Знахарь, или нгомбо, вел это пение, и хор отвечал ему, что было очень похоже на церковную службу. Члены племени, образовав круг, пили какое-то варево, приготовленное колдуном, и, по мере того как они поглощали напиток, ритм барабана становился все быстрее.

Знахарь стоял перед небольшим костром, на котором готовился его напиток. Время от времени он зачерпывал его небольшой чашей и выпивал ее. Неожиданно из тишины джунглей донесся отдаленный вой шакала. Темп напева возрос, голоса поднялись до резкого крика и, перейдя в дикий вопль, похожий на вой шакала, вдруг оборвались, только эхо замирало вдали.

Нгомбо начал медленный танец. На голове его была укреплен морда шакала, а на плечах висели шакальи шкуры, тело было изукрашено белыми полосами, ребра также подчеркнуты белой

краской. Танцуя, он медленно двигался внутри круга стоящих мужчин. Временами он останавливался и пристально вглядывался в их лица.

Танец все ускорялся, и вот нгомбо завел песню, похожую на заклинание. Пение закончилось пронзительным криком, похожим на крик шакала, в ответ из леса раздались завывания, принадлежавшие, по-видимому, людям. Голоса выступали один за другим, и вся ночь наполнилась этими дикими воплями.

Вой шакалов приближался и становился все громче. Наконец в нем можно было отчетливо различить визг женщин и рычание мужчин. Темп танца все ускорялся, возбуждение нарастало.

Танец прекратился только тогда, когда нгомбо упал на землю не то от усталости, не то под воздействием выпитого им снадобья. Тогда в круг вошли несколько мужчин и женщин, начавших свой новый танец.

То была самая неприятная часть ритуала. В танце они рычали, бросались друг на друга и в конце его перешли на четвереньки и скакали, как животные, обнюхивать друг друга. Вдруг что-то темное влетело в их круг — сначала я подумал, что это кто-нибудь из танцоров, но потом понял, что это настоящий шакал. Он прыгал среди танцующих, рыча и кидаясь на них. Все это кончилось дикой оргией.

ГЛАВА 11

НАУКА И «ДУРНОЙ ГЛАЗ»

В глубине лесного массива Итури, представляющего собой непроходимые джунгли, в северо-восточной части Бельгийского Конго, я встретился, может быть, с самым необычным и в то же время разумным сочетанием старого и нового в медицине джунглей.

Здесь я встретил доктора Тоторайда. Жил он на берегу реки Эпула примерно в трехстах милях восточнее Стенливиля, где площадь, большую чем штат Нью-Йорк, пересекает всего лишь несколько запущенных дорог. Это земля пигмеев, малорослых негроидов, поддерживающих дружественное отношение со своими соседями — племенами банту.

В Стенливиле мне сказали, что доктора Тоторайда (его прозвище на языке кисвахили означала «Сильное лекарство») я могу найти в его клинике, в джунглях, в миле от дороги. Я знал его давно, еще в те времена, когда он молодым антропологом покинул Гарвардский университет и отправился в неведомые края, чтобы изучать жизнь первобытных людей. Теперь он был врачом в джунглях, и члены

племен пигмеев и банту, среди которых он прожил 20 лет, признали его своим. Ему удалось сочетать в своей практике европейскую медицину с магией местных знахарей. Мне представлялась редчайшая возможность наблюдать результаты действия такого союза.

В Нью-Йорке, в Клубе исследователей, где я встречался с доктором Тоторайдом много лет назад, его знали под фамилией Патнэм. Патрик Рассел Лоуэлл Патнэм — таково было его настоящее имя — происходил из старинной бостонской семьи. К медицине его привел несчастный случай. На охоте его изувечил слон, и пигмеи из лесов Итури спасли его. Они принесли его в деревню и вернули к жизни с помощью знахарей. Он остался среди них и посвятил свою жизнь оказанию им медицинской помощи в своей лесной клинике.

Дорога из Стенливиля, прорубленная сквозь джунгли, была вся в ухабах, и, когда наш «джип» наконец добрался до узкой боковой дороги с указателем «Патнэм», я был рад, что мое путешествие заканчивается. По сторонам дороги, проложенной в глуши лесов Итури, таились опасности и случайности джунглей, но я знал, что в конце этого пути меня ждет человек, посвятивший свою жизнь тому, чтобы вернуть свой долг пигмеям.

В «лагере», стоявшем неподалеку от реки, было несколько низких неуклюжих домов. Примерно в двухстах ярдах от центральной группы зданий стояла хижина из бамбука, покрытая листьями и побегами лиан. Значительная часть обращенной к реке стены отсутствовала, и все сооружение было похоже скорее на длинный сарай, чем на приемную врача. Я вошел. Рядом с огромным столом, занимавшим середину хижины, сидел высокий человек в выгоревшей голубой рубашке из грубой бумажной ткани, в его руке был шприц. Он смотрел на пигмейку, лежавшую без сознания на пальмовых носилках.

— Здорово, Пэт! — приветствовал я. — Давненько не виделись. Он поднял в знак приветствия руку со шприцем, пытаясь другой рукой нащупать пульс на запястье женщины. Жест означал, что он узнал меня, но просит трипины. Потом он взглянул на меня и улыбнулся, блеснув голубыми глазами на исхудалом лице. Он так загорел, что его можно было принять за коренного банту или арабского торговца. Его волосы были коротко острижены, а в бороде отчетливо проступала седина. Я подождал, пока он кончит. Наконец он встал, все еще не отрывая глаз от женщины. Если не

считать загара и бороды, он был таким же, каким я видел его в Клубе исследователей в Нью-Йорке много лет назад.

— Двустороннее воспаление легких, — сказал он, беспомощно махнув рукой. — Я ввожу ей пенициллин, но он не помогает. Ей нужен ауреомицин. Я жду посылку. Знахарь, как обычно, побывал у нее раньше меня. У нее были тяжелые роды. Вчера ее доставили сюда. Живот у нее сильно опух, и ее бил озноб. Она родила, когда несла вязанку дров, не доносив ребенка почти два месяца. Почему-то она боялась обратиться ко мне, и ее лечил местный знахарь.

Он безнадежно пожал плечами. — Что же с нею будет? — спросил я. Пэт покачал головой.

— У нее пропало молоко, и она не сможет кормить ребенка. Но ребенка, я думаю, мы спасем, а вот ей уже вряд ли поможешь. Если бы только пришел этот проклятый ауреомицин...

Пэт Патнэм достал с верхней полки шкафа с медикаментами графин португальского вина и наполнил стаканы. Два пигмея, стоявшие возле двери, когда я пришел, вошли в хижину, и помощник Пэта — негр что-то отрывисто сказал им на языке кисвахили. Те повернулись и, взяв свои копья, выбежали.

— Они пошли в деревню, чтобы сообщить мужу этой женщины, что она еще жива, — сказал Пэт. — Они расскажут знахарям о состоянии женщины, и те будут несколько часов бить в свои барабаны. Если бы ее принесли сюда хоть немножко раньше... Но этого-то они никак не могут понять. Они все еще уверены, что знахари должны делать свое дело первыми... А теперь если нам удастся спасти ее, то это будет считаться их заслугой. Если же она умрет, то виноват буду я. Я смотрел на Патнэма, потягивая вино.

— Что, у тебя всегда неприятности с этими знахарями? — спросил я. Он опять покачал головой.

— Нет, — сказал он, к моему удивлению. — Они и в самом деле хотят оказать помощь, и часто это им удается. И я им тоже помогаю. Дело в том, что у них есть свои средства, которых нет у меня.

— Что же это за средства?

— Вера. Туземцы им верят. Если бы они мне верили хоть на одну десятую того, как верят знахарям, то я творил бы чудеса. Но тут всякий раз идет тяжелая борьба... Они тянут до последнего и приходят ко мне, когда лечить уже вдвое труднее. Он встал и снял с крючка полотняный пиджак. — Пойдем в гостиницу, на сегодня прием закончен. «Гостиница» представляла собой кособокий

довольно нелепой конструкции дом, поставленный на склоне холма, вокруг него теснились хижины.

Дом был построен из грубо отесанных бревен, с крышей из пальмовых листьев. За центральной частью дома виднелся каменный очаг с трубой. На карте это место было обозначено как «Лагерь Патнэм» — единственный пункт в Бельгийском Конго, если не считать Стенливиля, названный в честь американца. Этим правительство Бельгии отдало дань уважения скромному высокому человеку, оставившему «семью с положением», которое создавалось поколениями, ради того, чтобы принести «сильное лекарство» белых людей в страну, которая испокон веков знала только знахарей.

В «гостинице» остановились несколько проезжих, оказавшихся в этих краях по пути в Стенливиля или из него. Гостиница пользовалась известностью, хотя и стояла в стороне от дороги. Доходы от постояльцев покрывали большую часть расходов клиники. «Гостиницей» ведала Анна Патнэм, жена Пэта, — он женился на ней через несколько лет после приезда в Итури.

Стоит рассказать о том, как Пэт Патнэм занялся тем, что впоследствии стало делом его жизни.

Он закончил Гарвардский университет в 1925 году. Как антрополог он решил заняться изучением первобытных народов и вскоре после выпуска отправился в кругосветное путешествие, приведшее его в Голландскую Новую Гвинею. Найденный здесь материал из жизни аборигенов вдохновил его.

«Если уж в тебе завелся червячок, так он будет всю жизнь точить тебя», — так говорил мне Пэт. Вскоре он оказался уже в Бельгийском Конго в составе антропологической экспедиции Смитсоновского института. Пэту достался район Паражи под Стенливилем, известный под названием Уэйли Лэнд. Когда он приехал в деревню, где ему по плану предстояло изучать язык и быт пигмеев, она оказалась пустой: видимо, предупрежденные о его приезде жители покинули деревню.

Взяв в спутники Абузингу, мальчика из племени банту» Пэт отправился в заросли на поиски пигмеев, и там он оказался на пути небольшого стада слонов. Мальчишка нырнул в кусты, а Пэт не успел уступить дорогу одному из мчавшихся прямо на него животных.

— Все произошло так быстро, что я не успел сообразить, что же мне делать. Я понял только, что слон стремился куда-то к своей

цели, не обращая внимания на меня. Левым бивнем он задел меня по боку, и я очутился на земле.

Пэт лежал в высокой траве в полубессознательном состоянии, истекая кровью от раны, нанесенной бивнем слона. «Абузинга! Абузинга!» — кричал он.

Вскоре из джунглей вынырнули несколько маленьких фигур и сквозь кустарник двинулись к нему, среди них был Абузинга. На носилках, устроенных из двух жердей, листьев и лиан, они отнесли его в деревню.

— То, что я стал жертвой слона, умерило их страх, — сказал Пэт. — И они вернулись в покинутую деревню. Когда же я спросил их, почему они не пришли на помощь по первому зову, они ответили, что им показалось, будто слон меня убил и кричу не я, а мой дух. Но дух, но их поверьям, кричит только один раз, поэтому они сообразили, что я жив, лишь тогда, когда я завопил снова.

У Пэта были разворочены бок и спина, от потери крови и лихорадки он ослаб настолько, что просил отправить его обратно в Паражи. Однако он был так слаб, что не выдержал бы дороги, и ему пришлось остаться. В течение трех недель он был на попечении пигмеев-знахарей. Те лечили его травами, местными снадобьями и ритмическим боем тамтама.

— Им пришлось здорово повозиться со мной, — сказал мне Пэт, — зато через месяц я уже был в состоянии самостоятельно добраться до Паражи.

Пэт Патнэм вернулся в Соединенные Штаты. Здоровье его медленно восстанавливалось. Но червячок по-прежнему продолжал точить его, а интерес к пигмеям Итури не ослабевал. Он изучил работу Красного Креста в Нью-Йорке и Бельгии и направился опять в Конго, на этот раз в качестве санитарного врача на строительстве через Итурийский лес дороги, соединяющей Стенливилль с Манбассой — местечком неподалеку от границы Уганды. Пэт поселился в деревне под названием Ниа Ниа, что на берегу Эпулу. Он оставался в Итури до конца жизни, лишь время от времени выезжая в США. В одну из таких поездок он женился на Анне Эсайнер, художнице из Нью-Йорка.

Живя у Пэта, я изучал истории болезней его пациентов. Малярия, тиф, дизентерия, лихорадка денге, сифилис... Сотни карточек, и во многих из них излагалась история болезней, и по сей день мало изученных нашими врачами.

— Ты говоришь, что колдуны тебе даже помогают? — спросил я у Пэта, когда мы сидели в хижине, служившей врачебным кабинетом. Он кивнул в знак согласия.

— Вот сегодня мне предстоит заняться одной женщиной — скоро ее принесут. Я был в деревне, и там решили, что продолжать ее лечение буду я. Однако для ее выздоровления одних моих лекарств будет недостаточно.

Это разожгло мое любопытство. Я с нетерпением ожидал, когда доставят больную, а Пэт рассказывал мне историю ее злоключений.

Случилось так, что ребенка из этой деревни растерзал леопард. Пигмеи считают леопарда священным животным, возможно за его смелость и жестокость. Поэтому деревенский колдун, которого призвали, чтобы он осмотрел жертву и предписал, какие обряды надлежит совершить родителям, утверждал, что ребенка убил не сам леопард, а вселившийся в него злой дух. Когда мужчины собрались разделаться со зверем, старый знахарь запретил охоту. Он сказал, что во всем виноват не леопард, а вселившийся в него дьявол. Поэтому нужно найти этого дьявола. Это привело пигмеев в ужас: дьявол может таиться повсюду, и каждый пигмей смотрел на своего соседа со все увеличивающимся подозрением.

Пока развивались эти события, пигмеи не рисковали покидать деревню, и леопард в поисках жертвы пожаловал к ним сам. Пигмеи напали первыми и буквально начинили его своими маленькими охотничьими стрелами, но он все же успел броситься на одну из женщин и исполосовать ее когтями. Ее-то и доставили Пэту в этот день. Пэт промыл раны, наложил швы. Когда ее унесли, Пэт сказал:

— Она оправится, и в этом будет также доля заслуг знахаря. Я не понял его. Мне казалось, что во всем виноват именно знахарь, ведь он запретил охоту на леопарда, а зверь, отведавший вкус человеческой крови, пока жив, представляет большую опасность для людей.

— Все это так, — сказал Пэт. — Но знахарь сам понял свою ошибку, и ему нужно было спасти репутацию. Он сказал женщине, что мое лекарство спасет ее. Теперь она чувствует себя здоровой.

— А когда она поправится совсем, то все будут считать это заслугой колдуна? — спросил я. Пэт пожал плечами.

— Это уже несущественно. Важно то, что она пришла ко мне вовремя. Если хотя бы часть больных попадала ко мне в таком состоянии, что я успевал бы оказать им помощь, это изменило бы отношение остальных. В данном случае репутация знахаря не

пострадала, ибо он послал ко мне эту женщину, не дожидаясь, пока в раны попадет инфекция. Они неплохие ребята, эти знахари, и охотно помогают мне, если это не наносит ущерба их престижу или личной власти.

Важно то, что я не могу работать без их помощи. Туземцы верят им много больше, чем они когда-либо будут верить мне. Главное, что мне нужно, — это их сотрудничество, и подобные случаи помогают добиться его.

Однажды в деревне пигмеев мы нашли женщину, жестоко избитую своими соплеменниками: один из них заявил, что она его сглазила. Ее обвиняли в том, что она ведьма и раскапывает могилы, чтобы есть покойников.

Патнэм говорил с одним из колдунов, и тот дал поразительное объяснение:

— Женщина ела, в сущности, не мертвецов, а только их дух, — так он уже заявил обвиняемой, и она охотно с этим согласилась. Опять меня поразило, насколько легко поддаются туземцы внушению.

Через несколько дней после случая с женщиной, покалеченной леопардом, к Пэту обратился еще один больной, на примере которого явно видна вся важность добрых отношений с знахарями. Туземец из племени банту с арабским именем Абдул Азизи ловил рыбу в реке Эпулу, неподалеку от лагеря Патнэма. Он заснул на берегу и проснулся от резкой боли в ноге — это крокодил выбрался на берег и впился ему в ногу. Крокодил старался утащить его в воду, но рыбак уцепился за свисавшее над водой дерево и взывал о помощи.

Банту с детства знают, что освободиться от крокодила можно только одним способом — давить пальцами на глаза. Рыбак, бросив ветвь, что есть силы нажал большими пальцами на глаза чудовища. Крокодил, разжав пасть, отпустил ногу и сполз в реку, а Абдул Азизи, изнемогая от боли, добрался до нашего лагеря.

Знахарь племени сказал пострадавшему, что «сильное лекарство» доктора Тоторайда изгонит злой дух крокодила из его тела, и у Пэта не было трудностей с лечением, которое, безусловно, спасло пострадавшему ногу. Через несколько дней угроза заражения крови исчезла.

Когда я спросил Пэта, не приглашал ли он знахарей для консультаций, на его лице появилась усмешка.

— Они не то чтобы боятся моих «сильных лекарств», как они называют наши методы лечения. Они просто не понимают их. Когда они доверяют им — это хорошо. Пусть знахари пугают пигмеев, лишь бы не мешали нам делать наше дело и не восстанавливали пигмеев против нас.

Не знаю, существовало ли когда-либо более эффективное сочетание современной медицинской науки с практикой первобытной медицины, чем то, которого добился Пэт. Ему потребовались годы, чтобы завоевать доверие пигмеев. Он добился его, и это позволило ему лечить людей, которые своими простейшими средствами вернули его к жизни двадцать лет назад.

Анна Патнэм много рассказывала мне об этом необычном докторе джунглей. Еще в своей первой поездке в Новую Гвинею он подцепил амebную дизентерию и страдал от нее многие годы, проведенные в Африке. Кроме того, у него были слабые легкие, и, когда на грузовом пароходе он отправился с Анной в Африку, его пришлось снять с судна и положить в больницу. Несмотря на болезни, он вернулся в свою лесную амбулаторию.

Пэт боролся с трудностями жизни и собственной физической слабостью, конечно, не ради благодарности туземцев.

— Они не выполняют моих предписаний, и я сомневаюсь, верят ли они вообще, что я могу их вылечить, — рассказывал мне Пэт. — Они идут ко мне только тогда, когда их направляют знахари, и выполняют не мои указания, а их. Единственное, за что они мне благодарны, это за сигареты, которые я им даю. На днях в амбулаторию пришел молодой парень и сказал, что болен. Я всегда даю им сигареты, когда они обращаются ко мне за помощью. Не успел я даже пощупать его пульс, как он протянул руку и сказал: «Теперь дай мне сигарету». Вот все, чего он в действительности хотел.

Больше мне не пришлось видеть Пэта Патнэма, вскоре он умер от болезней, с которыми боролся четверть века, но думаю, что я был свидетелем редчайшего случая успешного сочетания современного и первобытного видов медицины.

Пэт Патнэм не был миссионером, он не стремился к перестройке общества, он не был даже дипломированным врачом, но ему удалось создать странное партнерство науки и знахарства, которые, может быть, и в самом деле чем-то похожи друг на друга.

ГЛАВА 12

ЛЕЧЕНИЕ В ДЖУНГЛЯХ

Как ни далеко от Южной Америки до Африки, но от Африки до островов Океании и Австралийского архипелага еще дальше. Однако здесь я нашел ответы на многие вопросы, впервые пришедшие мне на ум в джунглях Верхней Амазонки или в глухих лесах и иссушенных солнцем саваннах Нигерии и Конго.

Странно, но моя первая встреча со знахарством в Полинезии была встречей с человеком, который и не претендовал на то, чтобы быть знахарем. Он не был даже полинезийцем. Он был французом.

Его звали Альберт Ле Буше. Он содержал бар в Папэте, на островах Общества. О мосье Буше я узнал от своего друга на островах Фиджи, маленького человека по имени Джокинамбу, носившего титул доктора. Это была интересная личность. Он знал, что я интересуюсь знахарями, и посоветовал мне познакомиться с Ле Буше. Он заверил меня, что это лучший доктор на островах Общества, хотя он вовсе не врач. Джокинамбу добавил: «В этом человеке есть многое от знахарей, которыми вы так восхищаетесь. Он — исцелитель».

Я познакомился с Джокинамбу в городе Наиде, на западной оконечности острова Вануа-Леву, где я ожидал самолета и разговаривал со своими новыми друзьями.

Мне очень хотелось познакомиться с этим французом, получившим столь громкую известность не только на островах Общества, но и по всей Океании своим умением лечить все болезни уколами иглы, золотой или серебряной.

— Этот метод лечения пришел из Китая, — сказал мне Джокинамбу. — Ле Буше может вколоть иглу в ладонь, а вылечить боль в животе или нарыв на ягодице.

Прибыв на Таити, я немедленно отправился на поиски знаменитого «исцелителя». Это было нетрудно: его знали все. Я нашел Ле Буше в баре. Он сидел в углу, над его головой тянулись полки, уставленные бутылками. Рядом за тоненькой перегородкой располагался «кабинет», где Ле Буше проводил свое знаменитое «лечение». Это был веселый толстый человек, весом около 300 фунтов, больше похожий на трактирщика, чем на человека, имеющего отношение к медицине. Когда на острове Фиджи мой друг рассказывал о его «методах» лечения, то мне невольно рисовался образ человека, с бритой головы которого на лоб свисает оставленный спереди пучок волос, увешавшего себя амулетами, чтобы походить на заправского знахаря. Ничего этого не было. На

нем был мешковатый пиджак, брюки из белого тика и рубашка с открытым воротом — традиционный костюм европейца в тропиках.

Из рассказов Джокинамбу у меня сложилось впечатление, что методы лечения Ле Буше основываются исключительно на внушении. Они были слишком похожи на случаи исцеления, что довелось мне встречать в Африке и Южной Америке. Отправляясь в таверну, хозяин которой был по совместительству лекарем, я был одновременно и заинтригован, и настроен скептически.

Ле Буше оставил свои дела, чтобы выпить со мной стакан вина. Опершись спиной на одну из стоек, составлявших основу легкого здания таверны, он поднял бокал за наше знакомство. Его маленькие глазки смотрели хитро.

— Итак, мы приехали доказать, что великий Буше — мошенник? — добродушно сказал он. — Давайте выпьем до того, как вы начнете.

Он подмигнул мне и кивком головы показал на перегородку, за которой находился его кабинет.

— Приготовьтесь прежде к тому, что вам придется иметь дело с ними. Видите, они ждут великого Буше.

В ожидании приема большая часть пациентов сидела в баре. За «лечение» он не брал денег, но его доходы от бара были, очевидно, солидными. Кроме того, каждый пациент что-нибудь приносил в знак благодарности: корзину фруктов или овощей или кувшин рыбьего жира. Одна девушка держала на руках поросенка, который брыкался и визжал, внося свой вклад в общий шум.

Когда мы покончили с вином, Ле Буше встал и жестом пригласил меня следовать за ним. Он хорошо говорил по-английски. Провожая меня в небольшую комнату, где он принимал больных, он объяснил мне, что не столько уважение к врачебной этике, сколько любовь к этим людям заставляет его отказываться от вознаграждения.

— Все они — мои люди, — сказал он, махнув толстой рукой на толпу темнокожих, среди которых было много женщин в ярких платьях, введенных в моду миссионерами. — Я люблю их. Буше живет тем, что помогает жить другим.

Хотя слова его звучали претенциозно, но легкое течение его речи и веселая улыбка, казалось, придавали им юмористический оттенок. Я решил тогда (и, как оказалось позднее, был недалек от истины), что Ле Буше не был ни шарлатаном, ни благотворителем. Он зарабатывал себе на жизнь, применяя на таитянах свои оригинальные методы лечения и продавая им вино в баре. Такую

жизнь он предпочитал любой другой, и, потакая своим слабостям, он не испытывал злобы или зависти к другим людям.

Работа не мешала Ле Буше разговаривать со мной. Больную провели в кабинет и усадили на стул. Ле Буше мягко расспрашивал ее о симптомах болезни. Она жаловалась на боль в спине.

— Возможно, это почки, доктор, — сказал он, повернувшись ко мне. — А возможно, и что-нибудь еще. Посмотрим.

Он взял девушку за руку и стал слушать пульс. Но проверкой пульса на запястье он не удовлетворился. Он приложил указательный палец сперва на тыльную сторону руки, затем на середину предплечья и плечо и, наконец, сзади на шею.

— У нее шесть пульсов, и каждый говорит свое, — сказал он. — Мое лечение основано на анализе симптомов, выявленных при изучении пульсов. Сначала я опрашиваю больных и уточняю, что их беспокоит. Затем прощупываю пульс и делаю заключение.

Он показал на разноцветную схему человеческого тела, висевшую на стене. На ней стрелками было показано расположение «пульсов», и каждый из них соответствовал различным узлам нервной системы. Узлы были обозначены номерами, а под схемой было написано, какому органу тела какой узел соответствует. Прощупав еще несколько «пульсов», Ле Буше что-то промышчал, затем достал из черного ящика длинную серебряную иглу. Несколько секунд он изучал схему и потом решительно вонзил иглу с тыльной стороны руки больной. Очевидно, это было не больно. Лицо девушки, на котором были видны следы страдания, причиняемого болезнью, прояснилось. Когда он вынул иглу, девушка вдруг улыбнулась.

— Видите, она знает, что ее болезнь излечена, — сказал Ле Буше, в его голосе звучала гордость. — Я нашел на ее руке пульс, соответствующий источнику боли в спине. У меня точная наука. Я отметил, что он простерилизовал иглу и протер спиртом место укола. Во всем остальном это лечение вполне могло бы быть проведено в джунглях, столь далекими были эти методы от любой научной теории болезней. Тем не менее Ле Буше заверил меня, что излечение имеет стойкий характер.

Когда вошел следующий пациент, я спросил Ле Буше, как он определяет, какую иглу применять — золотую или серебряную.

— Если нужно только стимулировать работу здорового органа тела, то применяется золотая игла. Если нужно снять причину нарушения его функций, то я беру серебряную.

В тот день он принял 86 больных, пока я сидел, листая его учебники и наблюдая за его работой. Я заметил, что временами он довольно сильно давил на то место, где прощупывает пульс, и вспомнил о некоторых известных мне случаях, когда давлением на нервные окончания добивались нужной ответной реакции организма или умышленно вызывали шок. Это, как известно, служит одним из средств лечения психических болезней.

Однажды я наблюдал японскую борьбу джиу-джитсу и видел, как один из участников соревнований добился победы, резко нажав большим пальцем на основание уха противника. Видимо, есть связь между давлением, которое Ле Буше оказывал на один из загадочных «пульсов», и последствиями его «лечения». Казалось бы, что согласно структурной физиологии, которую мне приходилось изучать, нет никакой связи между местом, куда он вводит иглу, и местом болей пациента. Однако я сам видел, как укол в палец на ноге мальчика излечил язвы на его голове. За этим случаем мне удалось проследить в дальнейшем — через две недели, то ли от иглы, то ли от какой-то психологической причины, от язв следа не осталось.

Иглотерапия, которой пользуется Ле Буше, не его открытие. Ее первым вывез из Китая доктор медицины Леон Вреньо, а Ле Буше, очевидно, посчитал, что трактирщик может вводить иглы не хуже дипломированного врача, лишь бы была обеспечена необходимая стерильность, и внедрил этот метод у себя в Папаэте. По достоверным сведениям, с 1938 года ему удалось добиться исцеления самых различных заболеваний. То, что он не брал денег за лечение, несомненно, увеличивало число его клиентов. Вскоре его имя стало известно на островах Общества и за их пределами.

Очевидно, такой метод лечения более эффективен в таких местах, как Таити, где больные верят врачу больше, чем в странах с более цивилизованным и более скептически настроенным населением.

Опыт таитянского «целителя» нельзя считать в полной мере знахарством. После наблюдений за работой Ле Буше я установил, в чем состоит это отличие. Ле Буше физически воздействовал на болезнь и относился к ней именно как к болезни, а не как к проявлению власти злых духов. Однако прямой физической связи между самой болезнью и средствами ее лечения не было.

Однажды к нему на прием пришла девушка. Она жаловалась на головные боли. Ле Буше сказал, что причина этих болей — в

заболевании желудка, и для этого могли быть основания. Ле Буше сделал ей укол в руку, где он якобы обнаружил нужный пульс, и часа через два боль прошла. Десять дней спустя я случайно встретил эту девушку и спросил ее, как она себя чувствует. Головные боли у нее не возобновлялись.

После того как у меня была возможность лично убедиться в успехах методов лечения Ле Буше, я разговаривал с ним, и он сказал мне:

— Я, как вы знаете, не врач. Но и не шарлатан и не колдун. Однако с божьей помощью мне удалось облегчить страдания многим людям.

На первый взгляд кажется, что провести параллель между практикой этого гениального трактирщика с Таити и практикой известных мне знахарей в Африке, Южной Америке или Австралии нельзя. Однако мне показалось, что сходство (и довольно любопытное) здесь есть. Чтобы быть успешным, лечение Ле Буше требует от пациентов веры в него. Вера является неотъемлемой частью его «науки» — точно так же, как она является частью магии знахарей.

Океания — это тесный мирок правительственных чиновников, пришельцев со всего света, торговцев, искателей жемчуга и «островитян». Сплетни и слухи составляют существенный элемент местной жизни, и в этой атмосфере добродушной соседской болтовни расстояния между такими далекими друг от друга местами, как острова Общества, Филиппины и Ява, кажутся не такими уж большими.

Вскоре я снова встретил доктора Джокинамбу и рассказал ему о своих наблюдениях за исцелителем. — А вы чему-нибудь научились у него? — спросил он. Я отрицательно покачал головой.

— Ничему, что имело бы отношение к науке. Но он пробудил мое любопытство. Я хочу разобраться и понять, что за всем этим кроется.

Джокинамбу снисходительно улыбнулся.

— Даже если это только пробудило ваше любопытство, значит, вы уже чему-то научились. — Он помолчал, а потом добавил: — Но если вы действительно хотите удовлетворить свое любопытство, вам нужно побывать у лучших дукунов Явы и особенно Бали. Ваш приятель Ле Буше имеет дело с разумом, а они — с духами.

Я вспомнил эти слова при следующих обстоятельствах. Дело было в Маниле. В баре аэропорта, где я ждал самолета на Яву, за

одним из столиков сидел в одиночестве молодой человек. Поскольку бар был переполнен, я подошел к нему и попросил разрешения сесть за его столик. Он кивнул, не обращая на меня внимания. Сначала я подумал, что он просто плохо воспитан, но потом заметил, что он сильно расстроен, — он угрюмо смотрел в свой стакан, будто пытаюсь прочесть в янтарном виски свою судьбу.

— У вас неприятности? — спросил я, подсаживаясь. — Не могу ли я быть вам полезным?

Он поднял на меня глаза, так, как будто только теперь заметил мое присутствие.

Мне показалось, что он голландец, и потом выяснилось, что это действительно так. Одет он был в обычный для тропиков костюм из белого тика. У него были светлые тонкие волосы и пронзительно светлые, голубые, как лед, глаза. Кожа была серовато-коричневого оттенка, который часто встречается у блондинов, долго живущих в тропиках.

— Думаю, что нет, — наконец сказал он, принимаясь за виски. — Если это неприятности с паспортом, то я, наверное, смогу помочь, — сказал я. Это могло показаться навязчивым, но сосед меня откровенно заинтересовал. — Я здесь бывал не раз и знаю все и всех. — Молодой человек покачал головой. — Жара, — уныло сказал он. — Она сводит меня с ума. Было и впрямь жарко. Но едва ли жара могла быть причиной его болезненной сосредоточенности. Он, как видно, давно жил в тропиках и должен был бы привыкнуть к жаре.

Я представился и сказал, что я врач и путешествую по свету с целью совать свой нос в чужие дела. Он слегка улыбнулся, и вдруг глаза его оживились.

— Врач! — сказал он. — Тогда, может быть, вы сумеете мне помочь.

Я сразу же отверг мысль о моей способности к лечению внутренних болезней: «Я специалист, но только в узкой области — болезни зубов и полости рта». После таких моих слов он покачал головой и уныние снова овладело им.

— Нет, вы тут, вероятно, бессильны. Меня сглазили. Это гуагуна.

Для такого на вид уравновешенного европейца, как он, это было необычное заявление. Я попросил его рассказать, в чем дело, и он поведал мне странную историю.

Сейчас он собрался было совсем вернуться домой в Голландию. Он работал клерком или помощником управляющего в гостиницах Явы. Более шести лет служил он в Джокии в одной из гостиниц и возненавидел ее, как он объяснил мне, из-за наваждения, от которого не мог избавиться.

Это наваждение воплощалось в одном человеке — девушке по имени Садья. Она была яванкой и принадлежала к верхушке туземного общества, хотя и жевала бетель, отчего имела черные зубы, но была очень хороша собой. Он в нее влюбился. А для белого человека с положением это было катастрофой. Разумеется, он не мог приводить ее к себе в гостиницу, а ходил к ней домой. Там он познакомился с ее дядей — дукуном.

Дукун — это яванский знахарь. Он «подчиняет» свою жертву с помощью чар, называемых гуна-гуна. Заклинаниями способен он усилить половое влечение, исцелить больного, выправить походку хромого или убить врага. Чтобы наслать злых духов, дукун стремится заполучить нечто бывшее частью тела человека — клочок волос или обрезок ногтей жертвы.

Однажды мой молодой голландский друг, который уже слышался о приемах дукунов, выходя из парикмахерской после стрижки, увидел, как дядюшка Садьи пулей влетел туда и схватил с пола обрезки волос. Мой друг, немного обеспокоенный этим, вернулся и спросил у парикмахера, чьи волосы взял старик.

— Ваши, — отвечал парикмахер, — будьте осторожны с ним, это дукун.

Через день или два в гостиницу пришла Садья и сказала, что ждет ребенка. Молодой человек ответил, что жениться на ней он не может. По обычаям Явы в подобных случаях ребенок остается в семье женщины.

Позднее девушка пришла вместе с дядей в гостиницу, и мой друг был вынужден выставить их во избежание сплетен. Дядя погрозил ему кулаком, посулив всяческие напасти.

Прошло несколько дней, но ничего не случилось. И вдруг однажды он увидел, что девушка и ее дядя опять пришли в гостиницу. Он снова набросился на старика. Однако на сей раз он обознался — то был какой-то видный голландский чиновник с дочерью.

Поскольку молодой человек не смог разумно объяснить причины своего поступка, ему предложили оставить работу в

гостинице, что он немедленно и сделал. Теперь он собрался уехать домой в Голландию.

— Самое странное во всем этом деле то, — сказал он мне, — что всякий раз, когда я вижу мужчину с девушкой, мне кажется, что это Садья и ее дядюшка.

Я попросил его посмотреть на публику, сидящую в баре, и сказать, не видит ли он и здесь кого-нибудь похожего на них.

Он покачал головой, а потом вдруг показал на американского офицера и молодую женщину, сидевших за столиком.

— Посмотрите, — воскликнул он, — вот эта пара, разве они не похожи на яванцев?

Я мог бы считать этот случай галлюцинацией, которая является одной из распространенных форм психических заболеваний. В нем не было бы ничего странного, если бы не полная разумность поведения этого человека во всем остальном. Позднее, когда мне пришлось побывать в Джокии, я, чтобы проверить реакцию местных жителей, рассказал им историю молодого голландца. Никто из слышавших ее не думал, что он психически болен. Все считали, что он набросился на посетителя только потому, что у него сдали нервы.

Однако некоторые другие случаи, с которыми я потом встретился на Яве, заставили меня взглянуть на эту историю в другом свете.

Я шел по базару в Джакарте и слушал рассказ молодого образованного индонезийского чиновника, приставленного ко мне в качестве гида и переводчика. Он рассказывал мне о дукунах.

— Они располагают многими лекарствами, добываемыми из трав и древесной коры, — говорил он. — Об их целебных свойствах говорится очень много, но чаще всего никаких полезных свойств у них нет.

Дукуны очень верят в свои средства лечения. Они доказали их эффективность на лечении расстройств желудка, укусов насекомых и зараженных ран. Однако они не придают большого значения химическим свойствам этих лекарств, а полагаются главным образом на их сверхъестественную силу.

Мы подошли к прилавку, где сгорбленная старушка продавала такие травы и лекарства. По большей части их продают вместе со стеклянными бусинками, которые — в сочетании с лекарством — «способны» излечить сыпь на коже, найти украденные вещи и восстановить половую активность. Среди амулетов были хвосты

красных ящериц, помогающие от проказы, маленькие белые цветочки против бессонницы, половые органы крокодила, которые, по мнению дукунов, омолаживают старцев, особенно если их повесить над брачной постелью старика, женившегося на молодой девушке.

Мой гид спросил старуху, может ли она направить нас к дукуну.

Переговорив с ней, он сказал мне по-английски: — Она продает яды, полученные из ядовитых рыб и пресмыкающихся. Иногда он них умирают, и туземцы приписывают это гуна-гуна, чарам колдунов.

Я вспомнил, что мой голландский друг говорил о гуна-гуна и об их силе, и спросил гида, как он объясняет их воздействие.

— Если хотите, вы можете сами побывать у дукуна, — ответил он.

Он рассказал мне, что с тех пор, как в Индонезии получили широкое распространение смешанные браки, появилось множество метисов, которых сторонятся в равной мере как белые, так и туземцы, и которые отстранены от нормальной жизни деревни. Говорили, что именно они нанимают дукунов, чтобы те применяли гуна-гуна, и никто не может сказать, сколько злых дел и даже убийств, совершенных этими «черными» знахарями, вызваны физическими средствами, такими, как яд и лекарства, а сколько — психическими.

— Правительство, — сказал он, — прилагало серьезные усилия, чтобы покончить с дукунами, однако они процветают, распространяя свое зловещее влияние на индонезийцев.

— Как же вы устроите мне встречу с одним из дукунов, если это незаконно? — спросил я.

Он кивнул на старуху, которая копалась в своих пузырьках и травках, очевидно стараясь найти какую-нибудь безделушку, которая показалась бы нам достаточно занятной, чтобы ее купить.

— Она вам найдет дукуна, — сказал он. — Я не смог бы помешать этому, если бы даже захотел. Усилия правительства идут главным образом по линии просвещения. Именно этим путем мы надеемся покончить с дукунами. Нотам, где действует сила внушения, источник зла недосыгаем. Дело в том, что снадобья дукунов служат главным образом для ослабления моральных, а не физических сил жертвы, они делают ее более восприимчивой к внушению.

Это, несмотря на различие методов, удивительно походило на результаты «промывания мозгов», проводимого жрецами вуду — африканскими коллегами дукунов. Я невольно удивился широкому распространению в разных частях света сходных средств и методов психологической войны.

Я начал понимать природу болезни, поразившей клерка гостиницы. Он, очевидно, пал жертвой собственного воображения, хотя тот факт, что он бывал в доме у девушки, давал возможность подозревать, что какое-то снадобье, подмешанное ему в еду или питье, способствовало повышению его чувствительности. То обстоятельство, что старик и его племянница чудились ему столь явственно, а расстроенное воображение побуждало его бросаться на людей, показывает, что сила, руководившая им, была чем-то большим, чем простое внушение.

Это сочетание физического и психического оружия в руках индонезийского знахаря чрезвычайно затрудняет проникновение в тайны его практики. Власть дукуна над туземцами огромна. Мой гид рассказал мне историю «бамбукового восстания» в деревне Паракан, где старый дукун, претендовавший на титул самого могущественного из всех дукунов, убедил жителей в том, что он способен сделать мазь, которая, если нанести ее на кончик бамбукового копья, сделает обладателя копья неуязвимым для голландских пуль.

Случилось это после пятилетней японской оккупации, во время которой у местного населения было отобрано все оружие. И вот — словно богом ниспосланная возможность дать отпор голландцам. Из окрестных деревень в Паракан на повозках, велосипедах или пешком собрались тысячи жителей, принесших с собой заостренные бамбуковые палки. Они напали на голландских солдат в их укрепленных лагерях и были уничтожены голландскими пулеметами и танками.

Те немногие, которым удалось спастись, обвинили дукуна в сговоре с голландцами, но не сместили его с поста, который он занимал в общине, главным образом потому, что все еще боялись его могущества.

Когда он в конце концов предстал перед голландским судом, невозможно было найти свидетелей, которые выступили бы против него. Это, может быть, ярче всего показывает силу местных верований.

В припадке откровенности мой гид признался, что ему самому дукун посоветовал жениться на одной девушке. Я спросил, сообщали ли он кому следует об этом дукуне. Он покачал головой и усмехнулся.

«Нет, — сказал он. — Я предпочел на ней жениться, теперь она моя супруга».

Через несколько дней я получил возможность встретиться с тем самым дукуном, который давал советы молодому чиновнику.

ГЛАВА 13

ЛЮБОВЬ И СТРАХ

В Джокии, в магазине антикварных вещей, куда я пошел со своим гидом, я купил несколько саронг, которые собирался взять с собой для подарков. Меня обслуживала очень хорошенькая девушка-полукровка. Небольшая, изящной формы головка, чистая кожа, слегка раскосые темные глаза, типичные для евразийки. Она рассказала мне, что учила английский, но с недавних пор ее репетитор, молодой канадец, стал вести себя так странно, что она побоялась продолжать свои уроки. Ее звали Нусона.

Когда я вернулся в гостиницу, следом за мной в вестибюль вошел какой-то молодой человек.

— Простите, — сказал он, касаясь моей руки. — Не вы ли сейчас что-то купили у Нусоны в антикварной лавке? Я с удивлением признался, что это так.

— Извините за назойливость, но я хотел бы попросить у вас совета.

Скоро я понял, что он-то и был тем учителем английского языка, чьи отношения с Нусоной показались ей странными. Он сказал, что влюбился в эту девушку, но она отвергла его предложение, и теперь он не знает, что делать.

Мой гид, слышавший этот рассказ, потянул меня за рукав. — Я проведу вас к той самой женщине-дукунье, которая давала мне советы. В этом нет ничего дурного, а неизвестный молодой человек может дать удобный повод для ее посещения, если вы еще имеете такое желание.

Я был очень удивлен таким странным предложением, но, как уже говорил, я стал привыкать к непривычному. Я повернулся к молодому человеку и спросил его, не хочет ли он проконсультироваться у знахарей. У него загорелись глаза.

— Я и не подумал об этом! — воскликнул он. — Превосходная идея! А вы пойдете со мной?

Я согласился, немного стыдясь самого себя. Мне казалось, что в своих поисках секретов силы знахарства я претупаю пределы допустимого тем, что направляю влюбленного юношу в объятия «доктора черного искусства». К тому же втайне я был немного обеспокоен. Я знал о странных результатах, к которым иногда приводили безрассудные попытки белых людей проникнуть в тайны туземного колдовства, и меня не оставляло смутное чувство тревоги, что я могу быть замешан в чем-то таком, что не только не было моим делом, но чего я не смогу понять и держать под контролем.

Как бы там ни было, предложение уже было сделано. Под проливным дождем мы отправились в населенный только туземцами район Джакарты. Через четверть часа изнурительной ходьбы по узкой и грязной дороге мы пришли на улочку, где, как мне сказал гид, жила дукунья. За нами следовала толпа ребятишек, которые бесстыдно попрошайничали, и под лай собак эта необычная процессия, возглавляемая двумя белыми мужчинами, двинулась дальше. Было совершенно ясно, что если у Нусоны есть друзья по соседству, она будет прекрасно информирована о нашем походе.

Мы свернули на узкую тропинку, по обеим сторонам которой высились кучи отбросов, и наконец подошли к крытой пальмовыми листьями хижине с верандой. В дверях хижины показалась старая женщина. Жестом она пригласила нас войти. Казалось, что такие визиты были ей не в диковинку,

Ее звали Гемплаканapos, она была хорошо известна европейцам и американцам, посещающим Джакарту. У нее были тонкие черты лица, черные, глубоко посаженные глаза, и хотя лицо ее казалось усталым и измученным, говорила она приветливым, мягким голосом. Я не понимал ее слов, переводил мой друг канадец. Мы прошли в гостиную — маленькую комнатку с низким потолком. Окон в ней не было, слабый свет проникал через сделанную из связок пальмовых листьев стену, создавая в комнате жутковатую атмосферу.

Канадец объяснил цель нашего визита, женщина задала ему несколько вопросов. Потом она попросила гульден и отдала его мальчику, который вошел в комнату на ее зов. Он убежал и через несколько минут вернулся; он принес банановый лист, немного жасмина, цветы франгипани — два больших белых цветка с двумя бутонами и два красных цветка, известных под названием мелати,

тоже с двумя бутонами. Она очень тщательно все это осмотрела и отложила в сторону.

Оставив нас, она пошла в другую комнату — удивительно стройная для своих лет. Через некоторое время мой компаньон начал нервничать, да и мне было не по себе. Из комнаты, куда ушла колдунья, казалось, шел запах, похожий на запах формальдегида.

Примерно через полчаса колдунья вошла в гостиную. Она шла очень медленно. Когда она отодвинула полотняную занавеску, разделявшую комнаты, оттуда пошел пар. Запах был тяжелым — смесь запаха целебных трав и ладана.

Она подошла к стулу, по-прежнему прямая, и медленно села. Казалось, глаза ее ничего не видят. Она что-то забормотала. Ее голос становился все громче и поднялся до резкого крика. Я вдруг почувствовал, что чад, шедший из комнаты, стал действовать на меня. Это было ощущение легкого опьянения, голова немного кружилась, и слегка поташнивало. Лицо старухи оставалось спокойным и неподвижным, рот был приоткрыт в гримасе, похожей на улыбку.

У меня мелькнула смутная мысль: а не содержит ли ладан наркотики, ослабляющие волю человека и его способность сопротивляться внушению? Я встряхнулся и попытался выпрямиться на стуле. Я взглянул на молодого канадца: он сидел, неподвижно уставившись на старуху.

«Это же явное жульничество, — подумал я. — Старуха — мошенница!»

Тем не менее я ничего не сказал. Старуха взяла два белых бутона и один из красных цветков, свернула их, зашила в кусок материи и вручила моему другу. Позже я узнал, что она велела ему носить эти цветы все время, за исключением тех случаев, когда он будет находиться в обществе другой женщины, а не Нусоны. Остальные цветы она завернула в газетную бумагу и тоже отдала молодому человеку. Этот пакет он должен был бросить у дверей дома Нусоны так, чтобы она наступила на него, когда будет выходить.

Потом старая дукунья Гемплаканapos сказала канадцу нечто поразительное по своей простоте.

— Девушка узнает, что ты приходил ко мне. Она увидит цветы и встревожится. От страха она придет ко мне. Я скажу ей, чтобы она вернула твою любовь или у нее будет злая гуна-гуна,

Говорила она по-явански, все это мне перевели позднее. Самым удивительным в речи старухи была железная логика. Все

предоставлялось на волю воображения Нусоны. Как и во многих других разновидностях «колдовства», все достигалось силой внушения.

Ее последнее предостережение относилось к клиенту. Он не должен был ходить к Нусоне до тех пор, пока чары не подействуют на нее. Возвращаясь по грязной улице, я чувствовал, что из дверей каждой хижины на нас смотрят.

В гостинице мой гид — молодой чиновник — выслушал историю визита канадца к дукунье. Он грустно покачал головой.

— Не знаю, что вам посоветовать, — сказал он. — В свое время я просто спросил старуху из любопытства, и она дала мне совет. Я все равно женился бы; кроме того, тут не были замешаны никакие расовые предрассудки. А в вашем случае эта старуха уже предприняла какие-то действия. Может быть, ей уже не удастся остановить хода событий.

— Что значит не удастся остановить ход событий? Вы и в самом деле верите в такие вещи?

— Вопрос не в том, во что я верю, — сказал молодой чиновник. — Вы пустили машину в ход, и теперь это касается веры других людей. Мне, может быть, не следовало бы советовать этому молодому человеку идти к дукуну, но я знал, что вы, доктор Райт, хотели поговорить с одним из них, и я подумал, что это будет удобным случаем. Понимаете, местные жители узнают, что он ходил к дукунье, и девушка об этом узнает тоже. Если он положит цветы у ее порога, от страха к ней никто не будет ходить. Они боятся иметь дело с чарами колдунов.

Если он выполнит все предписания, а жениться на ней ему не удастся, эта семья будет социально погублена. Девушка станет парией или ее родичам придется нанять дукуна, чтобы отомстить канадцу. Так что сейчас может начаться цепная реакция, которую ничто уже не остановит.

Вскоре мне нужно было выехать на Бали, поэтому я не успел узнать, что решил мой канадский друг и будет ли он продолжать свои странные ухаживания.

Позднее, вернувшись в Джакарту, я встретил своего гида и спросил, чем же все-таки кончилась эта любопытная история.

Канадец не понес цветы к дверям дома, где жила девушка, но она узнала о его визите и сама пошла к старухе. Об этом стало известно. Вдруг молодой канадец серьезно заболел. Ему

становилось все хуже и хуже, и он вернулся в Джакарту. Врач не мог найти причины его болезни.

Стало известно, что у этой девушки, Нусоны, уже был муж. Он вернулся в Джокию из Джакарты, пока молодой канадец безуспешно добивался благосклонности Нусоны, и сам консультировался у дукуна. Я так и не смог выяснить, то ли мадам Гемплакананос в собственных интересах натравливала их друг на друга, то ли хотела проучить канадца.

Но независимо от ее мотивов болезнь моего молодого канадского друга резко прогрессировала, и было непонятно, что надо сделать для того, чтобы он поправился; в конце концов мой гид, который проявлял личный интерес к этому случаю, посадил его на пароход, идущий в Сингапур.

— Эта дукунья знает свое дело, — загадочно сказал он, хотя я и не понимал, что это было за дело и для кого она его делает. — Нашему другу повезло, что ему удалось скрыться.

Я был волен понимать эту историю как угодно, и я усмотрел параллель между случаями с канадским юношей и тем голландцем, у которого были галлюцинации, когда он всюду видел свою милую и ее дядю.

Мне показалось, что гуна-гуна не остается безразличной к жизни белых людей, нарушающих ее таинственные законы, и там, где нет примитивной веры, остается место для болезней.

У жителей Явы и Бали различные религии: яванцы — мусульмане, жители острова Бали — индуисты. На Бали верят, что тело обладает магическими зарядами, как аккумуляторная батарея. Эти заряды называют «сакти». Здоровье и болезнь, половая сила или слабость, даже счастье или несчастье человека — все определяется ими. Природа оделяет этой магической энергией каждого, но только тот, кто живет по законам природы, получает достаточно от ее щедрот, чтобы стать счастливым и здоровым. Поскольку эта магическая сила идет от природы, то отсюда следует, что ею обладает все, что символизирует природу, — деревья, цветы и даже скалы и пещеры, — все это обладает силой, способной оказывать добро или зло.

Жрецы или знахари утверждали себя в роли людей, способных управлять этими силами и контролировать их. Каждый, кто захочет принести вред своему врагу, прибегает к знахарю, который вершит свои дела или в храме, совершая впечатляющую службу, или в более

укромных местах, приготавливая магические снадобья, сжигая ладан и входя в транс.

Здесь, на Бали, со мной произошел самый странный случай в моей жизни. Я до сих пор не нашел ему объяснения даже для себя.

Я встретился с местным вождем по имени Тьякорда Агунг, или Джокорда, как я называл его, единственным сыном раджи Убуда. Это был очень умный, одаренный человек, окончивший один из голландских университетов. Он жил в центре острова и делал все возможное, чтобы сохранить культуру, произведения искусства и традиции старого Бали. Он познакомил меня со своим дядей Ида Багус Геде Агунгом, старым человеком, обладавшим разнообразными талантами. Он играл на скрипке и флейте, был архитектором и блестящим скульптором, жрецом и исцелителем.

Старый жрец сказал мне, что на Бали существуют два типа магии: пенигвас — левая магия и пенингенс — правая магия. Первая отождествляется со злом и смертью, вторая — с исцелением. Старый Агунг имел ученую степень по химии и получил медицинское образование в Голландии, однако он верил в амулеты и чары. Его классификация магий отражала наиболее распространенные и признанные отличия «черных», или злых, от «белых», или добрых, сил.

Чтобы проверить, насколько сбываются пророчества Агунга, я решил задать ему два вопроса. Мой друг Джокорда перевел моему дяде мою просьбу. Старик слегка поклонился и повел нас в небольшой храм, стоявший среди группы тростниковых домов. В центре единственного помещения этого храма было сделано возвышение, вокруг которого стояли деревянные статуи балийских и индуистских богов, включая Шиву и Вишну.

Я задал ему свои вопросы: случилось ли что-нибудь важное у меня дома за время моего отсутствия и случится ли что-нибудь серьезное со мной в будущем году?

Старик некоторое время пристально смотрел на меня, потом склонился над сосудом, в котором горел ладан. Прижав пальцем ноздрю, он сделал глубокий вдох и немного задержал его. Затем перенес палец на другую ноздрю и сделал выдох. Казалось, что пары ладана циркулируют через его мозг. Он повторил эту процедуру несколько раз, дыхание стало прерывистым, тело напряглось, а глаза, казалось, закатились под лоб.

Через какое-то время взгляд его снова стал нормальным, и он еще раз пристально посмотрел на меня и начал говорить по-

балийски. Джокорда переводил его слова.

— На ваш первый вопрос он отвечает так: «Вы живете в большом городе недалеко от большой воды. Вы не женаты, у вас есть два брата и две сестры. С ними все хорошо. У одного из ваших братьев есть дочь, и, пока вас не было, она вышла замуж. Вы найдете одну большую перемену, когда вернетесь: у вас не будет своего дома».

Джокорда опять поговорил со жрецом и перевел: — Что касается вашего второго вопроса, то мой дядя говорит, что в будущем году вы будете на краю смерти, но останетесь живы. У вас будут неприятности с глазами, и вам нужно беречь их, Вот и все, что он может сказать вам.

Я спросил Джокорду о плате, и он ответил, что я могу оставить что-нибудь в дар храму.

Я записал ответы жреца и, когда мы покинули храм, стал думать над ними. У меня действительно, как он и сказал, есть два брата и две сестры. Но на Яве и Бали я никому не рассказывал о своей семье. Жрец не знал, какие вопросы я собираюсь ему задать, тем не менее он все же мог как-то узнать кое-что обо мне заранее.

Сообщение о замужестве моей племянницы было новостью для меня. Вернувшись в гостиницу, я заказал телефонный разговор с моим братом, доктором Луи Райтом в Филадельфии, где я жил и которую можно считать «большим городом у большой воды».

Телефонный разговор оставил странное чувство, словно я стал свидетелем нового и необычного вида знания. Все в моей семье были живы и здоровы, но моя племянница совсем недавно вышла замуж за офицера. Правдой было и то, что у меня не было дома. Перед отъездом из Филадельфии я собирался переехать в новый многоквартирный дом и отказался от старой квартиры. Но дом еще не был закончен, и вещи мои все еще лежали на складе.

Это и послужило причиной тревоги по поводу второй части его предсказания. Угроза смерти показалась мне скорее драматичной, чем страшной, но что касается глаз, это меня серьезно беспокоило. Я спросил Джокорду, как старый жрец пришел к своим заключениям. Часть из них могла быть просто удачной догадкой, но некоторые, если в их основе лежали какие-либо факты, могли оказаться пророчеством.

Он ответил, что жрецы Бали верят в силы ясновидения и предсказания. Они основывают их на «сакти», представляющих собой некую силу или шестое чувство, развивающееся из «зарядов»

в душе или разуме человека. «Сакти» есть у многих людей, но только жрецы знают, что с ним делать. Это нечто похожее на «карма» у индуистов или просто на счастливую судьбу, которая существует для каждого, но сбудется ли она — это зависит только от самого человека. В некоторых отношениях это похоже на «везение», в которое верят многие цивилизованные люди Запада. Когда человек обладает «сильным сакти», ему все время везет, а если у него «сакти слабое», то у него скверная судьба, с ним могут случаться всякие несчастья и болезни. Судя по словам Джокорды, старый жрец имел доступ к источнику моего «сакти» и с помощью ясновидения прочитал в нем то, что со мной могло случиться.

Когда я с острова Бали вернулся в Филадельфию, моей первой задачей было перевезти мебель и вещи в новую квартиру. Это мне напомнило о предсказании старого жреца.

Однажды вечером в субботу — почти через год после встречи со жрецом — я был в гостях у своих старых друзей. Накануне я очень много работал и чувствовал смертельную усталость. Вечер у моих друзей затянулся почти до утра, и когда я на другой день проснулся в своей квартире, то мог разглядеть лишь неясные очертания окружающих меня предметов. Я вызвал окулиста. Он сделал мне уколы, и к вечеру зрение стало восстанавливаться. Врач, лечивший меня, сказал, что временная слепота была результатом переутомления и возбуждения. С тех пор я слежу за своими глазами, и неприятностей больше не было.

Позднее в том же году я опять отправился на Тихий океан. Самолет шел на Гавайи. Мы пересекли океан и уже приближались к международному аэродрому севернее Гонолулу, как вдруг наш самолет, вместо того чтобы идти на посадку, стал набирать высоту. Экипаж собрался в кабине, где было проведено нечто вроде спешного совещания, которое встревожило многих пассажиров.

Самолет кружил над аэродромом минут сорок пять и наконец командир корабля объяснил нам причину задержки. Левое шасси заело, и его пришлось выпускать вручную. Приборы показали, что оно не встало на замок, но командир решил садиться. Мы пристегнулись, и самолет пошел на посадку. Вот мы пронеслись мимо пожарных автомашин, аварийной команды и остановились.

Пусть каждый догадывается, был ли этот случай тем столкновением со смертью, которое предсказал мне старик. Поскольку меня это касается больше всего, то я рад, что он не предсказал чего-нибудь похуже.

Тем не менее знакомство с дукуном на Яве и жрецом на Бали — оба они представляли более высокий класс знахарей, чем их коллеги в Западной Африке и на Амазонке, — подействовало на мое воображение. Может быть, самое обоснованное объяснение тому, свидетелем чего был я, дал доктор Джеффри Горер, английский антрополог, который проводил свои наблюдения в Западной Африке и Индонезии. Доктор Горер жил некоторое время на Бали перед второй мировой войной, и его интересовала проблема так называемого «сакти».

В Западной Африке доктор Горер наблюдал различные обряды и методы лечения, близкие тем, которые я видел в Дагомее и Габоне. Он признался, что его научная ортодоксальность была сильно поколеблена тем, что он видел. Но на Бали он мог наблюдать дальнейшее развитие этих методов умными и знающими жрецами. Он сравнивает «сакти» с музыкальными способностями. Все люди, даже те, у которых на первый взгляд отсутствует слух, обладают скрытыми музыкальными способностями. Эти способности распределены неравномерно, их можно развить и усилить, однако иногда появляются на свет гении с врожденным знанием музыки. То, что жители Бали называют «сакти», доктор Горер считал «духовной», или «мистической», энергией. Он сам называет свою теорию «иррациональной» и основывает свои доводы исключительно на своих личных наблюдениях. Особенное внимание он обращает на те указания, которые жрецы дают своим последователям и посвященным, объясняя, как может быть развита способность сверхчувственного предвидения и предсказания.

Среди этих указаний неизменно одно: послушник должен верить, что «желаемое» — значит «возможное». Это специфическая особенность; доктор Горер верит, что она обязательна для всех, кто имеет дело с «волшебными силами», включая, разумеется, самих знахарей. Доктор Горер говорит:

«Наиболее общими проявлениями (душевной или мистической энергии) являются предсказание и телепатия, способность читать мысли или видеть предметы на расстоянии как в пространстве, так и во времени... Достигшие мастерства, очевидно, могут также оказывать влияние на предметы на расстоянии без каких-либо ощутимых средств... Они могут передавать свою силу другим при прямом контакте, укреплять и исцелять их».

Признавая, что эта «сила» в настоящее время в Западной Европе и Америке культивируется меньше, чем где-либо еще в мире, доктор

Горер добавляет:

«Я отказываюсь верить, что большая часть мира не только сегодня, но и в течение всей летописной истории занималась бы такими ритуалами и такими методами лечения, если бы они не давали абсолютно никакого результата».

ГЛАВА 14 «ТАНЕЦ САМОУБИЙСТВА»

Продолжая путешествие по Зондским островам, протянувшимся от Юго-Восточной Азии до Новой Гвинеи и Австралии, я получил прекрасную возможность ознакомиться с самыми глубинами деятельности дукунов.

В Сурабае, в северо-восточной части Явы, я познакомился с голландцем, жителем этого города, мистером Каалсом, который заинтересовался моими исследованиями туземной медицины.

— Самая большая наша проблема состоит в том, чтобы найти общую почву для старых обычаев и нового образа жизни, — сказал он. — Очень трудно заставить местное население поверить в современную медицину. Они по-прежнему верят дукунам даже тогда, когда умирают от их лечения.

Он рассказал о мастере с его завода в Сурабае, сын которого заболел брюшным тифом. Каалс навестил его, чтобы выяснить, что можно сделать для мальчика, и увидел, что отец, склонившись над больным, лежащим в кровати, пытается силой накормить его рисом.

Дукун сказал, что рис содержит дух жизни. Поэтому, если накормить больного рисом, он будет жить. Пищеварительный тракт у мальчика был, конечно, забит.

Мистер Каалс предупредил отца, что его сын умрет, если его будут кормить, прежде чем врач назначит лечение. Потом он пошел за врачом. Когда он вернулся, у кровати мальчика сидел дукун; скоро ему на помощь пришел еще один.

— Они обмазали все его тело какой-то дрянью, — сказал он. — Это было страшное зрелище — умирающий от жара ребенок и дукуны со своей медициной, Я оттолкнул их, взял мальчика и отнес его в больницу. Мне пришлось поставить сторожа, чтобы не пускать в палату дукунов и родственников больного. Но на следующий день в больницу пришла целая толпа родственников, и они забрали мальчика. Охрана больницы не смогла их задержать. — Что же случилось потом? — спросил я. Мистер Каалс пожал плечами: — Они взяли его домой. На другой день отец, придя на завод, сказал мне, что силком впихнул в сына две чашки риса. Я сказал ему, что

он идиот — мальчик умрет. — И что же, он умер? — спросил я. Мистер Каалс кивнул головой.

— Он умер, и они обвинили в этом меня. Они считают, что я убил его магией белого человека.

Я подумал о Пэте Патнэме — «докторе Тоторайде» и о той пропасти между ходом мысли белого человека и туземных лекарей, через которую он пытался перекинуть мост. Некоторые из наблюдавшихся мною «методов» лечения знахарей с точки зрения медицины были чудовищны. Но некоторые из них действовали успешно. Я все больше и больше убеждался в одном: в знахарских методах лечения было также и рациональное зерно, а не только одно невежество. Как заметил доктор Горер, не может быть, чтобы многие из этих методов пережили века, если бы они не давали результатов. Смерть мальчика от принудительного питания могла быть медицинской ошибкой, но в таком методе лечения, возможно, нашли отражение древние знания, искаженные в процессе передачи их через многие поколения, извращенные современными условиями жизни, но тем не менее сохранившие свою ценность в ряде случаев.

В этих методах, имеющих многовековую историю, сохранился нетронутым один обязательный элемент — вера. Вера была у индейцев и охотников за головами из племен дживаро и камайюра в джунглях верхней Амазонки. Вера была основой удивительного влияния Лусунгу и жрецов Дагомеи. Она, казалось, была везде первым и необходимым условием для деятельности знахарей. Старый жрец с острова Бали, Ида Багус Геде Агунг, рассказывал мне, что после окончания своего медицинского образования в Голландии он подружился с двумя белыми врачами на Бали, и они дали ему небольшой запас лекарств, в том числе йод и атабрин. Он применял их для лечения зараженных ран и малярии, но их эффективность была невелика, поскольку он сам в них не верил. Когда он сопровождал лечение определенными ритуалами и заклинаниями и входил в транс, результаты становились намного эффективнее.

Хотя все сказанное им не поддается проверке, сам я убежден, что старик верил в то, что говорил. Я спросил его, например, как он лечит лихорадку, и он ответил:

— Это зависит от многих вещей: возраста, пола, особенностей характера больного. Я проверяю температуру, исследую выражение лица, и больным разного пола и разного возраста я назначаю

различные лекарства, сверившись с Лонтаром (священной медицинской книгой индуистов).

Старый Агунг сказал мне, что при катарах самое эффективное лекарство — это горячие угли, смешанные с нарезанным луком, анисовым маслом, солью, листьями и корой дерева дадап. При малярии он применяет атабрин, который ему дали голландские врачи, но только после того, как натрет таблетки корой дерева дадап. Сыпь на коже он лечит лимонным соком, корой мускатного ореха и дерева дадап, смешанных с салициловым спиртом. От зубной боли дает он мазь из липового масла, двух-трех корешков местных растений и кожицы огурца.

— Если больной запускает лечение, мне приходится удалять зуб, — признался он. — Я делаю это с помощью отвертки и клещей.

При головной боли помогает состав из имбиря, коровьего навоза и земляных клопов. Дополнительно в каждом случае используются амулеты: одни — из черного коралла, другие — из старых монет.

Все это называлось «правым» лечением — пененгенс. Если клиенту требовалось убить врага или узнать имя любовника своей жены, то его Агунг направлял к «левым» жрецам, которые обычно достигают цели без лекарств, употребляя амулеты и ладан с целью «установить контакт с духами».

Чтобы доказать, шарлатанство это или нет, достаточно проверить свойства этих лекарств. В результате окажется, что лишь немногие из них действительно обладают лечебными свойствами, но, к счастью, большинство остальных абсолютно безвредно и в той же степени бесполезно.

У старого жреца ногти были длиной почти в три дюйма, а на указательном пальце правой руки он носил два кольца с камнем «кошачий глаз». Это, объяснил он, помогает отвести влияние колдунов-соперников, которые пытаются подорвать его влияние на клиентуру.

Я спросил жреца, что он делает в случае умопомешательства или душевного расстройства. Он рассказал о своей племяннице, которая помешалась, когда ее любимый женился на другой. Агунг отвел ее к молельне на кладбище и возжег огонь на алтаре. Положив перед огнем дары, Агунг и сопровождавшие его родственники тихо ушли, оставив ее одну.

— Это было больше, чем внушение, — перевел Джокорда слова старого жреца. — Нужно было показать девушке, что существуют духи, которые намного сильнее ее. Шок, который она испытала,

обнаружив, что осталась одна в таком страшном месте, вернул ее в нормальное состояние. Сейчас она здорова и учится в Сингорайя.

Одной из функций колдуна является помощь человеку, несчастному в любви, идет ли речь о том, чтобы вызвать к нему интерес со стороны его любимой или любимого, или о том, чтобы раздуть пламя угаснувшей страсти. У старого жреца в обоих случаях было одно лекарство: орех бетеля, пропитанный специальными маслами. Его посылают объекту неразделенных чувств. Когда же жертва возьмет орех в рот, она тут же, по словам жреца, начинает пылать любовью к клиенту знахаря. Одной из обязательных предпосылок для успеха такого рода процедур является то, что объект должен знать о намерениях. Слухи же об этом очень быстро распространяются. Старый Ида Багут Геде Агунг признал, что страха, внушенного махинациями колдуна, вполне достаточно, чтобы заставить любую девушку вернуть свою любовь отвергнутому поклоннику и во избежание риска подчиниться власти «магии». Это, вероятно, зажигает огонь любви скорее, чем бетельный орех со специальными маслами. Роль психологических факторов в действиях подобного рода очевидна.

Сила внушения — это, возможно, самый эффективный инструмент колдуна; она же является одним из наиболее сильных психологических приемов, используемых и в современной медицине. Психологическим инструментом, не связанным прямо с медициной, является также танец; на Бали и в других местах — от Дальнего Востока до Океании — у меня была возможность наблюдать, как танец включался в схему ритуальных и художественных обрядов знахарей.

Может быть, самым ярким примером танца как средства психологической разрядки служит так называемый «танец одержимости». Этот термин обычно применяют к африканским танцам, таким, как «танец шакала». Однако тому, кто наблюдал различные виды подобных танцев — от самых примитивных до самых совершенных в художественном отношении, — ясно, что в различных странах они преследуют одинаковые цели.

Рисунок и музыка танца всегда идут под бдительным присмотром жреца или знахаря, тем самым он строго контролирует воздействие танца. Если целью этого знахаря является «изгнание духов», то танец как бы носит характер психологической разрядки. В результате «танца одержимости» человек «излечивается» от своих недугов и возвращается к нормальному образу жизни.

В этом виде психологической разрядки есть нечто общее с основами современной психотерапии. Но разница между первобытной и цивилизованной процедурами заключается в природе средств к этой разрядки. В первобытном обществе внутренние побуждения и желания человека высвобождаются в коллективных формах, и это снимает чувство одиночества и оторванности от коллектива. Лечась в присутствии других, больной разрешает свои внутренние проблемы и освобождается от «духов».

В Папуа (Новая Гвинея) я познакомился с культом торо, где существует такое же, но более контролируемое высвобождение внутренних желаний. Человека, стремящегося приобщиться к этому культу, обычно посещают видения, которые могут быть просто галлюцинациями. Новообращенного обучают способам, позволяющим вызывать видения; эти способы — форма контакта с «духом», жаждущим вселиться в него.

Это часто называют магией Оракайва. Ее последователи твердо верят, что их видения — реальность, зачастую — пророчество. Поэтому они с гордостью рассказывают всем и каждому о своих видениях. Принадлежность к культу «видений» придает им дополнительный вес в глазах односельчан. Эти видения у разных людей часто настолько схожи, что бывает трудно сказать, что кому привиделось, а что просто пересказ с чужих слов.

Собираясь вместе, последователи культа торо поют, бьют в барабаны и танцуют. Эти танцы известны среди местных жителей под названием касамба, они отличаются от местного танца «синг-синг» неистовством и избытком эмоций, разгорающихся во время танца.

Гостей приветствуют характерным приветственным выкриком «Орода! Орода!». Для членов культа торо это своего рода пароль.

Когда появляются вновь прибывшие, темп танца возрастает, молодежь, стараясь перещеголять друг друга, теряет контроль над собой. Они размахивают оружием, срубая ветки банановых деревьев и кокосовых пальм, и жуют бетельный орех до тех пор, пока из их ртов не закапает темно-красный сок.

На Бали, недалеко от города Клунг-Клунг, я был свидетелем самого неистового и фантастического танца из всех, которые мне доводилось когда-либо видеть. Он называется «танцем криса», потому что танцующие в неистовстве буквально пронзали себя своими острыми крисами, или мечами.

Я путешествовал по северной части острова, когда услышал, что в одной из деревень как раз идут приготовления к такому танцу. Часто они длятся в течение нескольких дней, и я решил туда поехать. Подъезжая к городу, мы были вынуждены свернуть с дороги, чтобы пропустить процессию, состоявшую из мужчин и женщин, одетых в яркие одежды. Мой гид объяснил мне, что эти люди идут в деревню Пак Себали, где готовится «танец криса».

Я присоединился к идущей в гору процессии и шел за ней около двух миль, пока не добрался до плато на вершине холма. Оттуда открывался красивый вид — вниз террасами опускались рисовые поля, зеленели рощи кокосовых деревьев и сады. На плато стоял храм, построенный из обтесанной лавы и кирпичей из необожженной глины. Храм стоял среди огромного двора, обнесенного низкой глинобитной стеной. На остроконечных башенках храма развевались флаги, придававшие праздничный вид всему месту.

Подойдя ближе, мы увидели во дворе большие столы, на которых было множество всякой снеди — лепешки неизвестных мне деликатесов, уложенных затейливыми узорами. Послышались звуки музыки, легкой и звенящей, и из храма вышел человек, неся белый зонт на длинном — футом в десять — шесте. За ним появилась группа музыкантов, а потом потянулась вереница девушек — их было около пятидесяти. На головах у них были громадные украшения из цветов. Процессия прошла через ворота и спустилась на дорогу, ведущую к реке у подножия холма. Мой гид сказал, что этим начинается церемония и что богов храма принесут обратно «избранные для этого люди».

Суть этого танца, как я узнал позднее, заключается в том, что в определенное время — первое новолуние нового года — в последователей культа могут вселяться боги. В это время все жители деревни могут легко представить себе, что в каждом из них поселился бог. Бывали случаи, когда во время этих обрядов все жители впадали в состояние коллективного транса.

Я был поражен, когда увидел процессию «избранных», которая вдруг появилась перед глазами. Они шли вверх по той дороге, по которой спускались девушки. Они ритмично двигались вперед шаг за шагом и пели, но их движения были какие-то неуверенные и даже неуклюжие. Я заметил, что глаза у них были широко открыты и неподвижны, как будто у них не было сил опустить веки. Казалось, они впали в транс.

Время от времени кто-нибудь из них делал полуоборот в сторону и направлял острие своего криса себе в грудь. Порой, воткнув рукоятку криса в землю, они делали над ним круг, прижавшись грудью к острию. Процессия подошла к воротам, и я увидел, что у многих течет кровь из ран на груди, однако они, казалось, совсем не замечали этого.

Следом за этой процессией шли люди с носилками, имевшими форму корыта футов шесть в длину и два в ширину, державшегося на двух длинных бамбуковых шестах. На каждой носилке в домике, похожем на ящик, находился божок.

Когда процессия вступила во двор, окружавший храм, я увидел, как резко возрос эмоциональный накал толпы, насколько возбуждены и взволнованы были зрители. Лица были напряжены, некоторые подались вперед, но их тут же вернули в толпу. Тут мужчины свернули в сторону, а носильщики вдруг двинулись на толпу.

Я нашел себе местечко на глинобитной стене, откуда можно было наблюдать процессию, но сутолока и беспорядок были настолько велики, что трудно было понять происходящее. Пытаясь разглядеть все получше, я подался вперед и вдруг соскользнул со стены во двор.

В это время носильщики беспорядочно метались по двору, явно потеряв над собой контроль, а женщины в толпе пронзительно кричали. Мне казалось, что божков с носилок скинут в толпу, но они, очевидно, были как-то прикреплены и, хоть и раскачивались как маленькое суденышко в шторм, все же крепко держались на швартовах.

В воротах храма стремящаяся внутрь толпа создала дикую давку, люди падали, по ним буквально шли другие. Сколько изувечено и убито, я не знаю, но число жертв должно было быть велико. Когда носилки на длинных шестах вонзались в толпу, слышались дикие крики раненых, среди которых было много женщин.

Почетный караул «избранных» к этому времени пришел уже в полное неистовство. Они кружились в толпе, нанося крисами удары друг другу и зрителям, они продолжали выделять странные пируэты вокруг мечей, рукоятки которых были в земле, а острие — против груди танцующего.

Через несколько минут процессия исчезла в храме. Нескольких окровавленных участников почетного караула служители увели, а лежащих на земле окропили священной водой из тыквенных

сосудов. Визг труб и грохот барабанов достиг крещендо. Дикие звуки их еще держались некоторое время, затем резко оборвались.

Участники «танца криса», еще способные идти самостоятельно, пошатываясь, направились к храму, другим помогали служители. Некоторых пришлось нести. Когда последний человек исчез в храме, было уже темно; я настолько устал от впечатлений, что сделал знак своему гиду, и мы молча удалились.

Понять этот обряд можно, только уяснив его значение и эмоциональную ценность для участников. Только тот, кто принимал в нем участие, имеет, вероятно, полное представление о своих мотивах и своей реакции. Но мои друзья на Бали, хорошо знающие страну, говорили, что на острове очень мало душевнобольных и причина тому — эти танцы.

Не знаю, насколько это справедливо. Но этот танец так сильно подействовал на меня, хотя я был всего лишь зрителем, что, на мой взгляд, один сеанс «танца криса» может либо излечить, либо убить неврастеника или просто неуравновешенного психически человека.

ГЛАВА 15

ИСПЫТАНИЕ МУРАВЬЯМИ

Странствуя по белу свету более двадцати лет и будучи одержим любопытством, я часто наблюдал знахарей со стороны. Одни из наблюдений были просто интересны, другие — поражали, третьи — вызывали странное ощущение, как будто бы я на одно мгновение приоткрыл покрывало тайного, неведомого и заглянул во что-то запретное для глаз цивилизованного человека; Знахарь — это экономический паразит. Какие бы функции в своем племени он ни выполнял, его работа не имеет ничего общего с добыванием пищи. Соплеменники верят ему и нуждаются в его помощи так же, как мы нуждаемся в помощи врача. Знахарь имеет большой престиж и получает вознаграждение (подарки, предметы первой необходимости), потому что он признан общиной необходимым для ее жизни.

Тем не менее, он часто бывает человеком ущербным — физически или социально. Он может быть слабовольным или калекой, даже эпилептиком, как это было в случае с Памантохо. Зачастую он подвержен видениям, трансам и другим ненормальным психологическим состояниям. В некоторых племенах знахаря называют тем же словом, что и помешанного, поскольку он осуществляет свои функции с помощью тех же духов, что властвуют над душевнобольными.

Знахарь выступает обычно в качестве советника или консультанта и редко — в качестве исполнителя. Самое важное то, что в любом случае он тонкий психолог. К тому же он должен быть и политиком и артистом. Он понимает свою аудиторию, которая ждет от него развлечений и заботы. Его задача заключается в том, чтобы поддержать как физическое, так и духовное здоровье его общины, а его техника представляет собой странную комбинацию естественных и сверхъестественных элементов интуиции и здравого смысла.

В разных местах его называют по-разному. На западном побережье Африки он нгомбо, в Центральной Африке — нианга, у народностей Фанга — мбунга. В Южной Америке он курандейро, фейтесейро — у говорящих по-португальски в Бразилии, а в Перуанских Андах он бруджо. В Малайе он мендуг, на Борнео — маданг, на Яве — дукун. У гренландских эскимосов он ангакок.

Его уважают главным образом за то, что его силы вызывают страх, но он сам не делает зла. Обычно он самый мудрый человек в деревне, врач и советник для своих пациентов.

Чтобы стать знахарем во многих странах, нужно пройти через множество испытаний; я не знаю ни одного племени, которое не подвергало бы испытанию своих будущих знахарей. Некоторые, такие как камайюра, не особенно придирчивы и считают даже незначительное отклонение от психических и физических норм у испытываемого достаточным признаком его контакта с духами. Однако у большинства африканских племен существуют жестокие испытательные ритуалы.

В долине Убанги в Бельгийском Конго, в деревне Кефуса я был свидетелем церемонии посвящения мальчиков в ученики нгомбо. Церемония требовала огромной физической выносливости. Проходила она рано утром в пальмовой роще, за которой начинались джунгли.

Нгомбо ятсексуки — главный колдун — появился из рощи, восседая на плечах двух туземцев. Его окружало около дюжины рядовых колдунов, которые прыгали и визжали, будто безумные. Процессия двинулась мимо нас, и я заметил, что женщин в ней не было, все они сидели дома.

Мужчины танцевали, образовав круг, в центре которого был нгомбо. Затем в круг вступил лемба — глава деревни и обратился к окружающим. Казалось, он задает вопросы, и хор ревуших голосов отвечает ему.

Это происходило возле длинной хижины, крытой травой. Из темноты за хижиной появились мальчишки — их было восемь, они шли гуськом. Это и были послушники. У входа в хижину развели костер и набросали в него зеленых веток, чтобы было больше дыма. Мальчики вошли в хижину друг за другом и оставались там минут двадцать. Затем они стали выходить оттуда, шатаясь и кашляя от дыма, едва не задохнувшись. Мужчины, ждавшие их снаружи, бросились к ним, раздавая пинки направо и налево, и принялись загонять обратно в хижину. Через короткий промежуток времени несколько мужчин вошли в хижину и вытащили оттуда мальчиков. Большинство из них были в полубессознательном состоянии, некоторые — в обмороке, и их нужно было вынести на открытое место.

Четыре барабанщика, выстроившись в ряд позади мальчиков, били в тамтамы все сильнее и сильнее. Очевидно, непрерывный грохот привел мальчиков в чувство: один за другим они садились, протирая глаза. Как только они приходили в себя, их тут же загоняли обратно в хижину. Это продолжалось около двух часов. Мальчиков вталкивали в наполненную дымом хижину и вытаскивали, когда они уже совсем задыхались. Наконец уже на рассвете их построили в ряд и повели к реке, до которой было около четырех миль. Их привели к высокому конусообразному холму, и я с ужасом понял, что это будет за испытание. Холм представлял собой жилище муравьев. Эти муравьи, в полдюйма величиной, считаются самыми страшными и прожорливыми насекомыми Африки. Мальчики вошли в реку, и каждому из них на голову положили по куску, отломленному от муравейника. Чтобы они не могли смахнуть с себя муравьев, их заставили держать в каждой руке по камню.

Как только муравьи расползлись по телу, мальчикам разрешили выйти туда, где под деревом сидел один из знахарей деревни. Он был раскрашен безобразным образом, на лице были нарисованы знаки, похожие на пасть крокодила. В каждой руке он держал по мачете. В зубах у него была зажата стрела. Осмотрев каждого мальчика, колдун замахивался на него одним из мачете, и тот поворачивался и бежал обратно вдоль реки. Потом ему разрешалось прыгнуть в воду, чтобы избавиться от муравьев. В заключение церемонии каждому из мальчиков, лица и шеи которых раздулись и стали бесформенными от укусов муравьев, вручили красное перо длиннохвостого попугая, по-видимому, знак посвящения.

Такое тяжкое испытание преследует, вероятно, двойную цель: во-первых, необходимо «проверить» кандидата, чтобы выяснить, подходит ли он для совершения таинственных, а зачастую и страшных ритуалов знахарства, и, во-вторых, произвести впечатление на жителей деревни могуществом знахаря, с тем, чтобы они уважали его.

В отношениях с членами своего племени знахарь использует психологические механизмы, существовавшие за сотни, а может быть, и тысячи лет до Фрейда. Они используют механизмы психологического воздействия, которые не зависят ни от этнических обычаев, ни от языка, ни от географического района. Общие представления о психике человека можно встретить в различных вариантах по всему свету — среди индейских племен Северной Америки, в Бразилии и Андах, в Гренландии и на Аляске, в Австралии, на Новой Гвинее и островах Южного моря. Очевидно, что в основе таких представлений лежат наблюдения над общими чертами в человеческом характере.

Внушение старо, как мир. Примеры внушения встречаются в Ветхом и Новом завете, в талмуде и коране. В том, что знахарь пользуется внушением, нет ничего странного; странно то, что, пользуясь им, он прибегает к методам, соответствующим теориям современной медицины. Он сочетает мистические элементы внушения с такой практической техникой, как гипноз, фокусничество и бесполезные лекарства, которым верят и которые именно поэтому помогают больному.

Знахарь у ложа больного ведет себя скорее как современный врач, чем как старомодный терапевт. Он не войдет к хижину с похоронной физиономией и не будет сообщать, что «состояние больного таково, как и следовало ожидать». Вместо того, чтобы готовить окружающих к смерти больного, он старается подбодрить пациента оптимистическими предсказаниями, делая ставку на его силы и обещая смерть его врагам.

И прежде всего он использует средства психиатрии. Стоит только отправить пациента в мир его собственных иллюзий и фантазий, убаюкав его сознание, и психотерапевт — «знахарь» нашего века уже может беспрепятственно играть на его доверии, которое сам же создал. В отдаленных уголках сознания он может откопать зарытые сокровища памяти — надежды, страхи и навязчивые идеи, которые способны освободить или, наоборот, запутать пациента в сетях, которые тот сам себе сплел.

Одним из ритуалов в практике колдуна является «вынюхивание» корня зла. Это требует высокого психологического искусства, учета как умственных способностей жертвы, так и обычаев племени для того, чтобы жертва охотно признавала свою вину — даже тогда, когда обвиняемый в действительности невиновен. Вера в колдуна заставляет жертву считать, что какой-то дух завладел ею и принудил к злодеянию. Отыскание первопричины зла обычно проводится в присутствии всего племени. Это еще больше укрепляет веру всех членов племени в силы колдуна.

«Закливание палочек» — это излюбленный, хотя и запрещенный законом белого человека во многих частях Африки, древний прием выявления причины болезни или других бед. Я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, как он действует, но знаю, что действует он эффективно. Обряд этот, известный под названием м'тамбо среди многих племен банту, заключается в том, что замысловато вырезанные палочки или отшлифованные кости бросают на землю между двумя линиями — белой и красной. Обычно члены племени садятся на корточки вокруг, а нгомбо берет свои палочки или кости. Иногда из них вырезаны фигурки зверей, а в некоторых племенах — подобию знаков зодиака. На конце отшлифованной палочки или кости часто вырезаны головы змей, коз, слонов, львов и антилоп. Каждая что-то обозначает: лев — символ силы и победы; змея — символ мщения неизвестному врагу; крокодил — это, как правило, — символ смерти.

Эти магические предметы бросают на землю. В простых церемониях они просто падают плашмя, и направление, которое они показывают, указывает виновных. Существуют описания ритуалов, во время которых палки или кости долго прыгают вокруг и даже принимают вертикальное или наклонное положение, «указывающее» на виновную сторону.

Красная и белая линии употребляются для выявления истины в ответах на вопросы, задаваемые при опросах обвиняемого или больного. Если кость падает на красную линию, это означает «да», если на белую, то «нет». Полагают, что таким образом сами духи выявляют виновного (или источник зла).

Умиротворение духов или их изгнание из тела человека является столь же естественными функциями представителя местной медицины или знахаря, как снижение жара или устранение болезнетворных бактерий является обязанностью наших врачей. Одна из примитивных «теорий болезни», распространенных на

Американском континенте, гласит, что духи или колдуны «пускают стрелы» в живые существа. Эта «теория стрелы» используется местными жителями для объяснения многих событий.

Среди некоторых индейских племен причину головной боли приписывают мистической «стреле», пущенной ведьмой. Когда индеец чувствует головную боль, особенно если при этом опухают глаза, он уверен, что его заколдовал колдун, пустив в него «стрелы», и что эти «стрелы» вонзились в место, где он чувствует боль.

Если индейскому знахарю нужно «заколдовать» жертву, то ли сводя с ней счеты, то ли по заданию клиента, он готовится к этому несколько дней. В течение этого времени он должен воздерживаться от половых сношений, мало есть или не есть совсем и ни с кем не разговаривать. Свои приготовления он часто делает ночью. Он готовит снадобья, с помощью которых он собирается вызвать духов, чтобы те подсказали ему, какими «стрелами» ему пользоваться. Он сморкается в руку и, согнувшись над ней, шепчет имя индейца, которого он собирается заколдовать. Этот обряд нашел отражение даже в индейских сказаниях. Так, индеец из провинции Шингу рассказал мне такую историю.

Жена знахаря пошла в июле за бататом. Она увидела грифа, летящего с юга. Птица сначала парила над ней, а потом села, и женщина вдруг почувствовала боль в груди. Она боялась, что ее поразила «стрела», пущенная грифом, и попыталась прогнать птицу, но та отлетела в сторону и снова села, уставившись на женщину. Женщина в ужасе побежала домой. Ее муж позвал другого знахаря. Выпив спиртного, тот сказал, что ее заколдовал колдун из соседней деревни. Знахарь пытался вылечить ее, но она умерла.

В этом рассказе нет ничего, кроме указания на яркое воображение женщины. Однако та женщина умерла, и в ее племени все были убеждены, что она пала жертвой колдовства.

Знахари всячески хитрят, чтобы сохранить свое положение в племени. Даже мой друг Пименто не стеснялся жульничать. Однажды моего проводника-индейца укусила крошечная мясная муха (*Nixerod diptera hyperderma*). Муха получила такое название потому, что ее личинка — извивающийся червячок — выводится под кожей и делает в ней дырочку, через которую дышит. Червячок может достигнуть размера по полудюйма, а поскольку он покрыт колючими волосками, его трудно удалить. Если его раздавить, то в ране быстро развивается инфекция и может начаться заражение крови.

По мере того как червячок рос, индеец хирел и наконец обратился к Пименто. Колдун принялся за дело. Он взял у меня сигарету, положил кусочек ваты на дырочку на коже и пустил через вату дым. Затем он немножко потанцевал вокруг своего пациента, склонился над ранкой и прошептал несколько слов. Индеец потом гордо рассказывал мне:

«Он сказал что-то, и червячок услышал, сеньор. Поверьте мне, червяк вылез».

Пименто, очевидно, применил свои знания свойств никотина, с помощью которого можно избавиться от клеща, впившегося в кожу. Это хорошо известное средство в тех местах, где они встречаются. Однако танец и сопровождающие его трюки убедили индейца, что только такой великий колдун, как Пименто, мог помочь ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вспоминая все, с чем я встречался за эти десять лет, когда мне привелось наблюдать жизнь нецивилизованного и получивилизованного человека в глубинах джунглей, я пришел к знаменательному выводу: понятие «совпадение» не способно объяснить все случаи, свидетелем которых я был.

Так после странствий среди первобытных представителей самой старой профессии в мире я могу только повторить цивилизованным людям слова Шекспира: «Есть многое... на небе и земле, что и во сне, Горацио, не снилось твоей учености».

Райт Г.

Свидетель колдовства. — М.: Радио и связь, 1991. — 128 с. ISBN 5-256-01032-8.

Гарри Райт, житель Филадельфии, дантист по профессии и член клуба путешественников США, значительную часть жизни посвятил изучению приемов первобытной медицины. Начав свои странствия еще до начала второй мировой войны, он продолжил их в послевоенные годы. Ему довелось посетить труднодоступные уголки земного шара — глухие районы Африки, дебри Амазонки и острова Океании. Везде он наблюдал картины тогда еще не тронутой «цивилизацией» жизни туземных общин. Свои наблюдения он изложил в форме записок путешественника,

4703040000—070 Р — Без объявл. 046(01) — 91

Литературно-художественное издание Райт Гарри Б.
СВИДЕТЕЛЬ КОЛДОВСТВА

Руководитель сектора Е. Н. Панина Редактор Н. В. Копылова
Художник Е. Н. Волков Художественный редактор Н. С. Шеин
Технический редактор И. В. Волченкова Корректор Т.С. Власкина

ББК 26.8г

Сдано в набор 26.02.91 г.

Подписано в печать 19.03.91 г. Формат 60X90/16

Бумага типографская № 2 Гарнитура литературная Печать
высокая Усл. печ. л. 8,0 Усл. кр.-отт. 8,25 Уч.-изд. л. 8,74 Тираж
30000 экз. (2-й завод 10.001—20.000) Изд. № 23561 Зак. № 1059
Цена 5 руб.

Издательство «Радио и связь». 101000 Москва, Почтамт, а/я 693

Типография издательства «Радио и связь». 101000 Москва.
Почтамт, а/я 693

ISBN 5-256-01032-8

© Оформление. Издательство «Радио и связь», 1991